

ФЕРНАН БРОДЕЛЬ

ЧТО ТАКОЕ
ФРАНЦИЯ?

ЛЮДИ И ВЕЩИ

ЧТО ТАКОЕ ФРАНЦИЯ?

Книга вторая ЛЮДИ И ВЕЩИ

Часть первая

ЧИСЛЕННОСТЬ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ И ЕЕ КОЛЕБАНИЯ НА ПРОТЯЖЕНИИ ВЕКОВ

FERNAND BRAUDEL

L'IDENTITÉ
DE LA FRANCE
LES HOMMES ET LES CHOSES

1

ARTHAUD-FLAMMARION

ФЕРНАН БРОДЕЛЬ

ЧТО ТАКОЕ
ФРАНЦИЯ?
ЛЮДИ И ВЕЩИ

1

Москва
Издательство
имени Сабашниковых

ББК 63.3 (4Фр.)
Б 88

Перевод с французского
Ирины Стаф (глава первая),
Ольги Гринберг (глава вторая)
под общей редакцией
Веры Мильчиной

Художник
Виктор Крючков

В оформлении использован фрагмент картины Винсента Ван-Гога «*Сеятель*»

Издание подготовлено и осуществлено
при поддержке Министерства иностранных дел Франции
и Французского посольства в Москве

Б 0503030000-002 Без объявл.
Б94(03)-95

ISBN 5-8242-0017-3

© Les Editions Arthaud, 1986
© Издательство им. Сабашниковых, 1995
© Перевод на русский язык. И. К. Стаф,
О. Э. Гринберг, 1995
© Оформление В. А. Крючков, 1995

КНИГА ВТОРАЯ

ЛЮДИ И ВЕЩИ

*Трудность заключается в том,
чтобы найти гипотезы,
имеющие какое-то отношение
к действительности.*

Джоан Робинсон ¹

ПРЕДИСЛОВИЕ

В предыдущих главах я рассматривал историю Франции как историю ее пространства — слишком обширного и одновременно слишком богатого контрастами, в котором тем самым должны были сосуществовать бок о бок множество Франций. Если же теперь взглянуть на Францию в ее самых общих *хронологических* рамках, то она предстанет целой чередой Франций, последовательно сменяющих друг друга, разных и похожих, попеременно то тесных, то широких, то единых, то раздробленных, то благополучных, то страждущих, то удачливых, то неудачливых. Именно эти состояния Франции и их последовательные изменения — я бы предпочел называть их *общими циклами* — мне бы и хотелось принять здесь за исторические вехи и в значительной мере за объяснения. Приливы и отливы этих циклов, чередуясь, приводили в движение живые массивы нашей истории, подобно тому как приливы и отливы без устали волнуют воды морей.

Сначала я озаглавил первую часть второй книги моего сочинения «Долговременные циклы в истории Франции», но потом побоялся, что это заглавие приведет к известной двусмысленности, поскольку слово «цикл» употребляют, как правило, только экономисты. В их терминологии каждый цикл включает в себя две истории, два склона по обе стороны от некоторой верхней точки. Существует, таким образом, восходящая ветвь цикла — подъем, и нисходящая — спад; вершина отделяет одну от другой. Восходящая ветвь исходит из определенной *нижней точки*, нисходящая завершается другой *нижней точкой*. Как раз такого рода колебания я и намерен здесь проследить, но на протяжении весьма длительного периода, какой для самих экономистов и тем более для историков безусловно непривычен. Однако я искренне верю, что историческая наука нуждается в этом понятии и в той рискованной постановке проблем, которую оно предполагает.

Нужно раз навсегда условиться: эти долговременные, многовековые циклы — не только экономического происхождения. Они несоотносимы с историческим материализмом, для которого экономика выступает причиной и главной движущей силой жизни людей. Причины и сле-

дствия в них, как всегда и бывает, переплетены друг с другом и связаны определенной системой *feed back* *, которая превращает их поочередно то в причины, то в движущие силы, то в следствия. Всякий затяжной упадок, всякий *вековой* подъем уровня жизни, всякая экономическая депрессия, не преодолимая в короткие сроки, безусловно предполагают взаимодействие множества факторов, в число которых может входить что угодно — политика, общественная жизнь, культура, развитие техники, войны и т. д. Это целостность, прекратившая полезное действие и ставшая вредоносной либо вновь становящаяся полезной и подготавливающая подъем. Короче, мы наблюдаем общий упадок или оживление, но почти никогда не можем определить их истинные причины.

В конечном счете я надеюсь, что читатель, освоивший язык современных экономистов, пусть даже по ежедневным газетам, согласится с тем расширительным толкованием, которое я в этой книге вкладываю в слово «цикл». Историки, конечно, будут более сдержанны. Действительно, мы привыкли рассматривать каждую из сменяющих друг друга Франций саму по себе: у нас есть специалисты по доисторической эпохе, специалисты по независимой Галлии или галло-романской античности, есть медиевисты, исследователи новой истории и т. д. И без этого никак нельзя обойтись. Однако все эти Франции нужно сблизить между собой. Нелишне упомянуть, что история каждой из них неумолимо циклична. Они рождаются, достигают расцвета, клонятся к упадку. Они приходят на смену одна другой — но разрыва между ними нет.

В этой, второй книге, называющейся «Люди и вещи», я, чтобы в общих чертах обрисовать наше прошлое, обратился к языку двух наук, демографии и экономики, поскольку именно в этих областях обнаруживаются наиболее очевидные, легкоуловимые признаки подобных глубинных сдвигов. Люди: сколько их? Вещи: как они позволяют людям жить, выжить, заставляя их в случае необходимости двигаться вперед либо отступить с той или иной линии, позиции, завоеванной раньше? Численность народонаселения — Андре Пиатье говорит в подобном случае о «человеческом капитале» — является здесь первичным «индикатором» и даже, по утверждению Ги Буа ², «наименее произвольным критерием». Ей и посвящены по преимуществу главы I и II «Население Франции от доисторического периода до 1000 года», «Население с X века до наших дней». Главы III и IV посвящены крестьянской экономике до XX века; их названия: «Инфраструктуры» и «Суперструктуры» — я объясню в свое время.

* Обратной связи (англ.).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЧИСЛЕННОСТЬ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ И ЕЕ КОЛЕБАНИЯ НА ПРОТЯЖЕНИИ ВЕКОВ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

НАСЕЛЕНИЕ ФРАНЦИИ ОТ ДОИСТОРИЧЕСКОГО ПЕРИОДА ДО 1000 ГОДА

По различным смелым и, что ни говори, впечатляющим подсчетам, со времени возникновения *Homo sapiens sapiens*, с тех пор как человек действительно стал человеком, на земле жило до нас от 70 до 100 миллиардов человек. Фантастическая цифра! «Где поместятся все эти миллиарды человеческих существ в день Страшного суда?» — пишет мне в шутку Альфред Сови¹. Если исходить из этого подсчета, то во «французском» пространстве прежде нас жили, работали, совершали поступки приблизительно миллиард человек, каждый из которых оставил пусть самое малое, но все же наследие, входящее в наше громадное национальное достояние. Сегодня нас, живых, более 50 миллионов; покойников же наших в общей сложности в двадцать раз больше. И не будем забывать, что они по-прежнему здесь, «под ногами живых». Земля в любом краю, например, под виноградником в Шампани, или Медоке, или Бургундии — «земля искусственно созданная, возделывавшаяся на протяжении двух тысячелетий» или около того².

Короче говоря, нет ничего удивительного в том, что уже тысячи лет назад пространство Франции было обработано, покрыто дорогами, поселками, хижинами, домами, селениями, деревнями, городами или, как смело выразился кто-то, «засажено» крестьянами... С самых ранних пор численность населения играет роль в истории, влияет на ее ход, освящает успехи как исторической, так и доисторической эпохи — в равной мере как нашу гордость, пещеру Ласко, и бурный расцвет дольменов и менгиров, так и романское или готическое искусство. Численность населения, этот всеобщий множитель, несет свою долю ответственности и за расцвет религии, и за становление государств, и за капиталистическое развитие итальянских городов, начиная с XII века, и за многое другое. Иногда и наоборот — за те сломы и возвращения вспять, зловещим пророком которых выступил Мальтус.

Ни для кого не секрет, что сегодня численность народонаселения весьма тяжким бременем ложится на судьбы мира: в 1980 году человечество насчитывало 4,4 миллиарда. «К 2000 году эта цифра возрастет по крайней мере до 6 миллиардов, и было бы нереалистичным ожидать стабилизации на уровне ниже 10—11 миллиардов» в будущем столетии, утверждают специалисты, которые, к сожалению, ошибаются не всегда и не во всем³. В XVII веке говорили: вся сила — от людей. В следующем столетии французский экономист Гудар отмечал: «Первая из общепризнанных в политике максим гласит, что лишь великое население способно образовать великое Государство». Каковы, вопрошал он, «подлинные интересы наших королей?.. Могущество их заключено в количестве подданных»⁴. Но численность населения имеет и обратную сторону: кто бы осмелился применить формулировки Гудара к нынешнему времени, имея перед глазами пример Индии и Китая, вынужденных применять сильнодействующие средства для ограничения рождаемости?

Конечно, в прошлом ничего подобного не было. Не потому, что относительная перенаселенность не могла при случае оказать свое пагубное воздействие,— просто заботу о том, чтобы исправить дело, брали на себя голод и эпидемии. Население земного шара стало последовательно расти — если не равномерно, то по крайней мере в целом безостановочно,— лишь в новое время.

I

К ВОПРОСУ О НАСЕЛЕНИИ В ДОИСТОРИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

*Точка зрения, признающая первичность
Истории
по отношению ко всему, что ей
предшествовало,
нечестна и, более того,
не является строго научной.*

Жан Маркаль ⁵

Кто сказал, что доисторическая эпоха — не история? Кто сказал, что Галлии не существует до собственно Галлии или что Франции не существует до Франции, что ряд особенностей и Галлии и Франции не объясняется тысячелетиями, предшествовавшими римскому завоеванию? Лучше представьте себе «всю ту работу, что проделал род человеческий на протяжении самого долгого периода в своем существовании, периода доисторического»: эта мысль принадлежит Ницше ⁶. Невообразимые массы прожитого времени, громоздясь друг на друга, наползают и на нас, пусть даже мы этого не замечаем. Так как же не быть преемственности между доисторической эпохой и историей, как им не смыкаться друг с другом? Вчера историки ставили на кон свою репутацию, пытаясь, каждый со своей стороны, отыскать, где проходит искусственная граница: между античностью и средневековьем ⁷ или между средневековьем и новым временем. Сегодня, похоже, предметом очень крупной игры может стать граница между доисторическим периодом и историей.

К несчастью, сам доисторический период возник всего лишь менее чем полтора века назад, после того как в 1837 году Буше де Перт обнаружил на наносных террасах вдоль Соммы каменные орудия доисторического человека, признанные таковыми, — признанные по крайней мере их первооткрывателем, ибо Буше де Перт лишь к 1860 году ценой больших усилий добился, чтобы его выводы были приняты. Первые тома его труда «Кельтские и допотопные древности», вышедшего с 1847 года, были встречены скептически либо с насмешкой — точно так же, как в 1859 году «Происхождение видов» Дарвина. Но в том же 1859 году несколько английских ученых пересекли Ла-Манш, чтобы изучить орудия, открытые Буше де Пертом, и подтвердили его правоту ⁸. Это подтверждение стало поистине революционным, ибо обнаружить следы жизнедеятельности человека, современника вымерших

гигантских животных, в геологических пластах, известных специалистам своей глубокой древностью, неизбежно означало отнести исторические корни человека в самое отдаленное прошлое, произвести переворот, революцию в умах, какую сегодня нам очень нелегко себе представить. Ведь до тех пор даже ученые, следуя традиционному толкованию Библии, признавали, что сотворение человека произошло за четыре тысячи лет до Рождества Христова. Исаак Ньютон, занимавшийся не только математикой и астрономией, потешался над хронологическими таблицами, которые были составлены египетскими писцами, — до того тщеславными, что, по их уверениям, их древние цари были якобы *«some thousand of years older than the world»*, на несколько тысячелетий древнее самого мира!⁹

Благодаря Буше де Перту и в еще большей степени его современнику Дарвину (оба они, каждый по-своему, приобрели скандальную славу) за несколько десятилетий вся история фантастически сдвинется назад во времени — как история происхождения человека, так и история возникновения земледелия, первых деревень, первых городов. И, возвращаясь к нашей проблеме, — сразу сдвинется назад история Франции.

Что касается историков, то их, как водится, — и в этом есть своя логика, ибо речь шла о переходе из одной сферы познания в другую, — горизонты этого едва родившегося доисторического периода взволновали не сразу: для них эти горизонты оставались чем-то неинтересным, почти чуждым, затерянным во тьме веков, — просто неким предварительным периодом, о котором стоит, быть может, упомянуть где-нибудь в сноске или сообщить на нескольких страничках. А дальше снова, как будто ничего и не случилось, разворачивала свою привычную повесть история.

Но доказательства, выводы, гипотезы, относящиеся к доисторической эпохе, накапливались, и вот у начала истории разверзлась бездонная пропасть. Вообразите себе: история, какой она предстает по нашим меркам, не составляет и тысячной доли человеческой эволюции, взятой во всей ее протяженности. И для того чтобы стало возможно представить себе эту эволюцию, потребовалось сотрудничество, взаимодействие разных наук, методами которых сумели или вынуждены были воспользоваться историки: палинологии (изучение частиц древней цветочной пыльцы), палеонтологии, сравнительной анатомии, ретроспективной гематологии, геологии, зоологии, ботаники, а в последнее время в неменьшей степени и изучения современных первобытных народов, наконец, этнологии, поскольку человек, растворенный в природе и рас-

считывающий только на собственные невеликие силы, был на протяжении тысячелетий таким же животным, как и любое другое, и, подобно животным, мог выжить лишь благодаря своим общественным связям, аналогичным тем, какие существуют в животных сообществах.

Все эти научные достижения нисколько не упрощают проблемы — ведь их еще нужно истолковать. Как замечает Колин Ренфрро, вам не приходится ждать, что дисциплины, смежные с вашей собственной, дадут «готовый ответ» на ваши вопросы¹⁰. К тому же совсем недавно использование новых научных методов датировки (по содержанию углерода-14, калийно-аргоновых соединений, по данным дендрохронологии — изучению годичных колец деревьев, или с помощью других, еще более изощренных способов) привело к грандиозному и весьма шумному пересмотру хронологических границ и культурных филиаций в том их виде, как они были установлены двумя или тремя поколениями выдающихся исследователей доисторической эпохи. В частности, потребовали нового истолкования все данные, относящиеся к Европе¹¹.

Все эти обстоятельства делают изучение доисторического периода динамичной, захватывающей наукой, имеющей, однако, весьма зыбкую почву для исследований; к истине здесь можно приблизиться лишь ценой ошибок, последовательных корректировок, предварительных гипотез. Наука эта постоянно находится в процессе обновления.

Чрезмерная временная протяженность. Все недостоверно в вопросе вопросов — о происхождении человека. Новые открытия чередуются то на одном, то на другом континенте, всякий раз слегка подправляя складывающуюся из всей их совокупности общую картину.

На том предварительном этапе, на каком находятся наши познания в этой области, мы, прослеживая человеческую ветвь на стволах обезьяноподобных и гоминидов, по эту сторону от восточноафриканских австралопитеков (и в зависимости от того, какое мы попутно примем определение для первых человекообразных¹²), рискуем оказаться за 5, 15 или 40 миллионов лет до Рождества Христова. Как смиренно замечает Габриель Кан, от открытия к открытию «происхождение наше неуклонно убегает все дальше и дальше в прошлое»¹³.

Впрочем, область наших интересов ограничивается собственно *Ното*, а моментом его возникновения считается сегодня время, когда он принял вертикальное положение, то есть около двух миллионов лет назад, а возможно, даже и раньше. Это было первое двуногое существо,

Homo habilis, но он не был первым, кто обрабатывал камни и использовал их как орудия: так поступали уже некоторые австралопитеки. Однако благодаря вертикальному положению у него освободились руки, а, с другой стороны, объем его головного мозга, поначалу составлявший всего 600—700 см³, стал с тех пор вполне последовательно увеличиваться ¹⁴. Именно сочетание такого сверхкрупного мозга, органа управления, и исполнителя его команд, руки, привело к тому, что «человек смог развить во всех направлениях свои удивительные способности» — сознание, память, речь ¹⁵. Вслед за *Homo habilis*, обитавшим скорее всего в Африке, появился *Homo erectus*, заселивший умеренные климатические зоны, а за ним, наконец, *Homo sapiens* и *Homo sapiens sapiens*. Последний — это вполне законченный человек, такой же, как мы с вами.

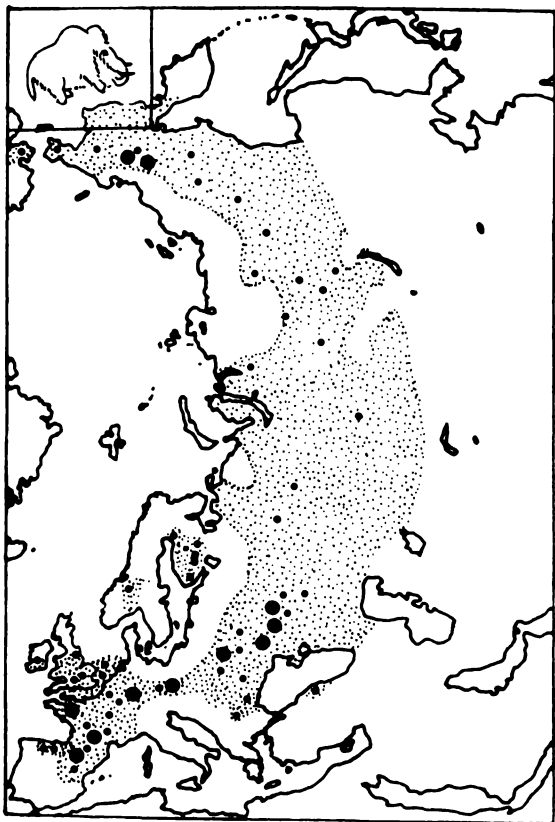
Опять-таки на современном уровне наших познаний появление *Homo erectus* на «французской» территории предположительно датируется 1 800 000 г. до н. э. За последние годы в департаменте Верхняя Луара, в Шилаке, в Центральном Массиве были обнаружены «кварцы, несомненно обработанные [рукой человека], в соседстве с фауной нижнего четвертичного (виллафранкского) периода» ¹⁶. На сегодня это, по видимому, самый древний человеческий след, обнаруженный в Европе. Однако на более твердой хронологической почве мы оказываемся благодаря находкам в Солилаке, в том же районе ¹⁷. Еще одна вежа — около 950 000 г. до н. э. — появилась в ходе раскопок 1958, 1962 и 1968 годов в пещере под названием Лисья Нора, которая идет вдоль Валлоне, небольшой горной речки в коммуне Рокбрюн (Приморские Альпы). Останки древней фауны — макак, *Elephas meridionalis*, лошади, кошачьих — соседствуют в ней с грубо обработанными костями и галькой. Человеческих останков там, увы, нет (камни сохраняются лучше, чем ископаемые скелеты), однако то, что в пещере обитали люди, не подлежит сомнению. Это самая древняя стоянка человека из всех известных в Европе ¹⁸.

Принимая во внимание, что доисторический период на нашей территории продолжается по крайней мере до второго металлического века, примерно до 500 г. до н. э., мы тем самым получаем фантастическую временную протяженность: почти два миллиона лет, то есть 2 000 тысячелетий, 20 000 веков! Первые вежи, позволяющие ориентироваться в периодах подобной длительности, превосходящей человеческое понимание и воображение, предоставляют геологи. Они измерили сменяющие друг друга эры в существовании земли и отвели истории человека, гоминизации, весь четвертичный период (или, как его еще называют,

плейстоцен), добавив к нему виллафранкский ярус, который принадлежит к концу третичного периода, и отняв конец четвертичного, эпоху, в которую мы живем до сих пор (она именуется *голоценом*).

На всем этом огромном отрезке времени геологи выделяют четыре сменяющих друг друга и весьма продолжительных ледниковых периода; Альбрехт Пенк дал им имена водных потоков в баварских Альпах, где им были обнаружены доказательства немислимых древнейших похолоданий — это, в хронологическом порядке, Гюнц, Миндель, Рисс, Вюрм. Гюнц начинается за два миллиона лет до нашей эры, Вюрм завершается около 10 000 г. до н. э. Между этими оледенениями, каждое из которых устанавливалось очень медленно, естественно, располагаются межледниковые интервалы, периоды потепления, в свою очередь очень длительные и нерегулярные. Отсюда выделение подпериодов (Рисс I, II, III, Вюрм I, II, III, IV, V и т. д.), которые соответствуют чередованию медленных климатических изменений; в каждый конкретный момент эти изменения почти неуловимы, но, накапливаясь на протяжении многих веков, приводят в конечном итоге к колоссальным потрясениям¹⁹. В зависимости от того, одерживает ли верх холод или жара, люди, животные, растения изгоняются то к северу, то к югу: холод отбрасывает на юг живые существа, привыкшие к относительно жарким температурам, тепло же влечет на север охотников, чья жизнь обычно связана со стадами северных оленей или диких лошадей. При этом окружающая среда всякий раз полностью меняется.

Для того чтобы получить обо всем этом некоторое представление (и еще потому, что события, случившиеся некогда, во тьме времен, *теоретически* могут повториться в чрезвычайно далеком и темном будущем), вообразите себе, что произойдет с землей через несколько тысяч или миллионов *грядущих* лет, при новом оледенении — если расположение континентов на ней останется таким же, как сегодня²⁰. В Европе мощный слой льда покроем целиком весь Скандинавский полуостров, Нидерланды, Германию, Польшу, северную часть России, Британские острова вплоть до окрестностей Лондона. Во Франции, как и в давние времена, не будет громадных ледников, за исключением возвышенных точек на ее территории, главным образом Альп. Однако весь Парижский бассейн, включая Париж, равно как и большая часть Франции, покроются тундрой, как в Сибири, степью или лесами. То есть случится настоящий потоп из льда, трав и деревьев, последствия которого для людей, животных и природы в целом поистине неисчислимы. Оттого, что вода застынет в фантастически разросшихся ледниках, понизится уровень морей, необъятные морские глубины вновь станут сушей и немалое

АРЕАЛ РАСПРОСТРАНЕНИЯ МАМОНТА
(15 000—10 000 лет до н. э.)

Зона степей и тундры, протянувшаяся между ледниками, которыми в эту эпоху была покрыта значительная часть Европы и Азии,— это обширная, от севера Испании до Сибири, область циркуляции людей и животных (в частности, мамонта и северного оленя). Франция почти целиком находится в этой благоприятной зоне. (По книге: Nougier L.-R. Naissance de la civilisation. 1986).

число островов, в частности Великобритания, соединятся с континентом. Впереди ледников воздвигнутся морены, мощные валы из обломков, раскрошенных из-за эрозии этих громадных твердых тел, а мельчайшие их частицы, подхваченные ветром, разлетятся на далекие расстояния

и образуют лессовые покровы, как в свое время в Китае или по всей Европе. Лессы в бассейне Дуная или на Эльзасской равнине, илистые почвы на плато вокруг Парижа — именно такого происхождения; это рыхлым, легко поддающимся вспашке землям и отдали предпочтение первые французские и европейские землепашцы.

Итак, чтобы расположить во времени поле любых разысканий в доисторической области, нужно прежде всего определить, к какому ледниковому периоду или какому промежутку потепления между ними оно относится, — определить по животным и растительным останкам, по питанию, на которое указывают остатки пищи. Обитатели пещеры на берегу Валлоне, о которой шла речь выше, самой древней из известных нам европейских стоянок человека, жили около миллиона лет назад, в виллафранкский период, на юге Средиземноморья, где в то время царил суровый климат гюнцского оледенения. В пещере были обнаружены камни, разорвавшиеся от мороза, — наряду с кремневыми орудиями и всем набором фауны, характерной для холодного климата ²¹.

Около 10 000 г. до н. э., когда последний ледниковый период, вюрмский, завершается и устанавливается умеренный климат, в целом такой же, как сейчас, северные олени уходят на север; мамонты, не сумев приспособиться к теплу, исчезают. Еще совсем недавно научные экспедиции находили некоторых из этих мастодонтов, сохранившихся невредимыми в толстых льдах Сибири. Мамонты на протяжении столетий прочно занимали свое место в легендах племен северной Сибири. Якуты и тунгусы, которые иногда наталкивались на их стоящие во весь рост — так, будто они только что расстались с жизнью, — туши (собаки кидались на них и рвали зубами), принимали их за громадных кротов, живущих под землей, или водяных животных, которые погибают, едва попав на воздух и на свет ²².

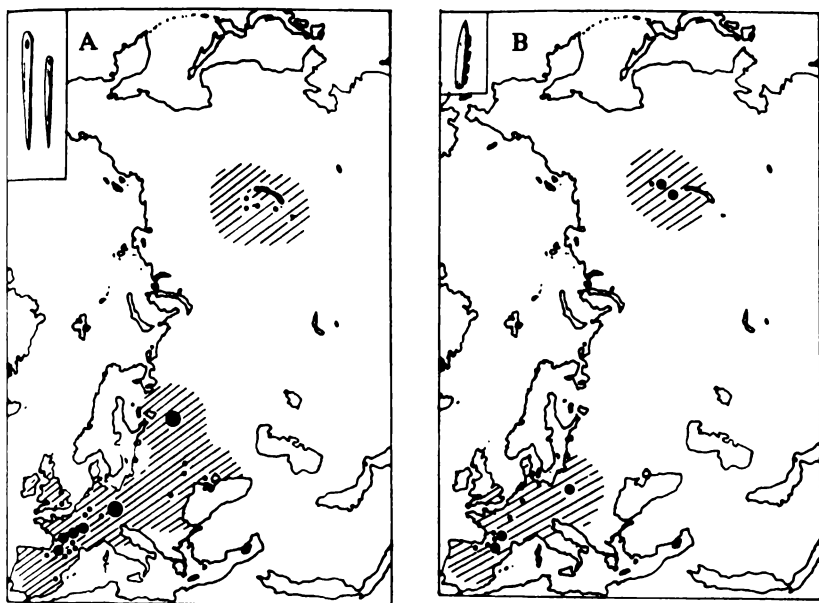
Впрочем, умеренный климат, в свою очередь, также будет подвержен колебаниям. Отсюда — целый ряд сменяющих друг друга типов климата: пребореальный, бореальный, атлантический, суббореальный, субатлантический... ²³ С наступлением каждого из них преимущество получает то или иное дерево, то или иное животное — бык, лошадь, вяз, дуб, бук, каштан, орех, — и это автоматически влечет за собой изменение привычного поведения и питания человека.

Тела и орудия. На протяжении тысячелетий человек ничем не выделяется среди диких животных, обитателей обледенелой тундры или лесов, утопавших в воде, ибо всякий раз, как земля согревалась, почва

повсюду оказывалась залита водой. Сохранились, однако, признаки его существования — части скелета, почти целые скелеты, следы очагов и стоянок, несметное множество (они исчисляются миллионами) орудий, хоть и по большей части разбитых, утерянных при земляных работах или землечерпании, либо не попавших в наши музеи по вине коллекционеров — любителей доисторической старины.

Главные свидетельства для исследователя — человеческие тела, вернее, то, что от них осталось. Однако очень древние скелеты исчезли, растворились в почвенной кислоте. Вереница орудий, найденных на территории Франции, восходит к эпохе, на миллион с лишним лет более древней, чем первые известные на сегодня окаменелые останки человека — нижняя челюсть, обнаруженная в 1949 году в пещере близ Монморена (Восточные Пиренеи). Она почти аналогична знаменитой челюсти Мауэра (600 000 лет до н. э.), но безусловно уступает ей в древности (около 450 000—400 000 лет до н. э.)²⁴, хоть и плохо поддается датировке. По-видимому, она на 100 000—150 000 лет старше человека из Тотавеля (деревня в Восточных Пиренеях) — нашумевшей находки, сделанной в два приема: сначала, в 1971 году, была обнаружена левая теменная кость, принадлежащая взрослому молодому человеку лет двадцати, затем, в 1979 году, в трех метрах от нее — правая теменная кость, совмещающаяся с первой, что позволило восстановить череп целиком — череп *Homo erectus* с объемом головного мозга почти 1 100 см³ и с шишкой Брокá на внутренней части лобной кости; шишка развита так же, как у современного человека, а значит, можно констатировать поразительную вещь: он разговаривал, хотя мы и не знаем, каков был его язык²⁵.

Зато свою охотничью добычу он поедал сырой. В расположенной на краю узкой долины Вердубля (притока Агли) пещере Кон де л'Араго, где он был обнаружен, нет никаких следов очага²⁶, тогда как применение огня было известно примерно с 500 000 г. до н. э., и в хижинах Терра Амата, под Ниццей²⁷ (около 400 000 лет до н. э.), найдено множество оборудованных очагов. Долина Вердубля, тесно зажата между двух скал, служила естественным укрытием, особенно ценным, видимо, для тотавельского человека, современника миндельского оледенения; там находили убежище и представители весьма изобильной фауны, идентифицированной по грудам костей, скопившимся на разных уровнях пещеры благодаря усилиям поколений охотников, — лошади, слоны, туры, муфлоны, мускусные быки, олени, северные олени, пещерные львы, песцы, медведи, рыси, пантеры, пищухи... Человеческие останки, лежащие вперемешку с костями животных и расколотые, чтобы извлечь

ПОСТЕПЕННОЕ УСЛОЖНЕНИЕ ОРУДИЙ ТРУДА

(15 000—10 000 лет до н. э.)

А. Костяные иглы с ушком (до 20 000 лет до н. э.).

В. Составные орудия с деревянными или костяными держа-
телями, в желобки которых вставляются мельчайшие съемные
лезвия и острия из кремня и кости. (По книге: Nougier L.-R. Op. cit.).

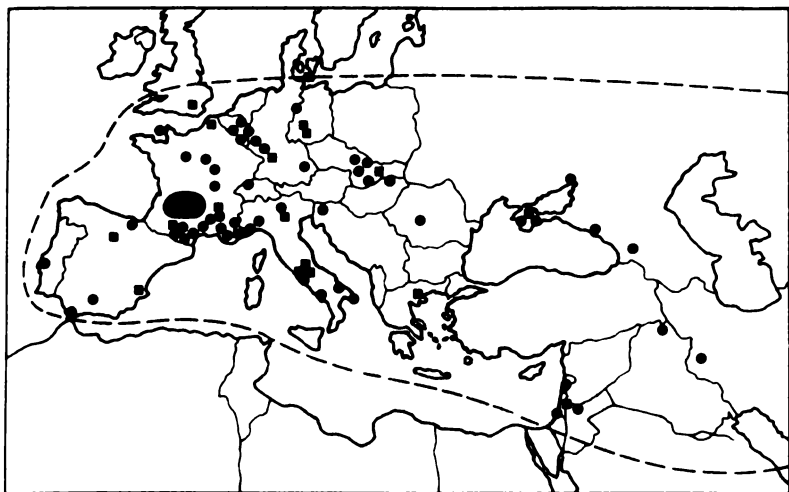
костный или головной мозг, свидетельствуют о существовании каннибализма²⁸; то же самое обнаруживается и в большинстве других человеческих поселений на протяжении всего доисторического периода, вплоть до VI тысячелетия. Впрочем, каннибализм этот зачастую был, по-видимому, ритуальным — что не подлежит никакому сомнению, когда он встречается в связи с погребальным обрядом²⁹.

Около 100 000 лет до н. э. *Homo erectus* уступает место *Homo sapiens*, так называемому неандертальскому человеку³⁰, который был распространен по всему Среднему Востоку и Европе, включая Францию; это бесспорно. Присутствие его вне этих обширных границ — по крайней мере в его европейской форме, ярко выраженной и легко опознаваемой, — до сих пор окончательно не установлено. Так или иначе, но если долгое время в неандертальце видели лишь неповоротливое животное,

то за последнее время он был реабилитирован: оказалось, что у него «крупный» мозг, объемом даже больше нашего (в среднем 1 600 см³ против 1 400), что он был искусным работником, владел членораздельной речью³¹ и, деталь сама по себе решающая, первым из людей стал сооружать усыпальницы для своих покойников. С этой точки зрения он уже «законченный» — Пьер Шоню сказал бы «полный» — человек. Множество экземпляров неандертальца, обнаруженных по всей Европе (на территории одной только Франции сохранилась целая сотня), отличаются устойчивыми характерными признаками; это касается как его каменных орудий и образа жизни, так и черт сугубо морфологических. Речь, таким образом, идет о виде с выраженными характеристиками и сохраняющем самотождественность на обширной территории в течение, шутка сказать, шестидесяти тысячелетий, шестисот веков!

Однако раса эта внезапно и без всякой видимой причины менее чем за пять тысячелетий (очень короткий срок в понятиях эволюции) исчезнет без следа, вытесненная *Homo sapiens sapiens*, совершенно иным с морфологической точки зрения, уже в самом деле современным человеком. Как состоялся подобный переход? У специалистов по доисторическому периоду нет на сей счет однозначного объяснения, климатического или какого-либо иного, тем более что ни одной существенной человеческой окаменелости, относящейся к переломной эпохе этого перехода, до сих пор не найдено. Общая эволюция человека как вида здесь исключается: такое многочисленное и стабильное, свободно обменивающееся генами население может эволюционировать лишь *очень медленно*. Так что в принципе следует предположить, что неандертальцы вошли в столкновение — мирное или нет — с некоей *новой* популяцией, причем обстоятельства настолько благоприятствовали этой популяции (хотя причины ее превосходства от нас скрыты), что она довольно быстро вытеснила их без остатка. Отсюда и возникла гипотеза, сугубо теоретическая, о «нашествии» неких чужеземцев, происхождение которых, впрочем, невозможно себе представить, ибо еще до появления «современных» людей в Европе их находят в самых разных точках земного шара, от Австралии до Ирака, Сахары и Норвегии. Возможно, в Европу они проникли из Палестины, где обитали уже за 50 000 лет до н. э. или около того, наряду с самыми настоящими неандертальцами, которые там исчезли лишь гораздо позднее³².

Так или иначе, но начиная примерно с 35 000 лет до н. э. *Homo sapiens sapiens*, распространившийся почти по всему земному шару, занимает целиком и всю Францию. Это уже сегодняшний человек, с теми же анатомическими особенностями, какие известны нашим медикам,

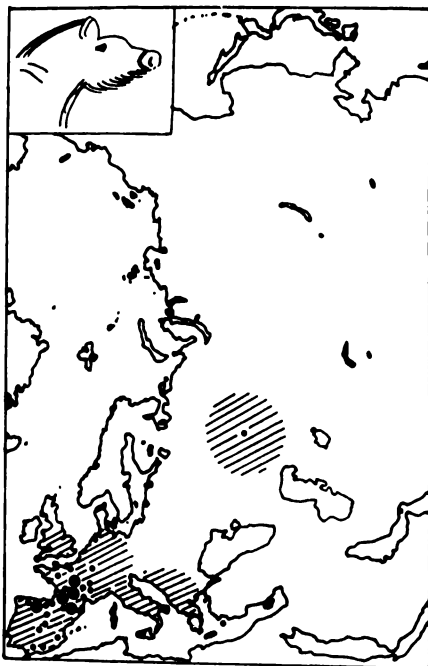

ГЕОГРАФИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОСТАНКОВ НЕАНДЕРТАЛЬЦА
(75 000—35 000 лет до н. э.)

Наибольшая концентрация этих останков наблюдается во Франции, в западной части Центрального Массива (большой черный кружок).

с некоторыми региональными различиями — но такими, которые лишь предвещают основные расовые типы в современной Франции: средиземноморский, альпийский, нордический³³. Его очевидная религиозность предполагает, по-видимому, близкий к нашему психический склад. Наконец — божественная неожиданность! — ему уже присуще представление об искусстве и чувство формы. Именно к концу древнего каменного века (верхнему палеолиту) относятся поразительные статуэтки, изображающие, по-видимому, богинь плодородия — и, главное, бесчисленные живописные, резные и скульптурные изображения, которыми украшены стены пещер, и тысячи бытовых предметов, выточенных из камня, простой и слоновой кости, рога оленя и северного оленя. Великолепные наскальные фрески, открытые очень поздно, вызвали не только всеобщее восхищение, но и настоящее потрясение.

Медленно эволюционируя, это искусство с его разнообразием форм двигалось от обобщенных контурных очертаний к фантастическому реализму пещеры Ласко и в конечном счете свелось к нескольким геометрическим фигурам, скорее всего символического характера³⁴. Но

НАСКАЛЬНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ЖИВОТНЫХ
(15 000—10 000 лет до н. э.)

Они сосредоточены главным образом во Франции и на севере Испании. (По книге: Nougier L.-R. Op. cit.).

эволюция эта совершалась на протяжении 200 столетий, с 30 000 по 10 000 гг. до н. э. — что для историка представляется вечностью... Вспомним, как короток был век романского искусства или готики, не говоря уже о таких школах в живописи, как импрессионизм или кубизм, которые оставались злободневными самое большее для одного поколения.

Франции и северной части Испании досталась лучшая часть этого первобытного искусства. В Перигоре, в глубокой долине извилистого Везера, «возле поселения Эзи и выше него по течению теснятся древние стоянки человека: Кро-Маньон, Ла-Мут, Ле-Комбарель, Фон-де-Гом, Кап-Блан, Лоссель, Ла-Ложри, Ле-Марсей, Ла-Мадлен, Ле-Мутье, Ласко...», и каждая из них — это «святыня человечества, не уступающая Египту, Ниневии, Афинам и Риму», — пишет Пьер Гаксот³⁵.

Множество вопросов возникло относительно того, что означал этот первый расцвет художественного творчества: никто не согласен рассматривать его как бескорыстное искусство для искусства. Хотели ли неистовые охотники, нарисовавшие и вырезавшие в пещерах целые стада диких животных, вместе с которыми и за счет которых они жили, — зубров, мамонтов, бизонов, лошадей, каменных баранов, медведей, — своими рисунками заколдовать добычу? Кто те люди в масках, которые танцуют перед животными в пещере Трех Братьев в Ма-д'Азиле и в других местах, — колдуны-шаманы, или даже боги — либо главные действующие лица обрядов, которые навсегда останутся для нас закрытыми? Какие символы несет в себе это чарующее и ослепляющее нас «письмо»? Во всяком случае, выразительность его сильна настолько, что внушает нечто большее, чем просто уважение. Франк Бурдые даже усматривает в нем свидетельство культурного превосходства этих долин на юго-западе Франции и Испании над всем остальным миром, — превосходства, утраченного Европой и вновь обретенного ею на несколько веков лишь в XII—XIII столетиях после Рождества Христова.

С материальной точки зрения *Homo sapiens sapiens* на протяжении последних тысячелетий вюрмского оледенения, которые иногда называют «веком северного оленя», станет жить со всеми удобствами, почти на широкую ногу. Стада оленей, легкая добыча давали ему одновременно мясо, шкуры, кость и рога, то есть пищу, одежду, покрытия для шатров и материал для изготовления множества мелких орудий. К тому же в так называемый мадленский период, начиная с 15 000 лет до н. э., произошел очевидный демографический подъем, в ходе которого были обжиты горы и заселена Северная Европа ³⁶. Еще один признак процветания и технического прогресса — общее усовершенствование орудий труда. Обработка камня достигла весьма высокого уровня.

Несмотря на местные различия в приемах изготовления орудий и на явные перерывы, нарушения последовательного развития, повсюду проявляется тенденция к творческой изобретательности. Неандертальцы усовершенствовали характерные для них двусторонние орудия — скребки, наконечники. Теперь же у нас на глазах возникает целый ряд очень мелких и непременно специализированных орудий, иногда с рукояткой; одни еще каменные, для других использованы новые приемы обработки кости, — так, становятся тоньше кремневые скребки различной формы, гладкие и зубчатые, резцы, каменные ножи, наконечники, иглы с ушком, рыболовные крючки, гарпуны с тщательно вырезанными зазубринами... Любопытная солютрейская культура ³⁷, чье развитие длилось всего 3 000 лет и завершилось, не найдя продолже-

ния, дает даже образцы великолепных каменных лезвий, тщательно выделанных с обеих сторон, толщиной менее сантиметра, а длиной иногда 30—35 сантиметров. Усовершенствовались также и приемы рыбной ловли (особенно ловли лосося) и охоты. Появляются приспособления, с помощью которых дротики с наконечниками поражают добычу на большом расстоянии. Однако подлинная революция в области оружия — изобретение лука — совершится очень поздно, на исходе палеолита, около 10 000 лет до н. э., когда вместе с потеплением, сменившим последний ледниковый период и предвещавшим наступление умеренного климата, знакомого нам и поныне, вся жизнь человека готова была перемениться.

От каменного века к земледелию: великие перемены. Вопреки тому, что кажется на первый взгляд, потепление климата не повлекло за собой никакого непосредственного улучшения в положении человека. Больше того, оно, по-видимому, нанесло серьезный урон сложившимся к тому времени цивилизациям великих охотников. Повсюду быстро разросся густой лес; в то же время повсюду струились (или стояли) воды, вырвавшиеся на волю из-за таяния ледников, уровень морей поднимался, и они затапливали прибрежные зоны. Не стало больше северных оленей и лошадей, за которыми охотники гнались по заиндевелой траве. Теперь приходится охотиться, устраивая в непроходимом лесу засады на оленя или кабана, и к тому же приспособляться к новой флоре, отчего весь прежний опыт оказывается частично непригодным. Пища человека меняется: гораздо меньше становится крупной дичи, больше мелких животных, которых легко поймать в западню, возрастает роль растительной пищи — злаков, трав, орехов, желудей, каштанов, фига и т. п.; наконец, в изобилии употребляется рыба, морская, озерная, речная, и еще охотнее — моллюски и улитки, чьи бесчисленные раковины грудками, иной раз огромными, встречаются среди других пищевых отходов.

Констатируя все это, историки слишком часто приходили к выводу о регрессе, даже некоем «упадке», который переживали потомки *Homo sapiens sapiens* в ходе этой трудной переходной эпохи, получившей название *мезолита*³⁸. Ныне мы склонны скорее рассматривать ее как период адаптации, требующей изобретательности и воображения. Произведения искусства, действительно, исчезли уже с конца последнего ледникового периода, зато набор орудий не только не оскудел, но, наоборот, пополнился: возрастает специализация мельчайших инстру-

ментов, тщательно выделанных и хитроумно смонтированных в различные составные орудия, с деревянными рукоятками или черенками³⁹. Охотиться становится труднее — однако человек уже владеет искусством стрельбы из лука, он умеет целиться в добычу и поражать ее издалека. Правда, с тем же успехом стрелы будут убивать не только животных, но и людей: «Изобретение лука и стрел имело такое же значение для доисторического человека, как изобретение ядерного оружия для человека современного», — даже утверждает Робер Ардре⁴⁰, полагая, видимо, что преподавателю без преувеличения не обойтись.

Наконец, начиная с VII тысячелетия до н. э. во Франции возникают предпосылки аграрной революции, в результате которой два-три тысячелетия спустя доисторические охотники превратятся в крестьян. Первый, предварительный признак ее — возрастающий сбор злаковых растений, в частности вики (например, в Варе), к которым добавляются даже (как в Эро) бобовые — чечевица, горох... Пусть собственно земледелия пока еще нет, но, во всяком случае, идет систематическое собиранье растений и их заготовка⁴¹.

Другой, более отчетливый признак аграрной революции — возникновение овцеводства, которое, по всей видимости, было привнесено с далекого Среднего Востока, где одомашнивание баранов началось уже в X или IX тысячелетии до н. э. Поскольку к этой же эпохе относятся первые опыты навигации на Эгейском море, то нет ничего удивительного в том, что баран (никаких предков которого в европейской фауне обнаружить не удалось) в VII тысячелетии появляется в Восточной Европе, а затем, около 6 000 лет до н. э., на средиземноморском побережье Запада (в том числе на побережье Южной Франции). Тысячелетие спустя барана уже разводят в Аквитании, а побережья Бретани он достигает около 4 500 г. до н. э.⁴²

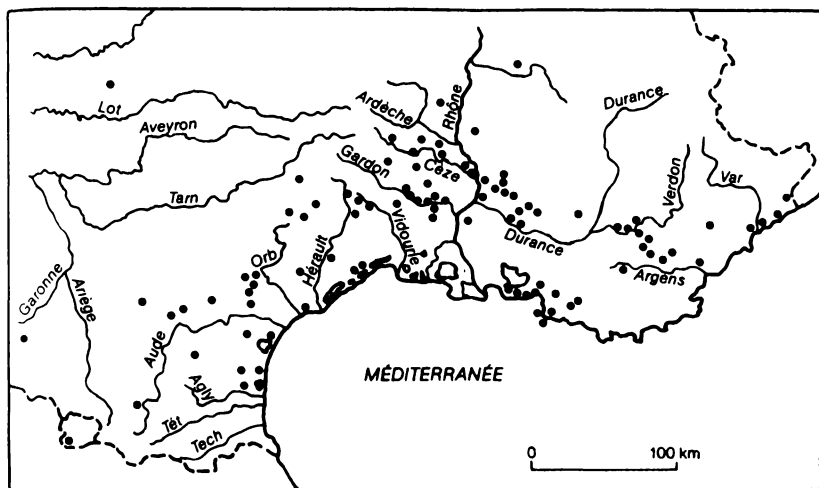
Таким образом, в ареале западного Средиземноморья животноводство предшествовало тому великому перелому, каким было становление неолита; он означал появление первых, революционных опытов земледелия, а на самом деле — зарождение Галлии и Франции, или, вернее, Европы в целом, с ее пашнями, пастбищами, домами, деревнями и оседлыми крестьянскими народами.

Эта аграрная революция — значение ее не меньше, чем то, какое имела свершившаяся много позже, в XVIII веке нашей эры, промышленная революция в Англии, — началась на Ближнем Востоке, родине дикорастущих злаков. Основное ее новшество, искусство земледелия, сопровождается многими другими (или возникает вслед за ними): оседлостью, разведением домашних животных, изготовлением сельскохозяй-

ственных орудий, таких как серп и жернова, шлифовкой (а не только обтесыванием) камня, наконец, изобретением новой области творчества — керамики. Эта череда культурных благ распространялась вширь на протяжении многих тысячелетий; в Европу все они проникли по двум различным путям: по длинной долине Дуная, с востока на запад, и по Средиземному морю. Этапы этого процесса и его поступательное развитие во времени четко прослеживаются с помощью замеров радиоактивного углерода. И уже тут нам представляется возможность различить очертания двух Франций — Южной и Северной.

Гетерогенность, разнообразие. Территория нашей страны, обреченной на роль европейского перекрестка, в конечном счете подверглась, видимо, воздействию двух самостоятельных волн неолитизации: Южная Франция оказалась затронута первой из них, пришедшей около 5 000 лет до н. э. по средиземноморским путям; Северная и Восточная Франции — той, что пришла пятью столетиями позже, по Дунаю. Таким образом, здесь перед нами два отличных друг от друга культурных контекста, каждый из которых охватывал собственные, особые регионы (см. карту «Первые крестьянские сообщества на территории Франции»).

Что касается юга, то там перенос культурных ценностей совершился раньше, зато был гораздо менее явным. Происхождение его было безусловно морским, поскольку распространение вширь шло начиная с побережья. Однако речь не идет о колонизации, несущей просвещение на новые земли. Антропологические анализы скелетов — правда, не слишком многочисленных, — которые удалось проделать на сегодняшний день, позволяют Рэмону Рике сделать вывод, что перенос культуры не сопровождался «никакой миграцией населения»⁴³. К тому же здесь не произошло никакого резкого перелома: были лишь «скрещения идей или приемов мастерства, дающие начало оригинальным творениям, которые рождаются в самом сердце коренных человеческих сообществ»⁴⁴. Тем более что, как полагает Жан Гилен, изначальная модель — земледелие, как оно развивалось в средиземноморском Леванте, — передавалась дальше спорадически и в деформированном виде, постоянно застывая в неподвижности то в одном, то в другом средиземноморском бассейне, которые играли роль «последовательных фильтров». У нас результатом этого процесса стала медленная аккумуляция локальных групп населения, которые постепенно интегрировали — отнюдь не во всем поступаясь собственными традициями, —

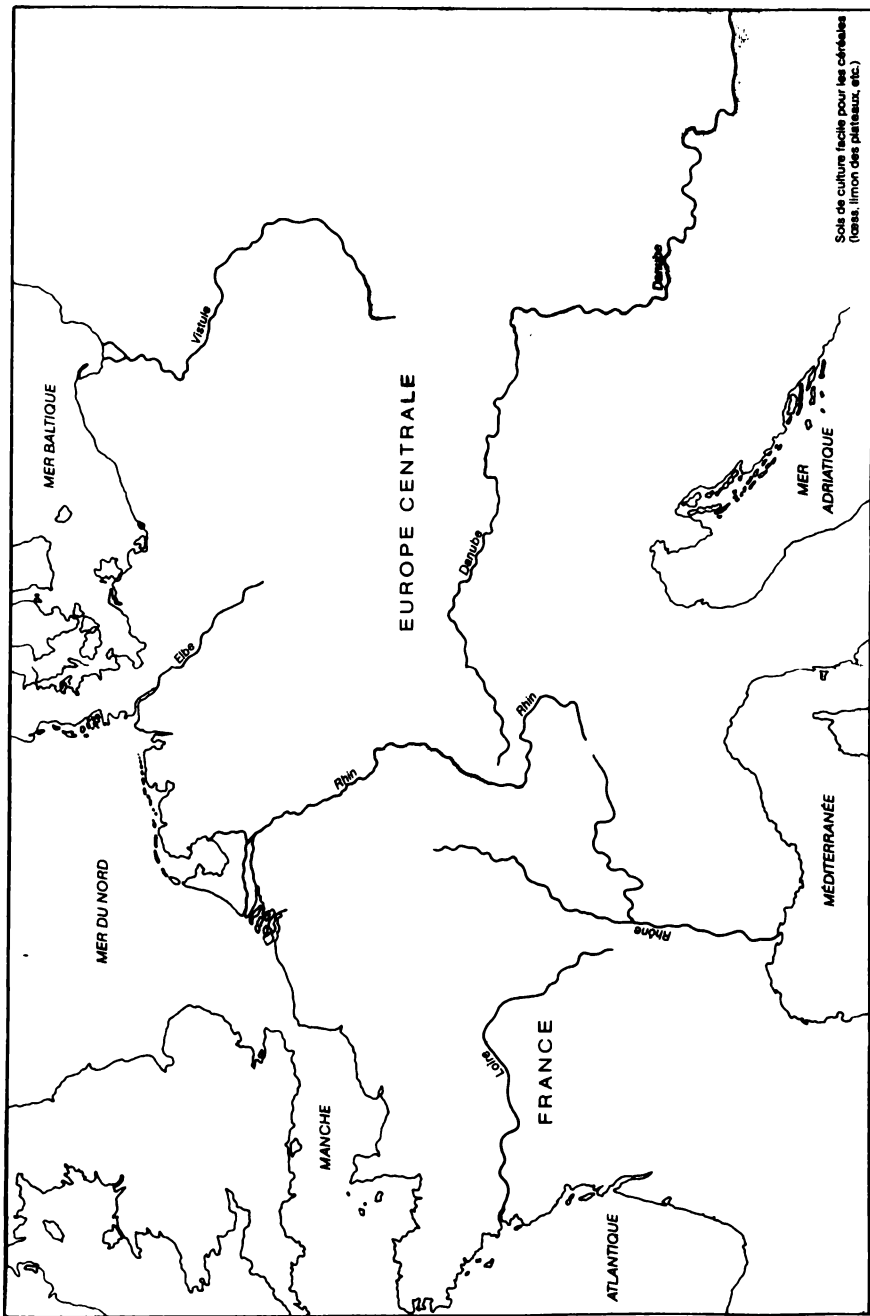
ПЕРВЫЕ КРЕСТЬЯНСКИЕ СООБЩЕСТВА НА ТЕРРИТОРИИ ФРАНЦИИ

VI—V тысячелетия до н. э.

Они расположены вдоль средиземноморского побережья, от Приморских Альп до Руссийона. Проникновение их в глубь материка происходит медленно.

скотоводство, оседлость, земледелие и ту разновидность керамики, которая была в то время распространена по всему западному Средиземноморью: изделия эти часто украшены вдавленными в них ракушками (в частности, раковинами *cardium*, откуда пошло название «кардиальная керамика», которым обозначается эпоха раннего неолита в этом южном регионе). Разведение баранов и коз, известное уже давно, получает столь бурное развитие, что приводит к истреблению лесов и эрозии почв. На протяжении V тысячелетия до н. э. возникают первые очертания деревень: они еще расплывчаты, но, например, на склонах Корбьеров уже можно обнаружить следы того, как мало-помалу стада начинают перегонять с равнины, где расположены зимние деревни, на вершины гор, где возникают летние укрытия ⁴⁵.

Эта средиземноморская культурная группа была поначалу сосредоточена лишь на прибрежной полосе, но постепенно заняла собой целую половину Центрального Массива, окрестности Альп, а затем стала захватывать все более и более высокие широты.

Sols de culture facile pour les céréales
(foras, limon des plateaux, etc.)

В северной же половине Франции складывается совсем иная ситуация: здесь, безусловно, происходит культурный перелом. Земледелие сюда привнесли сразу и в полном объеме завоеватели, уроженцы долины Дуная (в то время — центра крестьянских сообществ), владевшие опытом и навыками сельскохозяйственных работ. К тому же с антропологической точки зрения они отличаются от своих предшественников, местного населения ⁴⁶. Начиная с V тысячелетия до н. э. дунайцы продвигались на запад в поисках новых илистых земель, похожих на те, какие они привыкли обрабатывать. К середине этого тысячелетия они уже переправились через Рейн, но подступов к Парижскому бассейну достигли только пять веков спустя. Перед ними предстали небольшие группки людей, пока еще охотников и собирателей. Но поскольку сами пришельцы возделывали только хорошие наносные земли в долинах, им нетрудно было принудить коренных жителей, еще не вышедших из мезолита, удалиться на неблагоприятные почвы или приспособиться к новым обычаям. Пришельцы возводят просторные, в дунайском стиле дома из дерева и самана, в каждом из которых может поселиться большое (до десятка человек) семейство, а деревни их насчитывают временами до 200 жителей. Это настоящие крестьяне — в большей степени, чем средиземноморцы, — носители издавна опробованных и привычных у себя на родине приемов труда. Они усердно корчуют лес, выращивают на выжженных участках пшеницу и ячмень, разводят быков и свиней (но не баранов) и хоть и продолжают охотиться, но дичь в их мясном рационе занимает уже вторичное место. Характерная для них керамика получила название *ленточной*, из-за узора в виде завитков ⁴⁷.

Таким образом, неолит приживался в нашей стране отнюдь не под знаком цельности и единства: *кардиальная* культура на юге и *ленточная* — на севере развивались независимо друг от друга. И это еще не все. На атлантическом западе неолитическая культура, каково бы ни было ее происхождение (возможно, морское), вписывается в свой особый

ЗОНЫ ЛЕССОВЫХ И ИЛИСТЫХ ПОЧВ В ЕВРОПЕ

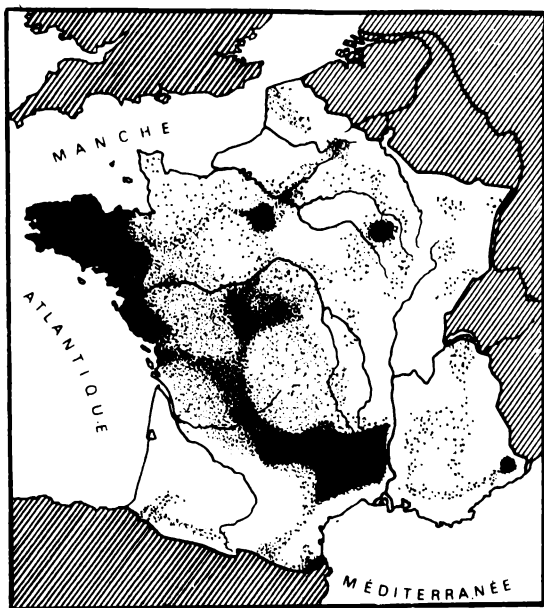
География этих почв, излюбленных земель хлебопашцев из Центральной Европы, очерчивает путь распространения земледелия в V тысячелетии до н. э. — вдоль Дуная и вплоть до Рейна и Парижского бассейна.

Условное обозначение в правом нижнем углу карты:
почвы, благоприятные для выращивания зерновых (лесс, илистые плато и т. д.).

контекст — со своей неповторимой керамикой, не кардиальной и не ленточной, а главное, со своей необычайной каменной архитектурой мегалитического типа⁴⁸, памятники которой сохранились до наших дней. Исследователи доисторической эпохи долго не соглашались признать творцами этих величественных сооружений автохтонных «варваров»: они связывали возникновение этих построек непременно с «настоящими», иначе говоря, восточными цивилизациями. Уверовав в некоторое сходство этих памятников с погребальными ротондами на минойском Крите, они вообразили, что существовал некий народ опытных мореплавателей, выходцев с побережья Эгейского моря, — носитель какой-то «мегалитической религии», которую он якобы распространял вдоль побережья Атлантики, начиная с Испании (где также есть мегалитические памятники), около середины III тысячелетия до н. э. Так вот, именно в эту позднюю эпоху наши отсталые предки с атлантических берегов якобы и усвоили наконец уроки неолита.

Датировки с помощью радиоактивного углерода развеяли в прах эти гипотезы. Древнейшие из известных мегалитических памятников находятся в Бретани и в Португалии — а не в Испании — и появились гораздо раньше, чем вся каменная архитектура восточного Средиземноморья, включая Египет. На самом деле эта новая, в основном автохтонная культура родилась сразу и при загадочных обстоятельствах именно в V тысячелетии до н. э., когда были воздвигнуты первые крупные дольмены — например, дольмен в Барнене, под Морлексом, чьи одиннадцать коллективных гробниц с красивыми арками и выступами, а также зал, по-видимому, нечто вроде святилища, простираются на 70 метров⁴⁹. В состав погребальной утвари входят гладкие, без украшений керамические изделия. Эти первые мегалитические сообщества — возможно, уже *крестьянские*, — и впредь сохраняют приверженность своей архитектуре, которую мы обнаружим (естественно, со значительными вариациями) вдоль всего атлантического фасада Европы. На западе Франции возведение мегалитических сооружений шло на протяжении двух тысячелетий, а затем было продолжено в южной части страны, которая в III тысячелетии до н. э. покрылась дольменами.

Таким образом, к началу IV тысячелетия Франция оказалась поделена на три культурные зоны, границей между которыми служил Центральный Массив, где скорее всего ощущалось влияние каждой из них. Однако во второй половине тысячелетия между ними установились настолько тесные связи, что вся территория, за исключением восточных областей, в принципе оказывается покрыта единой культурой, или, вернее, отдельными элементами одной и той же культуры. Эта своеобраз-

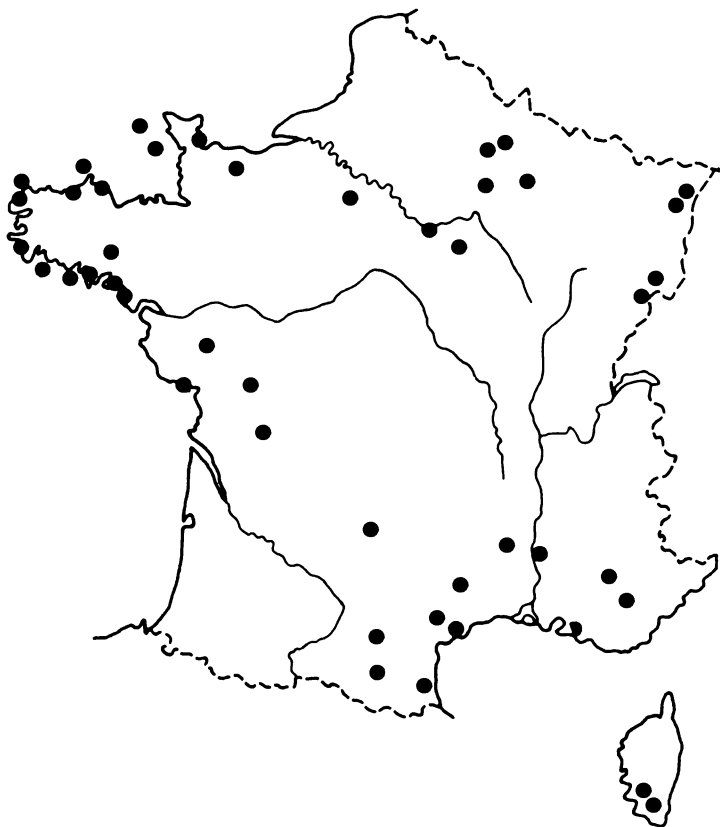

ГЕОГРАФИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ДОЛЬМЕНОВ ВО ФРАНЦИИ
V—III тысячелетия до н. э.

На карте показан в общих чертах процесс расширения зоны коллективных мегалитических захоронений в течение двух тысячелетий — из Бретани, французской колыбели дольменов, до крайнего юга страны.

разная культура, *Шассе*, сформировалась на юге нашей страны около 3 600 лет до н. э., «на основе культурного фонда предшествующего населения и ассимилируя импульсы средиземноморского происхождения»⁵⁰. Красивая, тщательно отшлифованная и в совершенстве обожженная керамика с геометрическими узорами, усовершенствованные орудия — среди которых большое место занимают режущие лезвия, ножи или серпы, множество стрел различной формы, полированные топоры нескольких образцов и всевозможные приспособления для обработки употребляемых в пищу зерновых — пест, дробилки, мельничные жернова и т. д., — все эти ее атрибуты создают впечатление определенного изобилия.

Культура Шассе, приведенная в движение, по-видимому, мощным

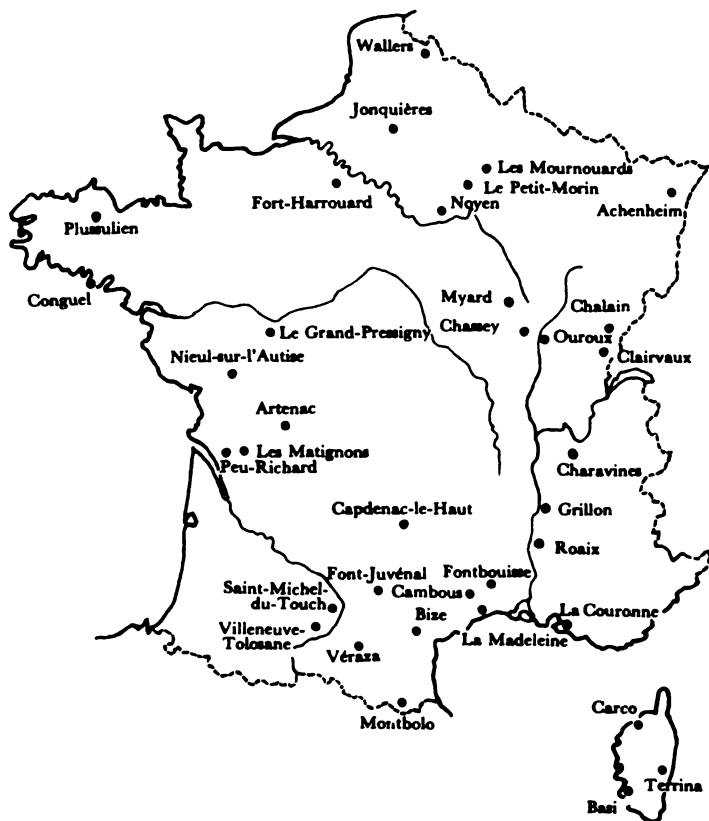

ОСНОВНЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ РАННЕГО НЕОЛИТА ВО ФРАНЦИИ

VI—IV тысячелетия до н. э.

Выделяются три особые культурные зоны, развивавшиеся независимо и отделенные друг от друга пустым пространством Центрального Массива.

демографическим взрывом, быстро одержала победу над остальными, распространяясь одновременно и к северу, по долине Роны, и в сторону Аквитании, через Косские плато и Норузский проход, в результате чего возникло нечто вроде «национальной неолитической цивилизации», как заключает Жан Гилен⁵¹. Это означало вовсе не стирание любых мест-

ПОСЕЛЕНИЯ IV—III тысячелетия до н. э.

Впервые намечаются контуры «национальной» цивилизации: благодаря культуре Шассе, распространившейся в то время почти по всей территории страны (кроме ее восточной части), между поселениями установились оживленные торговые связи. (По книге: Guilaine J. La France avant la France. 1980).

ных культурных различий, но то, что характерной печатью культуры Шассе оказалась отмечена вся совокупность региональных культур. Те под воздействием ее животворного импульса претерпели эволюцию, и каждая из них в конечном счете выработала свой собственный, резко отличающийся от других, вариант культуры-основы.

Сам я склоняюсь к мысли, что расцвет Шассе соответствует запоздалому процессу аккультурации той части населения, которая осталась в стороне от первых аграрных нововведений неолита. В контексте значительного демографического подъема охотники и пастухи решаются наконец стать крестьянами. Они выходят из лесов — или даже раскорчевывают их. На эту мысль наводят рассуждения Рэмона Рике⁵², касающиеся той цивилизации, которая к концу IV тысячелетия до н. э. бурно утверждается в Парижском бассейне. Ученый-антрополог обнаруживает здесь человеческие типы, которые резко отличаются от земледельцев-соседей, принадлежащих к ленточной культуре, зато имеют тесное сходство с древним населением периода мезолита. Если учесть к тому же, что Парижский бассейн хоть и подвергся воздействию взрывного распространения культуры Шассе по всей территории страны, но выработал свои неповторимые орудия труда — особо прочные, словно специально созданные для работы дровосека, то образ народа-корчевателя, завоевывающего для себя новые территории, предстанет во всей полноте. Не в том ли и состоит сила, способствовавшая широкому распространению культуры Шассе, что культура эта позволила завершить неолитическую революцию на всей территории страны и соответственно увеличить запасы пропитания для выросшего населения?⁵³

Одновременно жизнь людей станет характеризоваться усиленным торговым обменом. Так, среди утвари в западных дольменах попадает новая керамика, керамика Шассе. И наоборот: «топоры с круглой ручкой», которые изготовлялись в мастерских Плюсюльена (департамент Кот-дю-Нор) из красивого твердого камня, долерита, имеют хождение не только по всей Бретани, в Манше, Майенне и Атлантической Луаре, но и на Рейне, в Альпах и в Пиренеях. То же относится и к шлифованным топорам из горнблендита, производившимся в Финистере⁵⁴.

Все это происходит вместе с общей экспансией культуры: повсюду во Франции множатся и разрастаются деревни. Земледелие постепенно занимает господствующее положение. Отныне новое значение получает культ богини-матери, богини плодородия, общий для всех человеческих сообществ эпохи неолита: свидетельством тому — появление маленьких фигурок богини, как правило, вылепленных из глины; по правде сказать, их не так много и они довольно посредственны — по сравнению с бесчисленными и зачастую драгоценными статуэтками богини-матери, созданными на Востоке или в Центральной Европе. Однако существует и одно исключение: впечатляющая каменная статуя из Каденак-ле-О

(департамент Ло), которая была обнаружена на стоянке, относящейся к культуре Шассе и заселенной около 3 000 лет до н. э. Она, впрочем, ставит перед специалистами немало проблем, ибо непохожа ни на одно ранее известное изображение, кроме, быть может, некоторых югославских галечных скульптур, относящихся вдобавок к V тысячелетию до н. э.! Как бы то ни было, если не считать нескольких «венер» и прелестной «дамы из Брассанпуи»⁵⁵, которую датируют концом палеолита, странная «богиня из Каденака» может претендовать на титул самой древней французской доисторической статуи⁵⁶.

Металлический век. Доисторическая эпоха заканчивается вместе с возникновением техники обработки металла; ее родина — Восток либо балканская Европа, древнейший европейский очаг металлургии. Вначале, ближе к концу V тысячелетия до н. э., там работали по меди, затем по бронзовым сплавам, наконец по железу. Отсюда традиционное деление на периоды: медный век, бронзовый век, железный век. На нашу территорию металлы и способы их обработки будут проникать поочередно, со значительным сдвигом во времени: медь между 2500 и 1800 гг. до н. э., бронза между 1800 и 700 гг., наконец, железо — начиная с 700 г. до н. э. И всякий раз это явление было связано с вторжением чужеземцев.

Медная цивилизация была еще до такой степени двойственной — в самом деле, господствующее положение в ней по-прежнему занимали каменные орудия, — что ее нередко называют *халколитом**, эпохой, связанной одновременно и с медью, и с камнем. На территорию Франции эта цивилизация проникла через посредство Северной Италии и с Иберийского полуострова, где обработка меди получила распространение с 3000 г. до н. э. К середине III тысячелетия на юге нашей страны возникает множество очагов металлургии, тесно связанных с рудными месторождениями, — в Севеннах, Авероне, Керси, Лозере, Лангедоке...⁵⁷

Однако продукция этих очагов носит локальный характер примерно до 2200 г. до н. э., когда она приумножается и вписывается в контекст так называемой колоколообразной культуры⁵⁸. Культура эта, откуда-то заимствованная, распространилась по всей Европе, свидетельство чему характерная («колоколообразная», т. е. в форме перевернутого

* Халколит — название медного века. От греч. *chalkos* — медь и *lithos* — камень (примеч. ред.).

колокола) керамика и входящие вслед за ней в обиход медные изделия. Дело здесь, по-видимому, не обошлось без чужеземной иммиграции, исходную точку которой до сих пор, однако, обнаружить не удалось — ее с равным успехом усматривали и на берегах Тахо, и в Центральной Европе! Кто были эти люди? Воины, устрашающие лучники, которые сумели покорить наши края, — говорят одни; деятельные торговцы, разносчики, — говорят другие; они продавали свою великолепную керамику и одновременно медные предметы, привлекавшие прелестью новизны: кинжалы, кузнечные щипцы, шила, иглы и т. п. Так или иначе, но это были великие путешественники — присутствие их прослеживается и на Иберийском полуострове, и в долине По, на Сардинии, Сицилии, в долине Роны до самых ее истоков, в Нидерландах, Шотландии, Англии, Богемии, Моравии и почти по всей Франции (за исключением, что любопытно, Парижского бассейна, который, похоже, стал островком сопротивления). Эти вездесущие пришельцы впервые вызывают в сознании «представление об известном единстве Европы». Они ли первыми принесли на Запад индоевропейские языки? Такое предположение тоже выдвигалось, и «с немалой долей правдоподобия»⁵⁹.

И тем не менее племена, принадлежащие к колоколообразной культуре, нигде не смогли образовать на нашей территории компактных, однородных групп, способных избежать влияния аборигенов или поглотить их. Подтверждается скорее обратное: останки пришельцев можно обнаружить вперемешку с останками местных жителей в традиционных коллективных могильниках (тогда как живя отдельной компактной группой, пришельцы хоронили покойников поодиночке). Очевидно, что происходило слияние, взаимопроникновение двух народов.

Но если во Франции обработка меди около 2000 г. до н. э. достигла расцвета, то на Среднем Востоке и в Центральной Европе от нее отказались еще тысячелетием раньше, отдав предпочтение бронзе — сплаву меди и олова, менее ломкому и более прочному, чем чистая медь. На Запад это великое техническое достижение попадет лишь с 1800 г. до н. э.

Оно будет иметь множество последствий: прежде всего, благодаря поиску необходимого олова, оживятся торговые потоки; кроме того, более качественные орудия быстро вытеснят орудия каменные; но, что еще важнее, станет еще более явным разделение труда (между земледельцами, рудокопами, ремесленниками, кузнецами, торговцами, воинами), а значит, появятся классовые различия и иерархия. Так что народы, которые привили на нашей территории приемы обработки

бронзы, принесли с собой и новую модель общественного устройства, где власть принадлежала аристократии воинов и, возможно, кузнецов⁶⁰. Обряд индивидуального погребения указывает на наличие социальной иерархии: высокопоставленные персоны похоронены в могилах, увенчанных высоким курганом, со своими личными вещами — дорогим оружием, драгоценностями, украшениями⁶¹ и т. п. По новым богам, мужского пола и вооруженным, которые оттесняют на задний план дорогую для земледельцев эпохи неолита богиню-мать, богиню плодородия, а также по новым культам — культу огня, культу солнца — можно судить о почете, которым была окружена фигура героя.

Культура эта имела широкое распространение и множество ответвлений. Между 1800 и 1200 гг. до н. э. более или менее повсюду вышла из обихода практика коллективных погребений. Старинные бретонские дольмены если и сооружаются, то для одного-единственного покойника. За одним исключением: средиземноморский юг и юго-запад, от Пиренеев до Аквитании, хранят верность своим погребальным традициям⁶². Однако нигде нельзя обнаружить следов физического уничтожения коренных жителей. Скорее их можно представить себе землепашцами, слугами у новых господ.

Начиная с 1800 г. до н. э. во Франции блестяще налаживается бронзовая металлургия. Сначала она концентрируется в зоне Роны, в широком смысле (в швейцарском кантоне Вале, долине Роны, Юре, Альпах), однако продукция ее — великолепные кинжалы, крепкие топоры, бисер, браслеты, декоративные булавки, пила, иглы — энергично продается вразнос в Бургундии, Центральном Массиве, Аквитании и вплоть до самого Лангедока-Руссийона. Путь вверх и вниз по Роне сразу начинает играть роль связующего звена между Средиземноморьем и германскими землями.

Спустя три столетия по всему атлантическому побережью разгорается целый ряд новых очагов металлургии. В это время возникает главное новшество: *поточное* производство бронзовых инструментов (которые вскоре *окончательно* вытеснят каменные орудия). Каждый центр такого производства специализировался на своем типе топора, кинжала, копейного наконечника или меча. Все эти изделия, изготовленные и в долине Медока, и в Бретани, и в Нормандии, и между Луарой и Гаронной, экспортируются в другие области и продаются вместе, на одних и тех же рынках⁶³.

Помимо этих двух зон бронзового производства, атлантической и ронско-альпийской, можно выделить и третью, независимую зону,

ПОСЕЛЕНИЯ БРОНЗОВОГО ВЕКА ВО ФРАНЦИИ

Выделяются два обширных ареала изготовления бронзовых орудий: на западе, вдоль побережья Атлантики, и на востоке, от Альп до Эльзаса. (По книге: Guilaine J. Op. cit.).

вписывающуюся в контекст несколько иной культуры: ее принесли с собой зарейнские народы, которые, укоренившись в Эльзасе, достигли впоследствии Парижского бассейна и запада Центральной Франции. Их орудия — тяжелые топоры, ножи — также найдут потребителей в южной части страны — вниз по Соне, в Юре и даже в Центральном Массиве. А их характерная керамика встречается вплоть до самой Шаранты ⁶⁴.

Около 1200—1100 г. до н. э. происходит важный культурный перелом. Вследствие тех потрясений, которые в то время выпадают на долю всего бассейна Эгейского моря, в Центральной Европе обосновались новые народы; в один прекрасный день, как часто случалось, они пересекут Рейн. Их культура не имеет решительно никакого сходства с предшествующими: вновь прибывшие кремировали своих покойников, а мы знаем, какого смысла исполнены погребальные обряды. Урны, куда собирался прах, хоронились рядом на чем-то вроде кладбищ, получивших название «урновых полей». Эта «культура урновых полей», развиваясь в благоприятном экономическом контексте, затронет три четверти территории Франции. Все указывает на повсеместный подъем уровня жизни в этот период: бурное развитие деревень на равнинах, использование сохи, заселение высокогорных земель, раскорчевка лесов, введение в обиход повозки и домашней лошади⁶⁵ как тягловое животное. Сдвиг этот обходит стороной только атлантический фасад Франции, до подступов к Парижскому бассейну, который был тогда центром активно развивающихся рынков, где сталкивались атлантическое и «континентальное» влияния.

Однако даже в тех зонах, где укоренились пришельцы, удельный вес местных культурных традиций остается вполне осязаемым. В Бургундии и других местах на протяжении двух веков предание земле и кремация были в ходу одновременно, иногда на одних и тех же кладбищах. Локальные различия остаются настолько сильными, что некоторые археологи, отождествляющие характерные черты культуры с существованием определенных «народов», говорят иногда о пяти последовательных волнах завоевателей. Жан Гилен полагает, что речь здесь идет о результатах различных, в зависимости от местности, типов переработки одной культуры, и даже задается вопросом, «было ли в действительности нашествие» чужеземцев. Что мешает, пишет он, считать этот процесс просто аккультурацией, которая происходила последовательно в разных местах при соприкосновении с «бродячими торговцами или динамичными небольшими сообществами»?⁶⁶

Так или иначе, ясно одно: бронзовый век в ходе своей эволюции все больше и больше превращался в эпоху активных торговых обменов (медные и оловянные слитки зачастую совершают путешествия на весьма значительные расстояния, не меньшие, чем от Бретани до Альп или Испании), эпоху многообразия и взаимопроникновения культур.

Железный век (от 700 г. до н. э. до римского завоевания) — это также богатый на потрясения период. Начинается он с трудностей,

ПОСЕЛЕНИЯ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

(700—500 гг. до н. э.)

Они сосредоточены в зоне, захваченной представителями так называемой Гальштатской цивилизации, — к югу и к востоку от Луары. (По книге: Guilaine J. *Op. cit.*).

вызванных очередным ухудшением климата, который стал более холодным и влажным: озера выходят из берегов, горные склоны густо покрываются деревьями — букom, ольхой, елью, пихтой. Развитие лесов явно будет благоприятствовать возникновению новой, железной металлургии, гораздо более трудоемкой, чем бронзовая — действительно, для нее требуются высокие температуры и широкое использование

дров. Техника обработки железа у себя на родине, в Хеттском царстве, долгое время хранилась в тайне, распространение ее шло медленно и нерегулярно, и мы не можем сказать, когда и каким путем она попадет на Запад: то ли ее занесут финикийцы по Средиземному морю, то ли новые иммигранты, многочисленные волны которых в очередной раз пересекут Рейн, — по дорогам континентальной Европы⁶⁷.

Внутри железного века различают два обширных периода: Гальштатскую культуру (начиная с VIII—VII веков до н. э.) и Латенскую культуру (начиная с V века). Эти периоды известны нам несколько лучше, чем предшествующие, — отсюда обилие проблем, которые зачастую остаются для нас неразрешимыми, и в этом нет ничего удивительного.

Именно так обстоит дело с Гальштатским периодом⁶⁸. Нам мало что известно о новых пришельцах: разве только что это были первые появившиеся на Западе всадники (лошадь на нашей территории использовалась уже несколько столетий, но исключительно как тягловое животное). Кроме того, они первыми приносят с собой технику обработки железа, то есть целый ряд новых орудий труда и видов оружия, в частности тяжелый меч, который дает им неоспоримое преимущество перед любым противником, по-прежнему вооруженным старинным бронзовым кинжалом. Именно так дорийцы, которые тоже были всадниками и пришли с севера Балкан, за целые века до Гальштатской культуры, около 1110 г. до н. э., уничтожили в Греции блистательную микенскую цивилизацию.

В «Галлии» обошлось без подобных разрушений; здесь было скорее взаимопроникновение, наложение, подавление одной культуры другой. Все пространство, «ограниченное с юга линией, соединяющей Лотарингию и Шампань с устьем Луары», оказалось так или иначе затронуто или занято завоевателями. Опознать их можно по захоронениям с курганами⁶⁹, где умершие — их либо кремируют, как во времена цивилизации «урновых полей», либо предают земле — всегда покоятся вместе с оружием, со своим мечом, а иногда и с колесницей и конской упряжью. Определяющее значение, безусловно, имеет тот факт, что среди этих индивидуализированных захоронений всегда выделяются пышные могилы вождей. Очевидно, что в обществе всадников иерархия была очень сильна — и эта черта станет одним из главных элементов галльского общества, сохранившимся в неизменности до самого римского завоевания и даже позже.

Но кто эти народы, предвестники возникновения Галлии? Протокельты — говорят одни. Индоевропейцы, но отнюдь не кельты, — говорят

другие и приводят в качестве аргумента то, что «настоящие», так называемые латенские кельты, завоевав своих предшественников, разрушат их укрепленные поселения. Аргумент этот не вполне убедителен: разве редко случались войны между кельтскими племенами? Скорее всего единственным достоверным критерием, позволяющим идентифицировать различные группы кельтов, мог бы выступать их язык. Но о языке народов, принадлежащих к Гальштатской культуре, нам ничего не известно. Так или иначе, но они, как и будущие кельты, пришли из Центральной Европы, и влияние их сказалось на обширном пространстве от Одера до Испании.

Однако, одновременно с их вторжением, в процесс преобразования пространства и общества будущей Галлии вмешались и иные, особые влияния. В самом деле, в VII, VI, V веках до н. э. наблюдается расцвет средиземноморских цивилизаций и их «роение», при этом греческие города, финикийцы и этруски соперничают в захвате новых земель. На территории Галлии фокейцы в 600 г. до н. э. основали Марсель, *Массалию*, — город, расположенный весьма удачно, на удивление активный полюс притяжения для ресурсов галльского «рынка», которые стекались к нему по коридору Рона — Сона (в частности, британского олова); благодаря ему поддерживалось и торговое сообщение с Внутренним морем, несмотря на бесконечные набеги на Галлию карфагенян и этрусков. Первые, обосновавшись в Южной Италии, добираются до Галлии через альпийские перевалы, в то время уже доступные для прохода; вторые соприкасаются с нею через Испанию, а вскоре проложат путь через Атлантику ⁷⁰.

В том, что Галлия оказалась открыта для торговли с югом, быть может, и состоит главная особенность завершающегося Гальштатского периода. В это время появляются города-крепости, или по крайней мере укрепленные деревни, расположенные на холмах, а в княжеских захоронениях, где под большим курганом погребены вместе со своей колесницей и личными вещами знатные люди, при раскопках обнаруживаются драгоценные предметы, которые ввезены из Этрурии или Греции. У подножья одного из таких «высотных городов», бургундской крепости Вика, в 1953 году была найдена богатейшая усыпальница молодой женщины ⁷¹, лежащей на колеснице во всех своих украшениях. Рядом с нею находились три бронзовых таза этрусского происхождения, один серебряный таз, два аттических кубка, один бронзовый *οινοχοε* *, наконец, ставший с тех пор знаменитым кратер из Вика — бронзовый,

* *Οινοχοε* — кувшин для вина (примеч. перев.).

очень высокий (1,65 м) и украшенный фризом с изображением колесниц и воинов ⁷². Поразительно в нем не только его великолепие, но и то, какой нужно было совершить подвиг, чтобы доставить его в Викс с далекой родины — Коринфа или одной из мастерских Большой Греции, может быть, из Фокеи в Малой Азии...

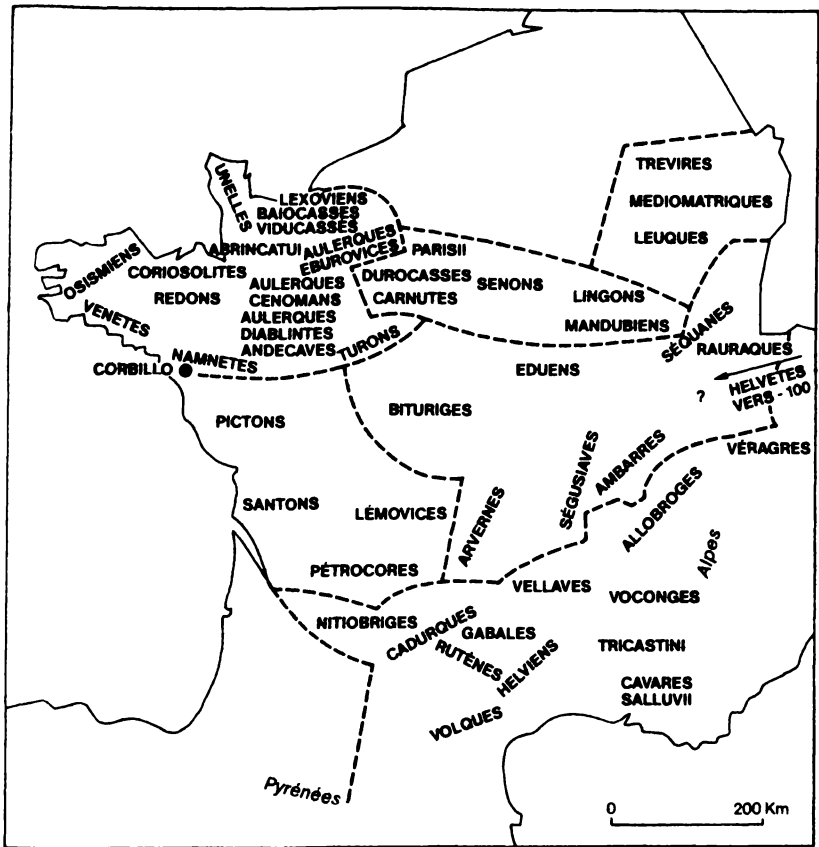
Захоронение в Виксе было датировано самым концом VI века до н. э. В эту эпоху так называемые латенские завоеватели — которые уже бесспорно носят имя кельтов ⁷³, — как раз стали понемногу просачиваться в восточную часть Галлии: в самые первые годы V века Викс будет полностью разрушен. Та же участь постигнет крепость Пег в Дроме. Чуть позднее будет в свой черед оставлена и крепость Кан-де-Шато (Юра) ⁷⁴. Гальштатское общество распадается — и одновременно на шестиугольник нашей территории быстро и бурно, как взрыв, вторгаются новые чужеземцы-завоеватели, которые понемногу заселят большую ее часть. Это, бесспорно, неустрашимые воины, прирожденные всадники, опытные кузнецы, на редкость искусные ремесленники и, что еще важнее, носители блистательных мифов, самобытной религии, культуры и индоевропейского языка. Это — наши «предки», галлы.

Кельты, или галлы: очерк не столько истории, сколько цивилизации. С появлением кельтов Латенского периода доисторическая эпоха остается, в целом, у нас позади; мы вступаем в сумерки нашей протоистории. Это, однако, еще не свет собственно истории, который зажжется, да и то не вполне, только начиная с римского завоевания Галлии (58—51 гг. до н. э.). Так что точных сведений об этом долгом предисловии к «французской» истории нам по-прежнему недостает.

Галлы — это кельты. Но кто такие кельты? Индоевропейцы. Уточнение это весьма обманчиво, ибо к индоевропейцам, чьи корни восходят к III тысячелетию до н. э. и более раннему времени, принадлежит множество народов, населяющих Старый свет — от Атлантики до Ганга. Объединяет их только одна особенность: они говорят на родственных языках, близких настолько, что, с точки зрения лингвистов, их почти можно вывести друг из друга. Еще вчера для этого существовало самое простое объяснение: индоевропейцы изначально представляли собой единый народ, обосновавшийся на юге Ютландии, по кромке Балтийского и Северного морей; впоследствии народ этот рассеялся по всему свету и каждая из отделившихся его составных частей выработала свой собственный язык. К несчастью, от столь удобного объяснения в наши дни пришлось отказаться, а другого взамен не появилось.

Таким образом, историческое место кельтов и их неясное, уходящее во тьму веков происхождение нуждаются в новом определении. Кельты принадлежат к западной ветви индоевропейцев (как до них — народы гальштатской культуры, культуры «урновых полей» и даже, не исключено, «колоколообразной» культуры конца III тысячелетия); начиная с VII века до н. э. они, судя по всему, населяли четырехугольное пространство Богемии, в Центральной Европе, зоне неизбежных слияний и взаимных переходов разных культур. Тем самым о кельтах как об особой расе говорить не приходится: антропологи без конца распознают среди них то брахицефалов, то долихоцефалов. Уже с V века они «почти настолько же гетерогенны, как и нынешнее население», и гетерогенность эта будет возрастать по мере захвата ими новых территорий⁷⁵. Тем более нельзя говорить тут о народе (это расплывчатое слово имело бы в данном случае слишком много дополнительных значений) и, вне всякого сомнения, о государстве. Быть может, кельты произошли от одного рода, возвысившегося над другими, от одного племени, подчинившего себе остальные; а после их культура растеклась, как масляное пятно, в результате чего и образовалось нечто «целое».

Самое удивительное здесь — безусловно, то, что подобное «целое» сложилось: ведь оно предполагает совместное действие множества сил, случайностей, эволюционных моментов и исторических успехов. Объяснение, которое дает совершившемуся процессу Барри Канлифф⁷⁶, звучит соблазнительно, ибо только оно придает ему некоторый смысл. Все, по его мнению, случилось в результате давнего происшествия: в XII веке до н. э. набеги дорийцев и таинственные злодеяния «морских народов» привели к *внезапному* краху лучезарной эгейской цивилизации, которая превратила пространство от Средиземного моря до Леванта, от Египта до Греции и хеттской Малой Азии в удивительный центр культурных и торговых обменов, простирающий свои ответвления очень далеко⁷⁷. Вообразите себе потайной фонарь, каким браконьеры ночью улавливают вдали шевеление дичи. Потайной фонарь гаснет. Центральной Европе, лишенной его света, пришлось жить самой, за счет собственного освещения, используя свои достижения — примерно так же, как после великих вторжений варваров два тысячелетия спустя, в V веке н. э., Северная Европа — Европа Нидерландов — вынуждена будет строить себя, опираясь на собственные силы, и в итоге станет одним из жизненно важных полюсов средневековой Европы. Процесс этот обернулся во благо для центральных территорий, ибо новейшие приемы железной металлургии, державшиеся долгое время в секрете хеттами и попавшие сюда через Иллирию и Балканы, во многом облегчили жизнь местного

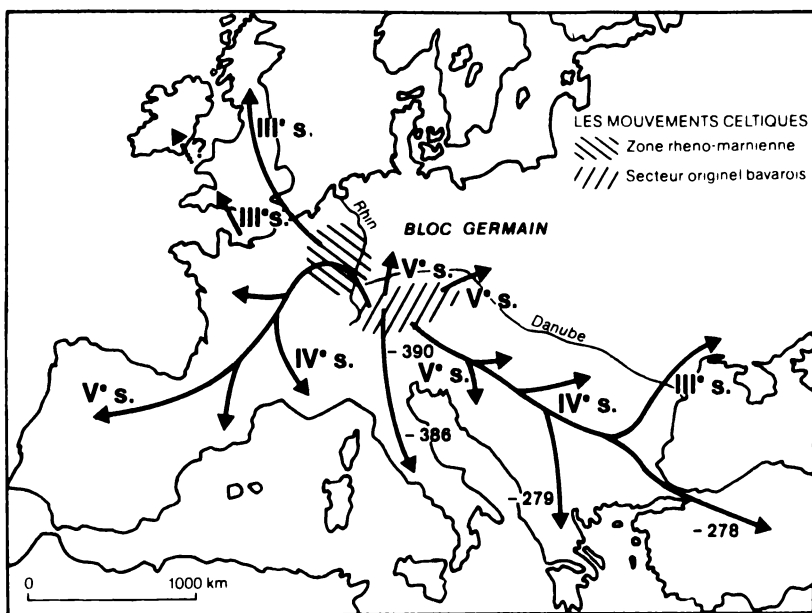

КЕЛЬТСКАЯ ГАЛЛИЯ ВО II ВЕКЕ до н. э.

На карте представлены различные народы, входившие в состав Галлии до завоевания римлянами Прованса (121 г. до н. э.).

населения и способствовали зарождению народа кузнецов и воинов, наводящих страх на врага. Наследниками этого народа и станут через несколько веков кельты — наследниками достаточно многочисленными и зажиточными, чтобы позволить себе предпринять долгую череду завоевательных походов.

Экспансия кельтов происходила внезапными бросками, быстрыми бурными набегами, длилась три или четыре столетия и захватила

КЕЛЬТСКИЕ ЗАВОЕВАНИЯ

(V—III вв. до н. э.)

Они исходят из баварского сектора, родины кельтов, и из зоны между Рейном и Марной (захваченной уже в VI веке) и распространяются во всех направлениях на очень большие расстояния, однако с севера их останавливает противодействие германского ареала.

Условные обозначения в правом верхнем углу карты (сверху вниз): Зона между Рейном и Марной. Баварский сектор.

весьма обширные области. На схеме, заимствованной мной у Жака Армана ⁷⁸, бросается в глаза необъятность просторов, о которых идет речь. На протяжении веков буйная сила кельтов будет единственной альтернативой захватнической деятельности городских цивилизаций Средиземноморья — греков, римлян, этрусков, — единственной силой, способной долгое время противостоять им и их терроризировать.

Начав перемещаться из баварского пространства, кельты двинулись в западном направлении. Захватывая территории в среднем и нижнем

течении Рейна, они с VI века до н. э. обосновались между Рейном и Марной.

Именно из этой зоны, где они укоренились прочно, они впоследствии стали совершать новые победоносные вылазки — через всю Галлию, затем по ту сторону Пиренеев, в западную часть Иберийского полуострова (кельтиберы). Вероятно, в III столетии они добрались до Великобритании и через нее — до Ирландии.

Но уже с V века они предпринимали из Баварии рейды в другом направлении — через Бреннер и Сен-Готард. Отсюда кельты достигли Италии, захватили в 386 г. до н. э. Рим и обосновались в долине По (Цизальпинская Галлия), среди венетов, этрусков и лигурийцев. Однако их продвижение к югу Италии будет остановлено римлянами и этрусками⁷⁹, и захваченная ими территория ограничится узкой полоской между Альпами и Адриатикой.

Наконец, по долине Дуная кельты проникли далеко на восток, в сторону Балкан и Малой Азии. В 279 г. до н. э. они разграбили Дельфы, в 278 году пересекли Босфор и в том же году основали Галатское государство, просуществовавшее до 230 г. до н. э. Но, удалившись на такое расстояние от территории своего изначального проживания, кельты здесь — равно как в Испании — столкнулись с силой, заложенной в численности коренных жителей. Им пришлось заключить соглашение с оккупированными народами, и влияние их, хоть и было очевидным, привело в конечном счете к возникновению «смешанного, в различной степени кельтизированного населения»⁸⁰.

Такая хронология событий, реконструированная — со всеми необходимыми оговорками (античные тексты, пригодные для использования, всегда можно истолковать иначе) — Жаком Арманом, представляется мне правдоподобной. Победоносные вылазки кельтов можно вообразить себе по аналогии с нашествиями кимвров или тевтонов (102—101 гг. до н. э.) — германцев, чья культура, однако, скрестилась с кельтской, — или, что ближе, с миграцией гельветов, которую остановит Цезарь в 58 г. до н. э., в самом начале завоевания Галлии: длинные караваны мужчин, женщин, детей, повозок, всадников... Целый народ пускается в путь, перемещается в разные стороны суматошно, беспорядочно, но перемещения эти, продолжаясь целые столетия, ставят под вопрос судьбу всей Европы и Средиземноморья. Они сталкивают Европу «глубинную» с Европой средиземноморской, племена — с городами⁸¹, варваров — с цивилизованными народами, примитивную экономику — с деньгами и т. д. Кельтам, долгое время остававшимся непобедимыми, неизвестны ни города в полном смысле слова, ни государство с его структурирован-

ностью, ни *a fortiori* * империя. Они не знают ни долговременных политических целей, ни умело рассчитанных побед. За пределы родных земель их влечет дух приключений, жажда добычи, а иногда, по-видимому, и переизбыток ртов, которые нужно прокормить. Они могут оторваться друг от друга, пойти в наемники к грекам на Сицилии или в Малой Азии, служить Египту, Карфагену: «Тот, кто нуждается в слепой храбрости и реках крови, покупает галлов», — пишет Мишле ⁸².

Галлы, или кельты, — это один и тот же народ. Греки называли их *Keltoi*, а после того как они обосновались в Галлии, римляне нарекли их *Galli*, галлы. Из соображений удобства мы будем говорить о кельтах, имея в виду их как нечто целое, и о галлах, когда речь пойдет о территории нашей страны. Но Цезарь, приступая к своим «Запискам...» и показывая, на какие части делится Галлия, называет кельтской самую сердцевину страны, которую готовится покорить (от Гаронны до Сены): она расположена между Аквитанией с одной, южной стороны (от Пиренеев до Гаронны), и Бельгией — с другой, северной (от Сены до Рейна).

Нахлынув в Галлию с востока, кельты прочно обосновались в Эльзасе, Лотарингии, Шампани и Бургундии ⁸³; здесь они занимаются лесозаготовкой и обрабатывают железную руду. В других местах они расселятся не так плотно. Их присутствие будет едва заметно в Морване и Центральном Массиве, а продвижение к югу натолкнется на сопротивление иберов с западной стороны и лигурийцев — с восточной: и справа и слева от глубокой долины Роны перед галлами вырастет барьер. Но в любом случае местное население хоть и было в той или иной мере покорено завоевателями либо согнано ими со своих земель, но нигде не было уничтожено. Анри Юбер ⁸⁴, чьи труды, посвященные кельтам, и поныне остаются классическими, настаивает на том, что число завоевателей было очень большим. Это означает, что существенному обновлению этноса способствовала лингвистическая, культурная, социальная распыленность кельтской Галлии. В самом деле, эти кельты, которые смешались с другими расами уже в отправной точке своего похода, в Центральной Европе, а по пути, как все народы-мигранты, подхватили своим потоком множество встречных чужеземцев, — эти кельты имели достаточно времени, чтобы смешаться с покоренным населением в Галлии, где они вели себя как хозяева: процесс колонизации и аккумулярации здесь шел на протяжении многих веков.

* тем более (лат.).

Торжество кельтов в Галлии заключалось в том, что они повсюду, кроме юга, сумели распространить и насадить свой язык и образ жизни. Отчасти торжеству их культуры способствовала оживленная экономика, благоприятствовавшая смешению разных народов. Хотя нельзя не отметить, что кельты в Галлии не основали ни деревень, выращивающих зерновые культуры, ни центров ремесленничества. Еще задолго до их появления деревни возникали повсюду, где позволяли леса, болота, блуждающие русла больших и малых рек (правда, протяженность лесов в то время была больше, чем сейчас, особенно к северу от Луары: ими были покрыты Бос, Орлеанэ, Гатинэ, Блэзуа, Перш...) ⁸⁵. В течение многих веков здесь возделывали ячмень, пшеницу, а также просо; поначалу не знали хмеля, овса, каштанов, а главное, винограда, однако этот последний обосновался в Провансе как раз перед его покорением Римом, около 121 г. до н. э., и быстро стал распространяться на кельтские владения. Точно так же галлы, разводя, чаще всего в лесах, стада баранов, коз, быков, свиней (достаточно многочисленные, чтобы экспортировать солонину и шерсть в Рим еще со времен, предшествующих завоеванию), лишь следуют традиции, гораздо более древней, чем они сами. Зато именно кельтам, по-видимому, обязана своим широким распространением лошадь, предмет их пылкой страсти ⁸⁶, и они же, бесспорно, выступали зачинателями обработки железа в целом ряде наших провинций, где еще в начале Латенского периода этот металл был неизвестен. Больше того, они разработали широкий набор железных *сельскохозяйственных* орудий, сравнительно редких в гальштатскую эпоху.

Во всяком случае, когда Цезарь в ходе Галльской войны продвигается по сельской местности, он сталкивается с умелыми крестьянами, которые в своем деле безусловно опережают римлян. Некоторые энтузиасты утверждают, что кельты изобрели плуг, но это сомнительно: множество обнаруженных лемехов с железными наконечниками могли присоединяться только к сохе, а не к настоящему колесному плугу, который ведет борозду и одновременно переворачивает пласт земли. Но галлы по крайней мере сумели усовершенствовать технику земледелия: накануне завоевания они были способны возделывать плотные, тяжелые почвы, для которых недостаточно простой сохи ⁸⁷; а эдуи, жившие подле Бибракта, применяли известкование почвы ⁸⁸. С другой стороны, в распоряжении галлов находились отменные орудия труда: большая железная коса, чтобы срезать траву, садовые ножи, топоры и даже такая достопримечательность (вряд ли распространенная широко), как жнейка, «приспособление, которое состоит из кузова с выступающим

вперед зазубренным краем; он поставлен на два колеса, и его тянет упряжка лошадей, так что срезанные колосья падают в кузов», — поясняет Плиний Старший. Галлия не знала недостатка в зерне: в этом состояло и преимущество ее, и слабость, ибо захватчики, продвигаясь по ее территории, могли прокормиться без малейшего труда.

Еще римляне обнаружили в Галлии необычайно искусных ремесленников. Их мастерство в обработке железа, которое они умеют ковать и лудить (Плиний приписывает изобретение лужения битуригам), неоспоримо; они также работают по свинцу, серебру, золоту. Дабы удовлетворить страстную любовь галлов к украшениям, они изготавливают красивые драгоценности, замечательные эмали (это одна из их специализаций), великолепное оружие, дорогие конские удила с отделкой. Они разрабатывают шахты, добывают железо и золото — например, в Севеннах, в Брассанпуи, на берегах Люз-де-Франс: в 1850 году некий мельник, геолог-любитель, обследовав эти шахты, «обнаружил там галльские монеты эпохи, предшествующей завоеванию»⁸⁹. О все возрастающем мастерствековки железа и его обогащении углеродом свидетельствуют также кельтские мечи IV—I вв. до н. э.; одновременно разрабатываются на удивление разнообразные специальные орудия для обработки кожи, дерева и для гравировки металла — за некоторыми исключениями, этот набор инструментов вполне соответствует современному⁹⁰.

Галльские ремесленники ткали лен и шерсть, окрашивая ткани в яркие цвета, к которым были равнодушны. Они умели отлично выделывать кожу и дерево с помощью неизвестных римлянам технических приемов (бочка, весьма удачно заменившая амфору, — это кельтское изобретение). Первыми в Европе они стали изготавливать мыло. Они были также хорошими сапожниками (*gallicae* — это большие башмаки на деревянной подошве и с толстыми шнурками), искусными гончарами и горшечниками.

Наконец, именно в эпоху независимости в Галлии возникают города, а вместе с ними — слой чисто городских ремесленников. Конечно, сравнение — не доказательство, однако в XII веке нашей эры именно развитие ремесел во французских городах ознаменовало собой, судя по всему, поворотный момент в экономической жизни вообще и в жизни городов, в частности; к этому я еще вернусь⁹¹. Что касается подобного явления в Галлии, то его, по-видимому, следует рассматривать как признак все возрастающего разделения труда (в Бибракте, в нижней части города, ремесленникам был отведен целый квартал), которое всегда сопутствует прогрессу в экономической жизни.

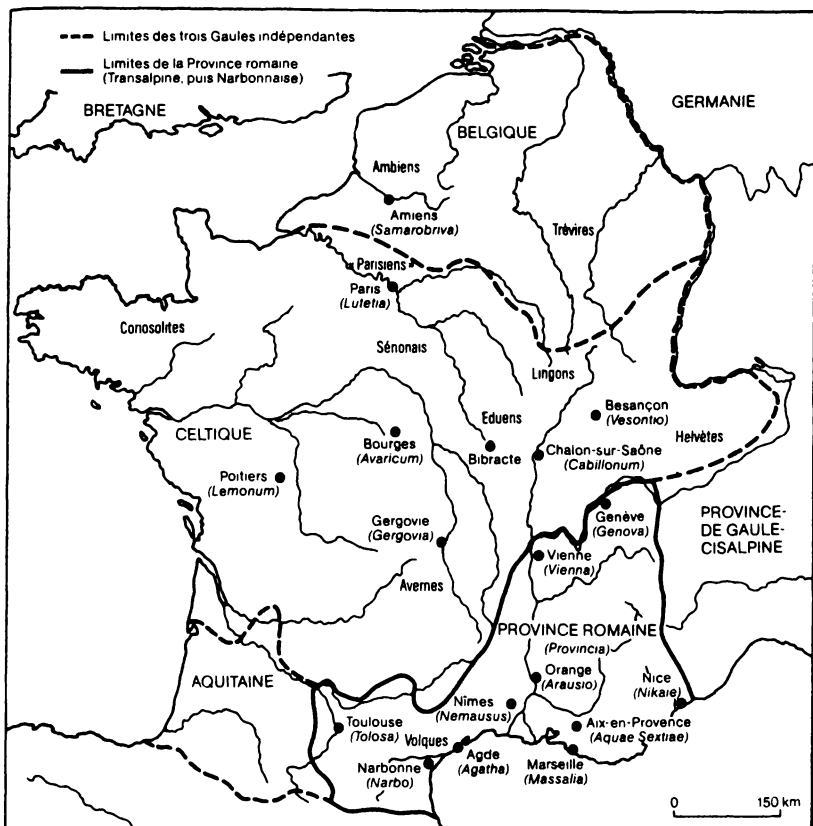
Оживление в развитие земледелия и ремесел внесли довольно масштабные по своему размаху перевозки. В самом деле, независимая Галлия — страна открытая. В ней существуют дороги (не то чтобы столбовые, но тем не менее), морское и речное судоходство. Все это унаследует Рим. По суше катятся различные повозки, так что дороги находятся вовсе не в таком зачаточном состоянии, как обычно считается: лошадей запрягают не только в роскошные колесницы, *essedum*, *carpentum*, легкие и быстрые, изготовленные по образцу боевых колесниц, но и в тяжелые четырехколесные возы — *carruca*, *reda*, *petorritum* (все они кельтского происхождения, и римляне лишь скопировали их в III—II веках до н. э.)⁹². К тому же с севера на юг Галлию пересекают значительные потоки товаров — амбры и особенно олова из Бретани и Англии: от Руана олово перемещалось по Сене, Соне и Роне и так попадало в Марсель. Этот путь на Марсель можно назвать путем арвернов: они установили над ним контроль поперек Роны.

Существовал и морской путь. Конечно, кельты — не мореплаватели, и в этом нет ничего удивительного. Но в Арморике, прежде всего в маленьком внутреннем море, Морбиане, усеянном островами всех размеров, они столкнулись с кораблями и моряками. То была славная родина венетов, мореходов по призванию; как полагает Ален Гиллерм⁹³, призвание это открылось — или нашло подтверждение — в V веке, когда финикийский корабль достиг берега Бретани (плавание Гимилькона). С этого, по его мнению, началась история средних и тяжелых кораблей венетов, изготовленных в Галлии: они осуществляют связь между берегами Атлантики и Ла-Манша, ходят в Англию и на острова Силли, богатые оловом. По договору с Карфагеном они перевозят оловянную руду из Корнуэлла на широкий рейд Виго, и до тех пор, пока Карфаген будет сохранять под своей властью Испанию, сфера морбианской торговли, равно как и торговли края осисмов (нынешний Финистер), будет постоянно расширяться и к северу, и к югу. Ибо флот венетов — хоть и самый мощный, но не единственный. Они, например, используют корабли, что спешат из Финистера к Шельде. А корабли пиктонов и сантонов, обитающих между Луарой и Жирондой, станут добычей Цезаря, когда он поведет кампанию против Арморики⁹⁴.

В своих «Записках...» Цезарь определяет галльский город то как *oppidum*, город-крепость, то как *urbs*. Что такое это последнее слово, обозначающее в принципе город как таковой? Только ли дублет, чтобы избежать повтора? Например, Алесия под пером Цезаря — то *urbs*, то *oppidum*. На самом деле система «город — деревня» в независимой Галлии — это система «городок — деревня — деревушка», где деревушка пред-

ставляет собой горстку саманных домиков с соломенной крышей без отверстия (дым выходит прямо через крышу). Возможно, городки выполняли какие-то функции собственно города, но функции зачаточные. *Oppida* являлись единственными достойными упоминания городами, а значит, всякий город — это крепость, а всякая крепость — город, как мы привыкли говорить. За исключением нескольких укрепленных пунктов, расположенных под защитой водных преград, — таков, например, Бурж (Аварик), столица битуритов, — *oppida* возведены на возвышенных точках, как Бибракт или Герговия. Чаще всего их окружают глубокий ров и стена толщиной около четырех метров, *murus gallicus* (из камней и земли, с толстыми деревянными балками внутри), которой обнесены обширные пустые пространства (135 гектаров в Бибракте, 97 — в Алесии ⁹⁵). Это убежища для населения долин и его стад. Однако же пространство в них частично занято домами, иногда аристократическими кварталами, храмами, мастерскими ремесленников — как я уже говорил, это немаловажная деталь. Вопрос в том, были ли эти городокрепости еще и городами в обычном смысле слова, иначе говоря, политическими, религиозными, экономическими (какова бы ни была их мощь или эффективность в этой сфере) центрами. Один из лучших знатоков кельтской истории, Венцеслав Крута, решительно отвечает «да». Но число историков, говорящих «нет», очень велико.

Мне, однако, представляется, что об этой их роли свидетельствуют те наглядные изменения, какие происходят во II—I веках до христианской эры. На протяжении именно этих двух столетий и появляются *oppida*. Прежде кельты не возводили крепостей: их сила обеспечивала им безопасность, своего рода *pax celtica*. То же явление предстанет перед нами с началом римского мира в Галлии. Следует ли в таком случае связывать рост высоко расположенных городов, городов-убежищ, только с ослаблением мощи кельтских народов, с нарастающими трудностями и угрозами? На память приходит завоевание римлянами «Провинции» (121 г. до н. э.) или драматические перемещения кимбров и тевтонов (102—101 гг. до н. э.). Народы эти занимают двойственное положение: они, конечно, германцы, но, обосновавшись на северной границе изначальной Кельтии, по побережью Балтики и Северного моря, на юге Ютландии, оказались затронуты излучением кельтской цивилизации (их вожди даже носят кельтские имена). Но, кельтизированные или нет, они в любом случае остаются захватчиками, грабящими города и деревни. И пусть даже Венцеслав Крута склонен считать опасность, которую они представляли, минимальной (якобы римляне из страха преувеличивали ее) ⁹⁶, в любом случае война между галльскими племе-

ГАЛЛИЯ НАКАНУНЕ РИМСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ

Условные обозначения в левом верхнем углу карты:

--- Границы трех независимых Галлий. ——— Границы римской «Провинции» (Трансальпийской, позже — Нарбоннской).

нами была настоящей эпидемией. А значит, *oppida* играли безусловно оборонительную роль и брали под защиту местное население. К тому же, как выяснится, эти города на высоких местах будут единственным способом оказывать сопротивление римлянам: их возьмут лишь после осады, как Нумансию в Испании (134—133 г. до н. э.) или Алесию в Галлии (52 г. до н. э.).

Пусть так, но если город играет оборонительную роль — ее играли все наши средневековые города, непременно обнесенные крепостной стеной, — то почему это должно исключать роль экономическую? Венцеслав Крута, напротив, связывает возникновение *oppida* с теми переменами в обществе, которые были вызваны прекращением кельтской экспансии — с 225 г. до н. э. она стала необратимой. До тех пор городов не существовало: в деревушках из нескольких домиков жили как свободные люди «вооруженные крестьяне», нечто вроде «сельской милиции», всегда готовые превратиться в наемников и пуститься вслед за своим предводителем на поиски приключений или на новые завоевания. С окончательной остановкой экспансии население сосредоточивается на собственной территории, самые бедные и убогие попадают в зависимость, возникает более выраженное расслоение общества, а общий экономический прогресс как раз и приводит к расцвету *oppida* ⁹⁷. Можно ли не согласиться в этом с Крутой? Помимо того, что активная сельская жизнь спонтанно порождает уже вполне городские функции, характерные для маленьких городков, — наличие регулярных грузовых потоков, пересекающих всю Галлию, само по себе предполагает организацию перевалочных пунктов, обмен услугами и товарами, который способствует концентрации людей в *одних и тех же* местах. Ведь Цезарь в ходе своих кампаний сталкивается с римскими торговцами, которые обосновались на жительство в Кенабе (Орлеан), Новиодуне (Невер) и Кабиллоне (Шалон-сюр-Сон) ⁹⁸. Когда Верцингеториг избирает тактику сожжения городов на пути римлян, обычно находивших там себе пропитание, битуриги отказываются подвергнуть той же участи Аварик, свою столицу, — из-за ее «великолепия». Не стоит, конечно, воображать, будто речь идет о великолепии памятников: от галльских городов не сохранилось ни одного каменного здания, и дома в них зачастую были саманные. «Что может быть уродливее галльских *oppida*!» — восклицал Цицерон ⁹⁹. Так что «великолепие» имелось в виду скорее экономическое. При этом битуриги защищали свой город до последнего. Когда он пал, Цезарь обнаружил там обильные запасы зерна ¹⁰⁰. Больше того: разве не о той же тенденции свидетельствует существование ремесленного квартала в городе Бибракте? Именно так полагал Альбер Гренье — об этом он пишет в своей старой статье, касающейся как раз раскопок в Бибракте ¹⁰¹. В таком случае прав ли Ален Гиллерм, приписывая Полю-Мари Дювалю сомнения на сей счет — сомнения осторожные, но толкует их Гиллерм в том смысле, в каком удобнее ему самому? ¹⁰² Ведь он отрицал существование и галльских городов, и галльского государства. Ближе к истине Пьер Бонно, писавший, что если «галлы и не знали

настоящих городов, то все жизнеспособные зародыши таковых у них имелись... Отсюда и произошло множество городов Западной — и Центральной — Европы; некоторые из них невелики, но большинство — весьма крупные»¹⁰³.

В своем более чем беглом обзоре того, как кельты обосновались во Франции, я сознательно обошел главную проблему, которая встает перед нами в этой связи, а именно — вопрос об их цивилизации, цивилизации однородной, несмотря на раздробленность кельтов на разные народы либо даже автономные государства, питающие смертельную ревность друг к другу. Решающее значение для объяснения этой цельности имеет вопрос общественного устройства и религиозных верований, ибо роль друидов далека от анекдотической. К этой проблеме я вернусь в другой главе.

Численность народонаселения возрастает. Каковы основные выводы, которые можно сделать из всего сказанного на предыдущих страницах — одновременно и слишком длинных и слишком кратких для того, чтобы изложить в общих чертах доисторический период нашего развития: кратких, если представить себе всю массу знаний, правда, неполных и обрывочных, которыми мы располагаем, длинных, если читатель впервые знакомился с этим материалом и стремился запомнить схему, которую мы нарисовали достаточно подробно?

Первый вывод, конечно, состоит в том, что на пространстве нынешней Франции весьма рано возникла ненормальная плотность населения. Отчасти этот людской избыток объясняется географическим положением нашей страны, в котором заложена идея слияния, встречи, перекрестка. Эмманюэль де Мартон¹⁰⁴ утверждал, что Европа, если двигаться с востока на запад, представляет собой как бы воронку: по мере приближения к Атлантике ее пространство неуклонно сужается. Франция и есть то самое узкое горлышко, куда все вливается и, больше того, где всякое движение останавливается, упираясь в кромку океана. Франция также — невод, ловушка, где разным народам волей-неволей приходится смешиваться друг с другом. По мнению Колина Ренфрю, именно скоплением людей на прибрежной полосе вдоль океана, которое вырисовывается уже с мезолита, можно объяснить самый невероятный для нашей доисторической эпохи факт — появление мегалитов в Бретани. Когда новые иммигранты занесли туда земледелие, считает он, то из-за быстрого демографического роста количество земли сократилось. Поэтому всякое человеческое сообщество было озабочено укреплением своих

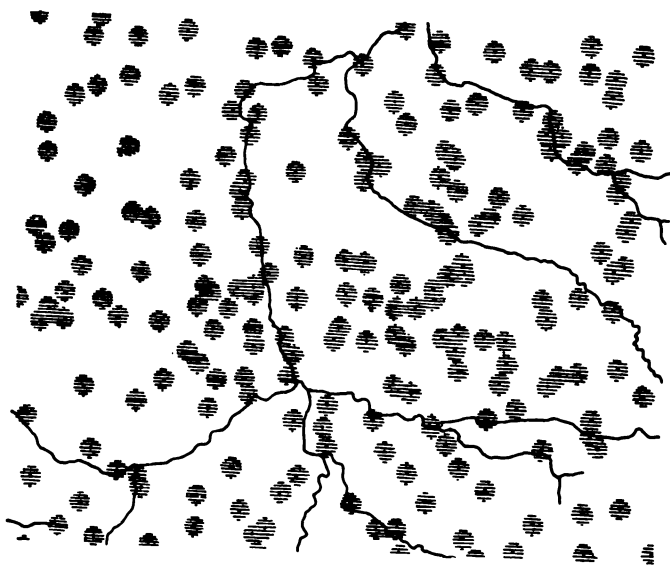
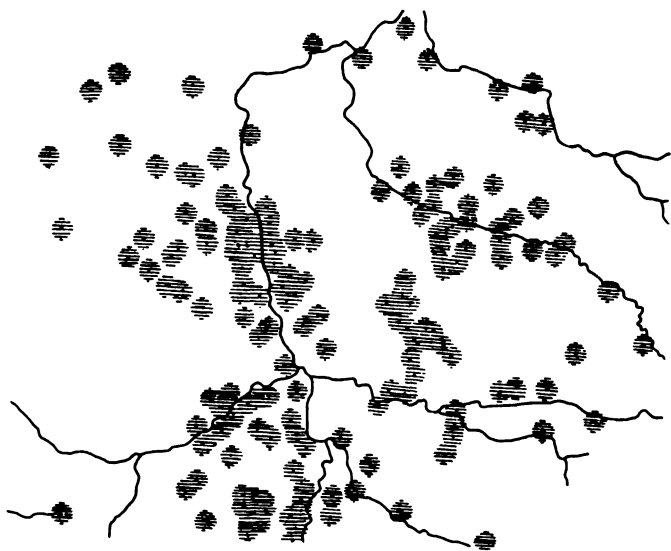
связей, центром которых становился этот памятник — коллективная гробница и одновременно знак, отмечающий территорию сообщества ¹⁰⁵.

Благодаря скоплению разных народов и их смешению метизация во Франции принимает такие размеры, что, по утверждению одного антрополога, Рэмона Рике ¹⁰⁶, ее население со времен неолита «становится без натяжки современным» и «общий его облик делается явно более французским в теперешнем смысле слова», иначе говоря, возникают уже все расовые разновидности, которые характерны для сегодняшнего населения: альпийские французы, нордические, средиземноморские, норико-лотарингские... Все это заставляет более серьезно взглянуть на шутку Фердинанда Лота: «На самом деле если современному французу хочется представить себе, как выглядели его предки, ему достаточно оглянуться вокруг или полюбоваться на себя в зеркало» ¹⁰⁷.

Но самое главное при подведении итогов — это, несомненно, произвести подсчет. Сколько их было, наших предков? Неважно, что мы не можем с полной уверенностью ответить на этот вопрос. Вот уже по крайней мере двадцать лет исследователи доисторической эпохи проявляют все возрастающий интерес к местам обитания древних народов, к плотности населения, его количеству и росту. В этих областях нам нужно иметь представление о порядке соответствующих чисел. В самом деле, с увеличением плотности населения очевидным образом меняется все (недавно это еще раз повторил Колин Ренфрю ¹⁰⁸): степень оседлости, интенсивность обработки земли, социальное расслоение, территориальное устройство и т. д. После неисчислимых тысячелетий кочевничества, собирательства и охоты «человек-хищник» превращается в «человека-производителя» ¹⁰⁹. Постепенно, наряду с неуклонным ростом доисторического населения, увеличившегося, быть может, в 10 или даже в 100 раз, земледелие пускает прочные корни на «французском» про-

НАСЕЛЕНИЕ В БАССЕЙНЕ ЛУЭНА: ЭПОХА НЕОЛИТА И НАШИ ДНИ

Отличия в распределении населения объясняются тем, что в эпоху неолита поселения полностью отсутствовали в долинах с наносными почвами (Луэн и Фе), которые, по-видимому, были в то время заболочены, тогда как в наши дни, напротив, плато опустели, а долины оказались заселены. Согласно Л.-Р. Нуже, в этом регионе плотность сельского населения (центры его проживания были многочисленнее и гораздо мельче нынешних) составляла в эпоху неолита 10—20 человек на квадратный километр. (По книге: Nougier L.-R. Le peuplement préhistorique).

странстве, и оно, особенно в III тысячелетии, примерно до 1800 г. до н. э., мало-помалу заполняется деревнями и деревушками, раскорчеванными лесами, возделанными пространствами и людьми. Если верить расчетам Луи-Рене Нуже ¹¹⁰, проливающим свет на данную проблему, то в непосредственной близости от этой временной отметки пространство будущей Галлии вмещало до 5 миллионов человек, самое меньшее — 2,5 миллиона. Небесполезно сопоставить карты, где обозначены сельскохозяйственные угодья эпохи неолита в том или ином регионе, с картами современными. Есть регионы, где населенность во времена распространения культуры Шассе даже выше, чем сегодня. Конечно, специалисты по доисторическому периоду справедливо напоминают, что эти поселения не обязательно появлялись в одно и то же время, и складывая число их жителей, мы рискуем ошибиться. Но есть и другие признаки перенаселенности: деревни, окружающие себя защитными стенами и рвами и озабоченные созданием значительных продовольственных запасов, первые войны. В коллективных захоронениях мы обнаруживаем груды изрешеченных стрелами скелетов ¹¹¹.

И не является ли еще одним признаком избытка населения тот длительный, глубокий регресс, который наступает во II тысячелетии? Этот очевидный упадок отмечают все ученые, но каковы причины такого мощного отката назад, достоверно неизвестно ¹¹². Быть может, дело было в эпидемиях, в чем-то аналогичном Черной чуме, которая открывает (или почти открывает) собой на Западе нескончаемую Столетнюю войну? Эпидемии, которыми за неимением лучшего объясняют упадок, могли быть связаны с ухудшением климата. Но возможны и иные гипотезы: голод, вызванный как раз слишком быстрым ростом населения (так было перед Черной чумой), смертельная вражда, порожденная недостатком новых земель, либо, как, по-видимому, случилось в конце раннего железного века, в I тысячелетии, новым нашествием захватчиков. Так или иначе, во втором железном веке намечается явный подъем, и период успешного развития будет продолжаться до времени, предшествующего римскому завоеванию.

В то время в Галлии, конечно, не насчитывалось тех 20 миллионов (и более) жителей, которыми в приливе энтузиазма одаряют ее Анри Юбер, Александр Моро де Жоннес, Фердинанд Лот, Альбер Гренье, Камилл Жюллиан. Однако здесь, как и повсюду в Европе, с кельтским завоеванием безусловно соотносится интенсификация земледелия и процветание страны — густонаселенной и даже перенаселенной, судя по латинским источникам, авторы которых видят в этом причину неоднократных исходов галлов в другие страны. Возможно, население Галлии

достигает тех 10 миллионов человек, которые насчитывал там сам Юлий Цезарь. Карл Юлиус Белох предлагает цифру лишь в 5,7 миллиона ¹¹³, Гюстав Блох — 5 миллионов ¹¹⁴, Эжен Кавеньяк ¹¹⁵ — от 8 до 9 миллионов; последний основывается на тех учетных данных, которые доносит до нас Цезарь в «*De bello gallico*», в частности, о потерях галльских войск поддержки во время осады Алесии (52 г. до н. э.), однако подходит к ним критически.

Могу ли я сказать, что цифры эти представляются мне заниженными? Ведь в Нарбоннской Галлии, которая в то время уже почти 70 лет была римской провинцией, плотность населения была такой же, как и в самой Италии. Карл Фердинанд Вернер, соглашаясь с цифрой «более 7 миллионов» применительно к Галлии, насчитывает «от 10 до 12 миллионов жителей» в стране в целом, включая римскую провинцию ¹¹⁶. Но какое все это имеет значение! Числа подобного порядка в любом случае позволяют заключить, что догалльская Галлия, начиная с III тысячелетия и до наступления христианской эры (или около того), была ареной весьма длительных количественных подвижек населения, сначала по нарастающей, затем по убывающей, потом снова по нарастающей. Здесь в дело вступают *многовековые* циклы, о которых я говорил вначале, аналогичные — хоть и гораздо сильнее растянутые во времени, — тому, можно сказать, классическому циклу, который возвестит о себе с наступлением XI столетия нашей эры, достигнет кульминации около 1350 года и быстро, за один век, свернется — одновременно со Столетней войной, с 1350 по 1450 годы. Доисторический период на пространстве будущей Галлии не ведает подобных «скоростей», однако чередование циклических подвижек такого рода по сути своей аналогично тому, которое без лишней спешки будет оказывать воздействие на средневековую Францию.

Но циклы эти, пусть очень долгие, пусть даже бесконечные, по необходимости подразумевают известную однородность населения — не полную его разобщенность, но определенный уровень обмена материальными благами, достижениями культуры, приемами ремесла, людьми, то есть подразумевает нечто, что отчасти уже напоминает *историю* и не может быть ничем иным, кроме как плодом и следствием известной плотности и известного объема населения.

Таким образом, некая Галлия существовала еще до возникновения Галлии; иначе говоря, существовал некоторый реальный стык между Галлией и тем, что ей предшествовало. Я склоняюсь к мысли (невзирая на все оговорки, выдвинутые в связи с главным аргументом Нужье: числом деревень и населенных пунктов), что доисторическое население

страны в период около 1800 г. до н. э. составляло 5 миллионов человек. Это означает, что к концу неолита биологические процессы в основном уже завершены и им на смену приходят те смешения разных этносов, которые сохраняют свою роль и впредь. Каким бы многолюдным и бурным ни представлялись нам последующие завоевания, особенно кельтское, и какое бы мощное культурное воздействие они ни оказали, — мало-помалу завоеватели растворятся в массе уже обосновавшегося здесь населения; поработенное, изгнанное подчас со своих земель, оно будет воскресать снова, распространяться вширь и достигать процветания. Пропасть ему, конечно, не дает его численность. Разве не то же самое произойдет и при столкновении с римлянами? И в меньшей степени — перед лицом варварских вторжений V века или излишнего числа иммигрантов, вызывающего беспокойство в сегодняшней Франции? Главное — это масса, большинство постоянного населения. В конечном счете в нем растворится все.

Но довольно об этих проблемах — всему свое время. На данный момент основная задача состоит в том, чтобы вернуть на подобающее ему место громадное и живое наследие доисторической эпохи. Франция и французы — ее наследники и продолжатели, пусть и неосознанные. Гематологические исследования в этом направлении сейчас только начинаются¹¹⁷. Однако нет ничего удивительного в том, что в нашей крови (крови современных французов) благодаря им высвечивается, опознается кровь доисторическая. И это заставляет нас пристально всматриваться в историю, дошедшую из самых глубин веков.

II

ОТ ГАЛЛИИ НЕЗАВИСИМОЙ К ГАЛЛИИ КАРОЛИНГСКОЙ

Вслед за «Галлией» доисторической перед нами проходят, сменяя друг друга, четыре ее ипостаси: Галлия кельтская, или независимая (протоисторическая), Галлия римская, Галлия меровингская и Галлия каролингская. Эти долгие эпохи следуют одна за другой и явно между собою схожи: они по очереди достигают расцвета, а затем неизбежно клонятся к упадку, словно всякий раз изначально были обречены на то, чтобы в конечном счете потерпеть крах и бесследно исчезнуть — каковы бы ни были формы и причины их исчезновения и краха.

Означает ли это, что здесь существует некая система, некий подспудный и повторяющийся процесс? Такие процессы, заметные лишь в пределах большой временной протяженности, можно было бы свести к флуктуациям многовековых циклов, к их ускорениям и замедлениям. К несчастью, эти *вековые тенденции (trends)*, так мало документированы, что поддаются объяснению менее чем наполовину. Да и существовали ли они в реальности? Этот вопрос занимает одного-двух историков.

Моя задача состояла самое большее в том, чтобы попытаться поговорить о тех далеких от нас проблемах на языке экономики, показать, что на протяжении тех темных веков экономика хоть и не была, безусловно, единственной законодательницей, однако ей все же удалось сказать свое слово. Впрочем, разве это кому-то не было известно наперед?

Самое главное, если встать на такую точку зрения, — то, что в течение четырех названных долгих периодов, в общей сложности целого тысячелетия, несмотря на все экономические спады и новые подъемы, несмотря на все превратности политической жизни, ни разу не произошло революции, которая способна вызвать изменения в структурах жизни и нарушить ее глубинное равновесие, — такой, как зарождение земледелия несколькими тысячелетиями раньше или средневековые революции в энергетике, о которых нам скоро представится случай поговорить.

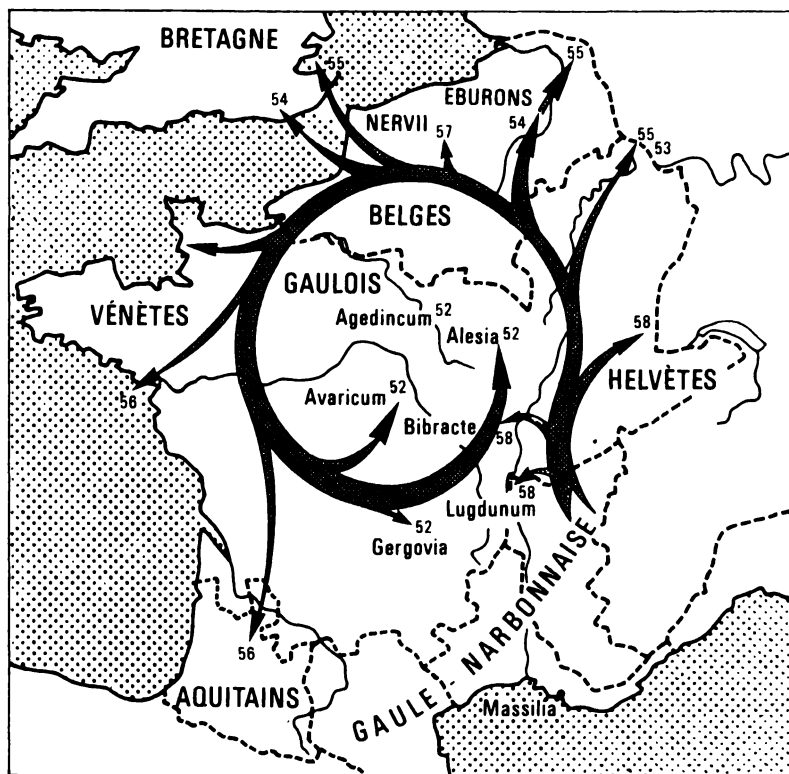
Уместно привести здесь слова Робера Фосье: «Между Римом и IX веком, — замечает он, — не было ни одного резкого скачка». Конечную дату можно было бы даже отнести на два столетия позднее — вслед за Мишелем Робленом, который утверждает, что «непрерывная эволюция, шедшая между I и XI веками, исключает любую возможность внезапного и глубокого переворота»¹¹⁸.

Как — если это возможно — объяснить завоевание Галлии римлянами. Победа римлян, кровавая и быстрая, сокрушает независимую Галлию. Вряд ли есть необходимость напоминать о событиях той войны (осаде Герговии, взятии Алесии) и ее героях (Ариовисте, Юлии Цезаре, Верцингеториге). Я не собираюсь повторять повесть, запечатленную со школьных лет в памяти каждого француза. Не то чтобы я враждебно относился к повествованию: история тоже повесть, и отнюдь не самая скучная. К тому же у меня, надеюсь, будет возможность рассказать об истории Франции как череде скоротечных годов во втором и третьем томе этой работы. Но на данный момент я должен произвести другой «опыт»: в этой главе, как я уже говорил, предполагается осветить крупные фазы в истории Франции, с упором на числовые свидетельства, и через это раскрыть глубинные ритмы истории. Вот почему сейчас я вынужден пристально глядеть лишь в часть исторического пейзажа. Рассматривая независимую Галлию, я не стану стремиться к воссозданию, даже вкратце, ее целостного образа — к воссозданию всех событий, людей, обычаев, типов общественного устройства, экономических укладов, не говоря уже о цивилизации — потайной, во многих отношениях сказочной... Это означало бы вступить в противоречие с логикой данного объяснения. В дальнейшем перед нами встанет иной круг проблем, потребуются объяснения иного плана. Тогда я вновь возвращусь к пейзажам, которые в первый раз рассматривал слишком бегло, но взгляну на них уже под другим углом зрения. Если читатель наберется терпения и вместе со мной дойдет до этого места, он вновь увидит перед собой несправедливое и яркое общество кельтской Галлии, его установления, друидов, срезающих своим золотым серпом омелу, увидит первые ростки галло-римских городов и метизацию их населения.

Теперь же главный вопрос для меня состоит в том, как вписывается в историческую перспективу существования независимой Галлии бурный процесс ее завоевания. К несчастью, объяснения, приводимые на сей счет историками, слишком отдают их личными чувствами, а потому не вполне удовлетворительны и не вполне независимы. Да и могло ли быть иначе в подобном споре?

Первое поразительное обстоятельство: Рим покорил Галлию всего за несколько лет (с 58 по 52 г. до н. э.), тогда как подчинить себе Испанию ему удалось лишь за два столетия. Этот контраст отмечен уже Страбоном — греческим историком, родившимся почти точно в момент поражения галлов ¹¹⁹.

Но у «косматой» Галлии были все возможности оказать сопротивление: могучее население (возможно, десять миллионов человек или даже

ЗАВОЕВАНИЕ ГАЛЛИИ ЦЕЗАРЕМ

(58—52 гг. до н. э.)

Скорость продвижения римских войск по столь обширной территории доказывает, что в Галлии существовали сравнительно плотная дорожная сеть и запасы продовольствия, достаточные, чтобы прокормить людей и лошадей.

больше), чья плотность в любом случае была выше, чем плотность населения в средиземноморских краях, находившихся под властью Рима; беспорная жизнестойкость; определенный уровень процветания — хотя последнее слово, наверное, покажется слишком сильным: некоторые историки полагают даже, что Галлия накануне прихода Цезаря переживала довольно серьезный кризис. Но кризис этот — если он вообще был — не исключал ни внешних признаков благополучия,

царящего в стране, ни ее реальной экономической однородности. И признаки эти не могут не служить нам предостережением против чересчур поспешного или одностороннего объяснения случившейся катастрофы.

Против того, например, чтобы все объяснить военным превосходством римского легиона и гением Цезаря, который почти с самого начала отрезал Галлию, отбросив гельветов и германцев, высадившись в «Британнии» (Англии) и разбив морской флот венетов. Безусловно, нельзя недооценивать роли Цезаря, его проницательности, быстроты продвижения его войск. Но позволяет ли это сделать вывод, что галлы — отважные, вооруженные отличными мечами воины, которых поддерживала многочисленная и бесстрашная конница, — совершили ошибку, сдавшись при первом же поражении? Иначе говоря, приписать им те же достоинства и недостатки, какие сегодня приписывают нам, французам?

Нет какого-то *одного* объяснения для поражения галлов, есть *несколько* объяснений. Так, нельзя забывать, что покорение косматой Галлии — не первый, а третий, последний акт пьесы: римляне, обретя фантастическую боевую готовность в ходе второй Пунической войны, перед разгромом Карфагена, подчинили себе за три жестоких кампании (в 197, 194 и 191 г. до н. э.) ту самую Цизальпийскую Галлию, которая прежде так над ними издевалась, тех самых воинов, что дошли до самого Рима и сражались обнаженными против римлян, высмеивая их тяжелое снаряжение; затем, в 121 г. до н. э., римляне оккупировали «провинцию», Нарбоннскую Галлию, иными словами, самую населенную часть Трансальпийской Галлии, между Альпами и Аквитанией. Благодаря этой решающей победе Рим не только расчистил себе путь на испанский полуостров, но и нанес смертельный удар арвернской гегемонии и занял территорию аллоброгов — от Роны до Женевского озера. С Провинцией Рим получал удобную позицию для наступления на север.

Таким образом, для победы Цезаря существовали немаловажные предпосылки, которые, по словам Алена Гиллерма, деструктурировали «кельтское пространство»¹²⁰. Конечно, последняя из названных катастроф более чем на шестьдесят лет опередила кампании Цезаря. И все же это не означает, что между данными историческими эпизодами и быстрым концом независимой Галлии не было связи. Колониальная Франция недавнего прошлого сначала крепко обосновалась в Алжире (1830), потом в Тунисе (1881—1883), а уже затем, гораздо позже, пересекла границу Марокко (1911—1912).

Может быть, Галлия сдалась сама (это почти непреложный факт) — из-за своей раздробленности, политической незавершенности? «Насто-

ящий хаос», — так пишет о ней Мишле¹²¹. Если бы она оформилась как «нация» или даже просто однородное политическое целое, то мы бы могли даже вести речь об изменах: о вероломстве эдуев, предательстве ремов и множества прочих «коллорабационистов», будь то бесчисленные галльские всадники, сопровождавшие Цезаря, или лингоны, могучий народ, обитавший в окрестностях Лангра, на пересечении торговых путей, и раз за разом снабжавший захватчика деньгами. В действительности, однако, Галлия являла собой мозаику из независимых, вечно враждующих между собой «народов», из 60—80 *civitates*, как назовут их римляне, причем каждый из этих квадратиков, в свою очередь, дробился на еще более мелкие. Короче говоря, политически Галлия была предельно раздроблена: «силы отталкивания в ней берут верх над братством по крови, над торжеством языка, религии и культуры»¹²². Даже друиды, несмотря на все усилия, не сумели сплотить галлов перед лицом захватчика. Таким образом, подобная глубинная неоднородность делала нашу страну легкой добычей. Цезарь мог играть на соперничестве и вражде между разными группировками. Он разделял, чтобы лучше схватить. И ничто не мешает нам представить себе, что, будь Галлия объединена в крепкое государство, она бы оказала римлянам большее сопротивление.

Возможно. Но возможно и то, что, не прибегая ни к каким парадоксам, мы можем выдвинуть и прямо противоположные аргументы. Возвращаясь к поразительному контрасту между молниеносной войной с галлами и нескончаемым завоеванием Испании, заметим, что свою роль в нем сыграло и различие в географическом положении двух стран. К северу от Пиренеев — открытая местность, богатая, сравнительно густонаселенная, с целой сетью дорог, находящихся в приличном состоянии, а значит, нет никаких затруднений с фуражом и продовольствием; к югу от Пиренеев — местность враждебная, перегороженная там и сям самой природой, к тому же пустынная, без особых припасов продовольствия¹²³. Страбон отмечает и другой контраст, на самом деле решающий: сопротивление испанцев бесконечно дробилось и в конечном счете разрешилось тем, что мы бы назвали герильей, тогда как сопротивление галлов быстро сконцентрировалось на одном направлении, не утратив от этого энергии, но став более уязвимым — его легче было сломить одним ударом. Короче, в таком случае именно однородность Галлии, способной поднять по тревоге громадную армию, и позволила разгромить ее в ходе одной-единственной грандиозной схватки — осады Алесии в 52 г. до н. э. Если бы война, напротив, разбилась на отдельные очаги сопротивления, это бы крайне стеснило захватчика и повергло его

в замешательство. В пользу суждений Страбона свидетельствует опыт «колониальных» завоеваний, которыми избобилует история. Взгляните для сравнения на захватнические походы мусульман в VII веке нашей эры: в 634 году они с ходу завладели Сирией, в 636-м — Египтом, в 641-м — самой Персией, которая еще несколькими годами раньше служила противовесом и сама, без чьей-либо помощи, потеснила Рим эпохи Юстиниана; и наоборот, для того чтобы подчинить себе — да и то не вполне — неотесанный Магриб, исламу потребуется 50 лет (650—700 гг.). Зато вестготская Испания, целостная страна, в 711 году упадет к ним в руки также с одного удара.

Короче говоря, мы плохо представляем себе причины успеха Цезаря. Возможно, дело здесь в различии оценок, которые дают этому событию историки. Одни, особенно в недавнем прошлом, приветствовали торжество Рима, который заблаговременно втолкнул Францию в латинский мир — одну из главных составляющих нашей нынешней цивилизации. Так пишет Гюстав Блох ¹²⁴ в бесценном томе, подготовленном им для «Истории Франции» Эрнеста Лависса. Другие, вслед за Фердинандом Лотом ¹²⁵, считают римское завоевание катастрофой для национальной истории, концом нашей неповторимой эволюции, разрушением могущественной «Франции». Камилл Жюллиан со своим еще более явным национализмом доходит даже до утверждения, что, если бы не Рим, Франция усвоила бы греческую цивилизацию Марселя (основанного в 600 г. до н. э.) ¹²⁶ — что еще надо доказать. Впрочем, галлы — и не только из числа просвещенной элиты — в самом деле пользовались греческим алфавитом. По свидетельству Страбона, они «составляли по-гречески свои деловые бумаги» ¹²⁷.

В общем, здесь — как и везде — никому не заказано производить *ухронические* операции, удовлетворяя свою маниакальную потребность переписывать историю. Что до Алена Гиллерма, то он убежден, что будь Галлия самостоятельной, она бы сумела нейтрализовать германцев Ариовиста ¹²⁸ и ассимилировать их, тогда как Галлия римская несколько веков спустя окажется не в состоянии справиться с вторжениями варваров, которые в конечном счете ее и погубят. Приняв те же правила игры, мы могли бы рассмотреть еще один сценарий: Цезарь терпит при Алесии поражение, и тогда Рим отказывается от Галлии — как после поражения Вара (9 г. н. э.) он откажется от Германии, в сто раз менее развитой, чем Галлия, и, возможно, именно по этой причине (не считая всех остальных) гораздо более неприступной. Но отчего бы не выдвинуть и обратную гипотезу? Разве судьбы всей Европы не стали бы иными, пройди границы Рима не по Рейну, а по Эльбе?

Но факт остается фактом: побежденная Галлия быстро сдалась на милость победителю, открылась итальянской и средиземноморской цивилизации и тем самым то ли вполне сознательно, то ли безотчетно коренным образом изменила свою судьбу. Скорее всего галльская аристократия стала очень скоро сотрудничать с захватчиками и способствовала ассимиляции Галлии. Скорее всего римское господство, столь тяжкое сразу после завоевания, стало более либеральным в правление «двух великих императоров, Тиберия (14-37 гг. н. э.) и Клавдия (41-54 гг. н. э.), которых античная историография сильно бранила, но неусыпным трудам которых Римская империя во многом обязана своей стабильностью и долговечностью». Они, как смело выразился один историк, Зигфрид Ян ван Лэт¹²⁹, заменили «республиканский колониализм режимом *Commonwealth* *».

Заметим к слову, что Клавдий сделал Галлии превосходный подарок: по его приказанию была проложена большая часть дорожной сети на севере страны¹³⁰. В 48 году он, не обращая внимания на протесты политической аристократии Рима, открыл двери Сената для галло-римских «сенаторов».

Воздержимся, однако, от категорических оценок. Хоть Клавдий, которого римляне прозвали в насмешку Галлом (он родился в Лионе), и стремился строить мирную, тесно связанную с Империей Галлию, он же, тем не менее, преследовал друидов, вынужденных искать убежища в «Британии» (Англии). Так что говорить здесь следует не столько о либерализме, сколько о продуманных усилиях по ассимиляции Галлии, которые мы должны записать в актив уже Августу. Наследник Цезаря четырежды посещал Галлию; дольше всего он пробыл в Лионе (16-15 гг. до н. э.), основанном в 43 г. до н. э., а в последний приезд, в 10 г. до н. э., подавлял волнения на рейнской границе. Разве не он поделил Галлию на четыре провинции (Нарбоннскую, Аквитанскую, Лионскую, Белгийскую) и, подобно Цезарю, продолжал набирать там солдат? Кроме того, он основал множество городов и для украшения их тратил без колебаний часть сокровищ Антония и Клеопатры и своего собственного состояния: так, мы обязаны ему возведением Квадратного дома в Ниме, виадука Пон дю Гар, театров в Оранже, Арле, Вьенне, Лионе... «При Августе Галлия была громадной строительной площадкой», ареной общественных работ¹³¹. Новые города, где мало-помалу взяла обыкновение селиться галльская аристократия, служили действительными очагами романизации, а также фактором экономического про-

* Содружество (англ.).

гресса. «Пока идет стройка, все в порядке», — говорим мы, и поговорка эта, похоже, не раз оправдывалась в ходе истории.

И еще один благоприятствующий процессу аккультурации элемент: с юга Галлия граничит с Испанией и Нарбоннской провинцией, которая подверглась романизации задолго до остальных «трех Галлий».

С другой стороны, благодаря мощной армии, доброй сотне тысяч человек, охраняющих границу, Галлия была избавлена от набегов из-за Рейна. Веспасиан и Домициан сделают оборону еще сильнее — возведут по правому берегу Рейна *limes*, то есть пограничные укрепления, которые, спускаясь от Кобленца, шли вдоль течения Неккара до самого Дуная. Позади *limes* вплоть до Рейна тянулись Десятинные поля, заселенные колоннами.

Наконец, в 43 году римские легионы по велению Клавдия завоевали Британнию, то есть Англию, которую впоследствии пришлось обустроить; Галлия тем самым оказалась защищена с севера. Булонь очень скоро превратилась в город, а ее порт с громадным маяком дал пристанище римскому флоту, который надолго взял на себя охрану порядка в Ла-Манше и Северном море. А римская безопасность и мир, без сомнения, были весомыми аргументами в глазах населения, уже давно не ведавшего ни безопасности, ни мира. Рим даст Галлии и галлам их латинские имена: *Gallia*, *Galli*; названия «кельт» и «кельтский» постепенно исчезают. Рим даст Галлии свою цивилизацию — к концу колонизации, удачной в этом отношении. Он даст ей свою границу, прочерченную Цезарем по Рейну и отрезавшую Галлию от кельтской (об этом обычно забывают) и германской Центральной Европы.

Но Галлия хоть и оказалась в безопасности, хоть и была окружена и защищена со всех сторон, хоть и подверглась обработке посредством дорог, городов, школ, армии, ряды которой всегда были для нее широко открыты, все же долго колебалась, прежде чем принять свой новый удел. Несмотря на Тиберия и Клавдия, несмотря на преимущества, которые предоставляла галлам более развитая цивилизация, первое столетие римского господства было бурным, отмеченным волнениями и мятежами, иногда несколько театральными, но безусловно кровавыми. Стоит ли, вслед за некоторыми французскими историками, преувеличивать значение этого сопротивления и впадать по его поводу во что-то вроде ретроспективного национализма? ¹³² Сам я, несмотря ни на что, отдаю предпочтение взвешенным оценкам Гюстава Блоха (1911) и многих других историков. На самом деле мятежи эти стали следствием более или менее осознанного чувства унижения, которое испытывал побеж-

денный народ, следствием недовольства, вызванного в разных регионах разными причинами, обозленности крестьян, задавленных налогами и встревоженных кадастровыми записями, возмущения знати, допущенной в среду римлян, но негодующей на мошенничество имперской администрации, и отчаяния ремесленников, вынужденных иногда бежать за Рейн от придирок сборщиков податей.

Пик этих волнений приходится на времена кризиса, до основания потрясшего Империю в конце правления Нерона и после его смерти в 68 году. В эти годы поднялась целая эпидемия мятежей в различных точках Галлии; иногда их возглавляла знать, до тех пор верно служившая Риму. Не успевали их подавить в одном месте, как они вспыхивали в другом, с новой силой. К ним добавились восстания ряда легионов, воспользовавшихся политическими распрями в Риме. Так, в 69 году Рейнская армия, в которой было много нестроевых белгов и германцев, выступает походом на Галлию, и той едва удается избежать планомерного разграбления. Но Гай Юлий Цивилис, батав, а на самом деле германец, использовав сложившуюся ситуацию, встает во главе разбежавшихся легионов и дает галльским городам возможность вновь обрести свободу и образовать по этому случаю некую Галльскую империю.

В один прекрасный момент, когда в Галлии не осталось больше римских войск, восставшие в приливе эйфории даже провозгласили создание такой Империи.

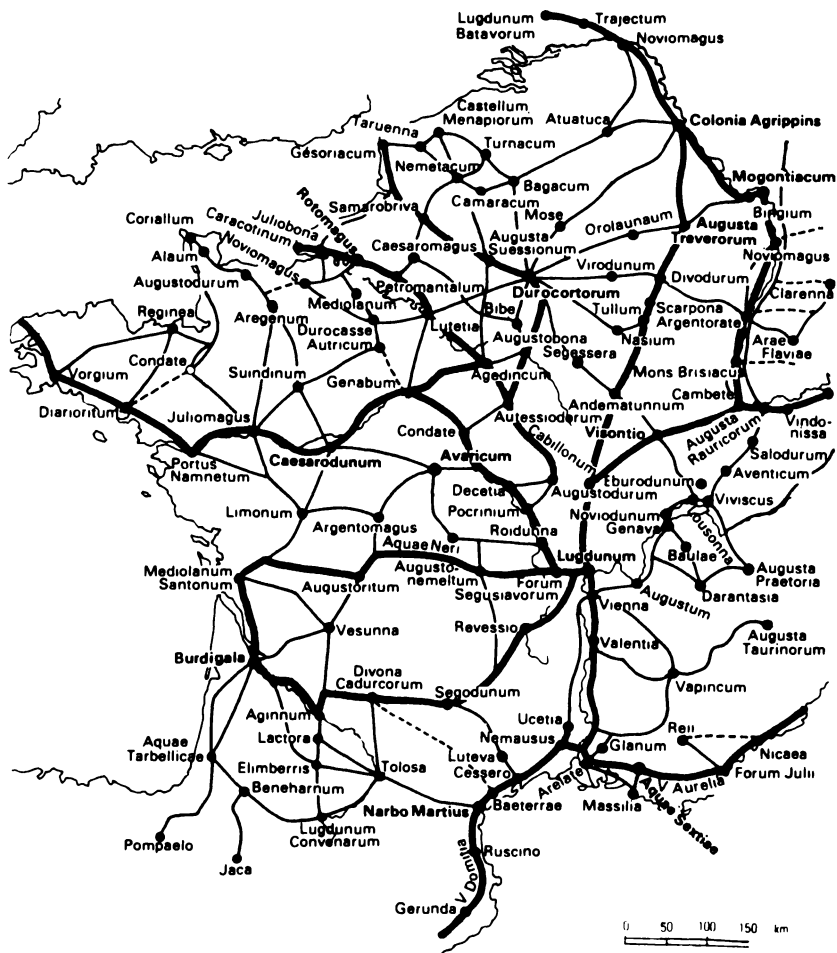
Однако два обстоятельства отрезвили всех. Во-первых, подозрительность галлов в отношении давнего захватчика, германцев. Подозрительность вполне оправданная: Цивилис безусловно готовил свою собственную галльскую войну — ведь он методично разрушал фортификации *limes*. Во-вторых, из Рима поступили известия о конце гражданских войн, триумфе Веспасиана, «императора здравого смысла», и восстановлении сильной власти. Был отдан приказ двинуть на Галлию все войска из соседних стран — Италии, Испании, Британии. Среди всеобщего смятения племя ремов предложило всем галльским городам направить своих представителей в Дурокортор (Реймс). В ходе дискуссий на этом собрании сторонники мира одержали верх, и треверам было отослано воззвание с призывом от имени всей Галлии прекратить борьбу. Треверы отказались, но быстро были разбиты и рассеяны могучим римским войском во главе с К. Петилием Цереалисом. Оставался Цивилис. Но теперь уже дело сводилось к войне между римлянами и германцами, и Цивилис, терпя поражение за поражением, предпочел отступить обратно за Рейн ¹³³.

Этот кровавый эпизод стал последним значительным выступлением галлов против завоевателей. Таким образом, в результате векового (с 52 г. до н. э. по 70 г. н. э.) римского господства Галлия в конце концов почти смирилась с романизацией.

Время уже начинало брать свое. И чем дальше, тем больше: не будем забывать, что со времени сдачи Алесии (52 г. до н. э.) до ликвидации, вполне, впрочем, теоретической, Западной Римской империи в 476 году пройдут по меньшей мере пять столетий. Что бы было, если бы Франция завладела Регентством Алжир, едва оно было образовано (1516), и покинула его только в 1962 году? В давние времена история текла медленнее, чем теперь. В отличие от речных вод, бурных у истока и успокаивающихся к устью, воды истории поначалу медленны и ускоряют свое течение лишь по мере приближения к нам и нашей эпохе. Благодаря накопленному историческому опыту разного рода, а также стечению обстоятельств Галлия стала романской. К лучшему это или к худшему — пусть каждый судит сам.

Во всяком случае, не думаю, что мы вправе повторить вслед за Мишле: «Галлия затонула как Атлантида»¹³⁴. Ибо Галлия отнюдь не затонула со всем экипажем и грузом после падения Алесии. Пьер Ланс¹³⁵ полагает, что она осталась неиссякаемым подземным источником для истории Франции. К тому же нашим кельтским наследием, независимо от того, ставить его выше латинского или ниже, пренебречь невозможно: хочешь не хочешь, но мы и поныне живем под знаком этой двойственности. Но с точки зрения культуры кельтский мир проиграл в Галлии два главных сражения: язык его — несмотря на то, что в отдельных деревнях на нем говорили еще долго, иногда вплоть до XII века¹³⁶, — сохранился во французском языке лишь в виде остаточных следов (бретонское наречие — это язык, перенесенный с Британских островов в VI веке или немного раньше); его религия, живая на протяжении долгого времени и без труда пробивавшаяся сквозь римский политеизм, в конечном счете потерпит поражение, столкнувшись с христианством и его единобожием. Она выживет лишь в языческих недрах народных легенд и верований. Так можно ли применительно к Галлии говорить о «культурном геноциде»?¹³⁷

Расцвет Римской Галлии в правление Коммода. Римская Галлия достигает расцвета через два столетия после своего завоевания Цезарем, в правление Коммода (161—192 гг.), недостойного сына Марка Аврелия. Судьба ее напрямую связана с участью самой Империи: пока там все

ДОРОГИ В РИМСКОЙ ГАЛЛИИ

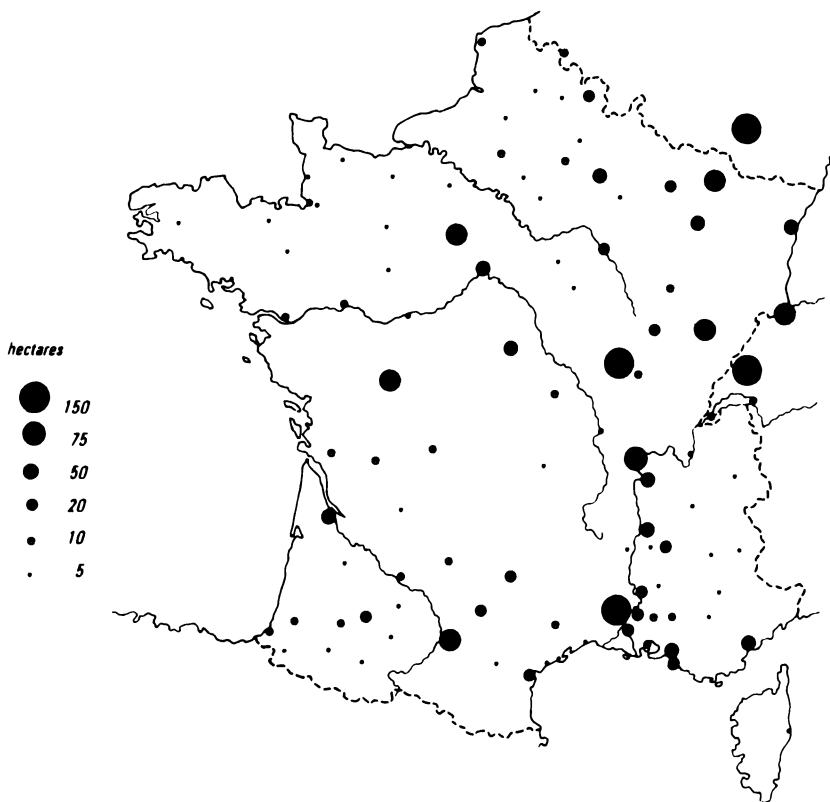
Плотность дорожной сети на всей территории — свидетельство роста населения и подъема производства в Римской Галлии.

в порядке, она благоденствует; когда же там дела идут плохо, она тоже клонится к упадку. В самом деле: Галлия включена в единый псевдомир-экономику, в ту группу регионов, которая образовалась вокруг средиземноморского центра, живет в общем ритме и простирается, с экономической точки зрения, к востоку, в направлении Персии, Индии, Индийского океана. На севере Европы эта группа регионов упирается в пустоту — перед ней лежит Балтика и Северное море, на страже которого стоит базирующийся в Булони римский флот; на юге она граничит с бескрайними просторами Сахары, откуда, впрочем, вывозит по дорогам нынешнего Марокко суданский золотой порошок. Коротче говоря, именно колебания, ритмы, стечение обстоятельств в экономике этого громадного целого и определяют ход жизни в зависимой от него Галлии.

Но вплоть до смерти Марка Аврелия (161 г.) дела в Империи идут хорошо, и Галлия до этого времени, середины II века нашей эры, пользуется благами *paх totana* *. Она расцветает — дороги, города, товарный обмен меняют ее облик. В ней снова происходит рост населения, более чем восполняя кровавые потери, понесенные во время завоевания, — массовые убийства и захваты в рабство, которые поистине выкосили значительную часть ее жителей. Преувеличить жестокости захватчиков невозможно: целые племена, такие, например, как адуатуки и эбуроны, обитавшие между Рейном и Шельдой, были полностью уничтожены или проданы с торгов¹³⁸; Цезарь буквально «заполонил ярмарки рабов по всей Италии человеческим товаром»¹³⁹.

Фердинанд Лот¹⁴⁰, оценивая население Галлии до Цезаря в 20 миллионов человек, впадает в преувеличение; однако Карл Юлиус Белох¹⁴¹, в свою очередь, тоже преувеличивает, только в обратную сторону, полагая, будто в 14 году после Рождества Христова в Галлии насчитывалось не более 4 900 000 жителей, из которых 1 500 000 приходилось на Нарбоннскую Галлию (плотность населения — 15 человек на квадратный километр), и 3 400 000 — на всю остальную страну (плотность — 6,3). Мне с трудом верится, что столь низкая плотность населения могла существовать в Галлии — процветающей, входящей в состав Римской империи, численность населения которой, по оценке самого Белоха, составляла приблизительно 54 миллиона человек на территории в 3 340 000 квадратных километров, то есть по 16 человек на квадратный километр. Приняв эту среднюю цифру, мы получаем для Галлии (638 тыс. квадратных километров) чуть больше 10 миллионов

* Римский мир (лат.).

ГОРОДСКАЯ СЕТЬ РИМСКОЙ ГАЛЛИИ

Карта уточняет помещенную выше карту дорожной сети. Распределение галло-римских городов еще четче указывает на направления стратегических осей Империи: это путь по Роне и Соне к проходящей по Рейну границе, дороги, ведущие через Прованс и Лангедок в Испанию и долину Гаронны.

жителей. Возьмем по минимуму — 8-9 миллионов, которые насчитывал Кавеньяк и которые недавно вышедшая история населения оценивает как «цифру достаточно обоснованную»¹⁴². Но как обстояло дело спустя сто пятьдесят лет, в эпоху Марка Аврелия и Коммода, когда Галлия находилась на вершине процветания?

На сей раз Карл Юлиус Белох без колебаний предлагает гораздо более высокую цифру. Никогда, пишет он, Римская империя не была такой густонаселенной, как в это время, в самом начале III столетия: по сравнению с годом смерти Цезаря ее население удвоилось. Таким образом, пять миллионов галлов, которые он насчитал в 14 г. н. э. (впрочем, он сам пересматривает эту цифру и доводит ее до 6, а возможно, и 7 миллионов), превратились по меньшей мере в 10, или в 12, а то и в 14 миллионов. Тогда плотность населения будет составлять примерно двадцать человек на квадратный километр ¹⁴³. С моей точки зрения, эти расчеты гораздо более правдоподобны, чем расчеты Рассела. Но возьмем минимальную цифру — 10 миллионов человек. И предположим, что доля городского населения составляла 10% — а не 20%, как считает Робер Фосье ¹⁴⁴ («четверо из пяти жителей обитали в деревнях»). Тогда получится, что в городах жил миллион галлов, и если принять, что в то время существовало около тысячи агломераций городского типа, то в среднем это даст 1000 человек на один город.

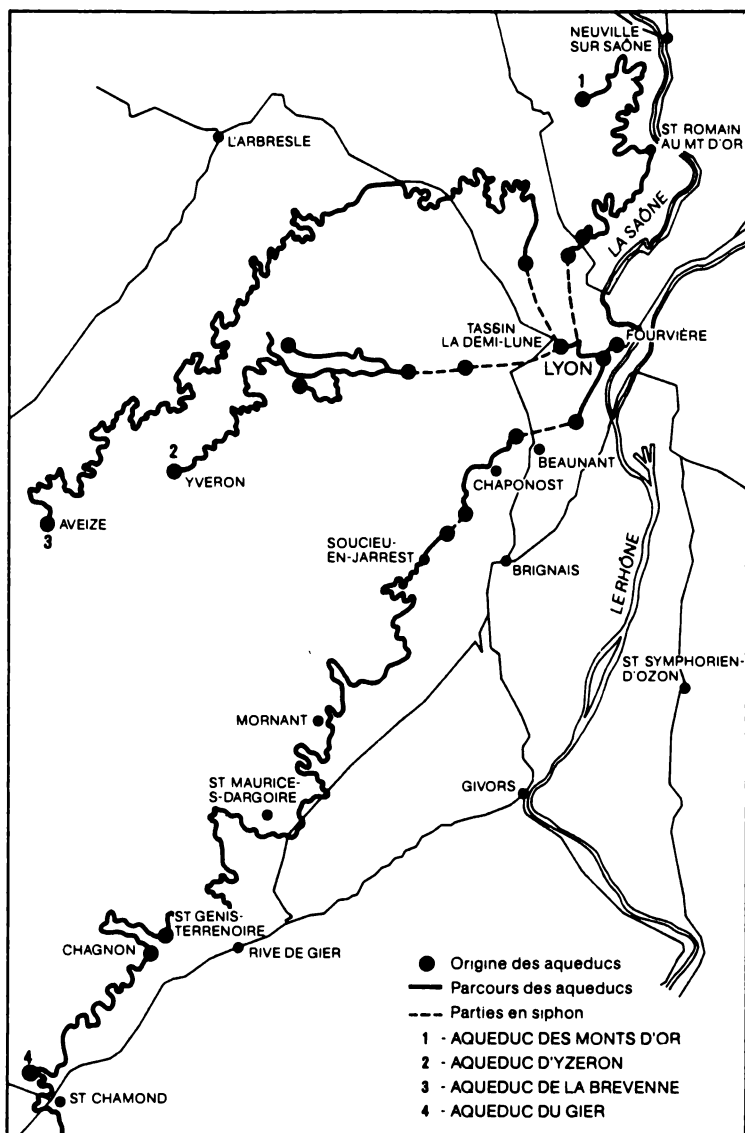
Не надо громко возмущаться кажущейся скромностью этой цифры: возможно, она даже завышена. Аналогичный подсчет, произведенный для Германии XV века ¹⁴⁵, богатейшей страны, дает в среднем по 500 жителей на город! Дело в том, что наряду с галло-римскими городами, раскинувшимися на территории в 200—300 гектаров каждый, существует множество мелких тесных городков, где дома еще крыты соломой; форумом в них служит просто базарная площадь, куда окрестные крестьяне приходят продавать горожанам провизию. Но от этого они отнюдь не перестают быть городами. Не будем забывать, что еще в XVIII веке многие дома в Дижоне имели соломенные крыши ¹⁴⁶. «В самых обширных городах [Римской Галлии], в Ниме, Тулузе, Отене, Трире, не могло

РИМСКИЕ АКВЕДУКИ В ЛИОНЕ

Четыре акведука, подающих воду в Лион, уже сами по себе свидетельствуют о больших размерах этой галло-римской агломерации. Когда в результате вторжений варваров эта система водоснабжения будет безнадежно испорчена, Лиону придется частично изменить свое местоположение.

Условные обозначения в правом нижнем углу карты:

- Источники акведуков. — — — Линии, по которым пролегли акведуки. — — — Сифонная часть акведука.
- 1 — Мон-Дорский акведук. 2 — Изеронский акведук. 3 — Ла-Бревеннский акведук. 4 — Жьерский акведук.

насчитываться более 50 000 жителей», — пишет Фердинанд Лот ¹⁴⁷. Но для той эпохи цифры эти сами по себе довольно высокие; а в Лионе, пышной галльской столице, число жителей достигало 80 000—100 000. Кроме того, все галло-римские города с их театрами, триумфальными арками, термами и аренами весьма внушительны на вид. Разве не чудо — система подведения воды к Лиону! Или к Вьенну! Поначалу даже не верится, что снабжавшие их акведуки — реальность. Конечно, в определенном смысле это были декорации, «театральные установки» ¹⁴⁸. Будущее покажет их недолговечность; но разве будущее чаще всего не несет в себе предательство прошлого?

Так или иначе, но урбанизация Галлии и форма этой урбанизации — яркий признак романизации страны. Разные регионы подверглись ей в большей или меньшей степени, благодаря чему к предшествующему разнообразию добавляются новые черты. Так, Рим поощрял развитие речного пути по Роне и Соне, который вел по Маасу или Мозелю на север к рейнской границе, где по-прежнему было неспокойно. Когда Галлия будет переживать более трудный период, Трир потеснит Лион и станет ее настоящей столицей. Точно так же Рим поощрял развитие Нарбоннской Галлии: дороги *via Domitia* и *via Aurelia* вели через Прованс и Лангедок в Испанию. Нарбоннская провинция, завоеванная за семьдесят лет до остальной Галлии, более густонаселенная, более открытая для римской культуры, с наступлением суровых времен в качестве поощрения получит защиту и останется «римской» вплоть до 415—443 годов, когда в ней обоснуются вестготы и бургунды.

Все это — добавление к обширному своду материалов о различиях и контрастах между севером и югом Франции. Иль-де-Франс также долгое время сохранял свой римский облик и противостоял франкам, однако он выглядел скорее анклавом, со всех сторон окруженным миром варваров.

Римская Галлия перед лицом внутренних беспорядков и вторжений варваров. Римский мир был нарушен, а затем и разрушен ближе к концу II века, около 170—180 годов. Началось все со стычек на границе, проходящей по Рейну: в 162 году шайки германцев просочились в северную часть Белгии; в 174 году другие шайки проникли в Эльзас. Не стоит придавать этим инцидентам слишком большое значение — тогда порядок был восстановлен легко и быстро ¹⁴⁹. Граница, благодаря которой в Галлии царил мир и покой, будет взята с бою по-настоящему

лишь значительно позже, в 253 году — франками и алеманнами. На карте (с. 81) видно, что подобными вылазками оказалась затронута вся восточная половина Галлии, а к югу они достигали нижнего течения Роны и Испании. Паника и хаос, вызванные ими, были столь сильны, что галльские войска провозгласили одного офицера, Постума, императором всех Галлий (260 г.) — не из бунтарства против Рима, но чтобы отразить нападение захватчика. В течение восьми лет Постуму это удавалось: он даже преследовал варваров за Рейном и восстановил в Галлии порядок и спокойствие. Однако в 268 году он был убит собственными войсками под Майнцем, ибо запретил солдатам грабить город. Галльская империя погибла вместе с ним (в 273 г. последнего из его преемников, Тетрика, разбил император Аврелиан), и два года спустя, в 275 году, на восточных границах вновь были пробиты зияющие бреши.

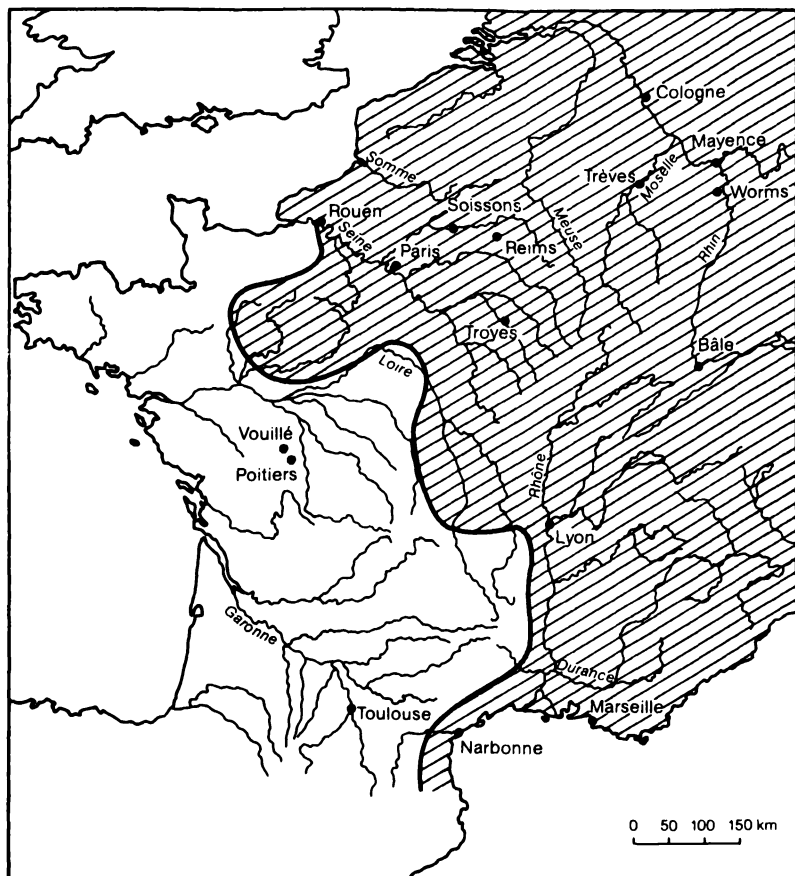
На сей раз вторжение захватило, затопило всю Галлию; она была предана огню и мечу. Несколькими годами раньше все еще надеялись, что порядок восстановится; теперь стало ясно, что этого не произойдет. Именно тогда города начинают обособляться и спешно возводить укрепления... Не будем, однако, забывать, что пока мы только в начале более чем векового периода *классических* варварских набегов. Действительно, «великое» вторжение, так называемое вторжение Радагайса, произойдет лишь 31 декабря 406 года: преодолев покрытый льдом Рейн, по всей Галлии разливается бурный поток перемешанных между собой народов, который, как ни парадоксально, в конечном счете оказался менее разрушительным по своим последствиям, чем вторжение 275 года¹⁵⁰.

Запомним эти даты: 253, 275, 406 годы. В них — доказательство того, что упадок Галлии начался задолго до великих нашествий V века. Упадок Галлии — это упадок Римской империи, больного, бесконечно долго умирающего человека. По этому поводу между историками уже давно идет славный спор: умерла ли Империя своей смертью, сама ли она в конечном счете виновна в этой смерти? Или же она рухнула под ударами варварского тарана, была «кубита», как утверждал Андре Пиганьоль?¹⁵¹ Нам придется если не разрешить спор, то дать свой ответ на поставленные вопросы — хотя моя точка зрения на эти проблемы довольно непривычна. Но кто может быть уверен в своей правоте, когда речь заходит о подобных предметах?

Незатухающая жакерия. Галлии, как и Империи в целом, был нанесен удар не только извне, но и изнутри. Она переживала одновременно и политический кризис, поставивший под вопрос авторитет государства — Империи, и кризис социальный, пошатнувший равновесие ее общественной иерархии; в довершение всего в экономической ее жизни произошел резкий спад, и хотя причины этого кризиса на первый взгляд не вполне очевидны, факт остается фактом: ее население сократилось, а это само по себе доказательство того, что во многом дела шли плохо.

Главное здесь — в этом и следствие кризиса, и его причина — беспорядочные волнения, охватившие крестьянские массы (большинство населения Галлии), какая-то непрерывная «жакерия», почти не поддающаяся усмирению, а для нас, историков — локализации. Наряду с *ager*, с *laboratorium*, пашней, в Галлии существуют и необъятные леса, болота, горные районы, целинные земли; всякий противозаконный элемент может, бежав, затеряться на этих обширных просторах. Обычно эти особые земли, куда почти не ступала нога человека, обозначают словами *tractus, saltus*¹⁵²; это по-настоящему «дикие» миры, третий тип пространства, расположенный между городами и деревнями¹⁵³. Лес — в Галлии еще существовали значительные лесные покровы — выступает как антитеза светлomu, прозрачному пространству города и, в меньшей мере, «цивилизованной» деревне; он рождает видения и селит страх в душах; кто ночью проедет через лес, сойдет с ума, говорили в те времена; по англо-саксонским законам¹⁵⁴, путник, не обнаруживший своего присутствия в лесу звуком трубы, рисковал быть принятым за преступника. Возможно, там и в самом деле не было никого, кроме людей, преступивших закон или жаждавших свободы и потому искавших в лесу убежища; отчасти это похоже на колониальную Америку, где бежавшие с плантаций рабы обретали пристанище лишь в лесах, еще недоступных для человека.

Положение галльских крестьян, рабов или мелких собственников (последние были якобы свободны, но находились в очень жесткой зависимости) становилось постепенно все тяжелее. Поскольку рабочая сила делалась все большей редкостью, крупные землевладельцы, *potentes*, старались силой удержать ее в своих обширных, мощных хозяйствах, *villae*, которые, как нам теперь известно благодаря раскопкам и, в еще большей степени, аэрофотосъемке, были гораздо многочисленнее, чем еще недавно полагали историки. Так, последовательные наблюдения с воздуха, проведенные Роже Агашем, позволили обнаружить в бассейне Соммы, где земля долгое время считалась возделанной

НАШЕСТВИЯ ВАРВАРОВ В III ВЕКЕ

лишь вокруг городских центров, а сельская местность, по мнению историков, была почти безлюдной, «громадные фермы, тут и там усеивавшие сельскую местность» (с уверенностью удалось локализовать 680 ферм) поблизости от очень мелких и редких городских агломераций¹⁵⁵. Подобного же рода наблюдения сейчас ведутся в Бретани.

Вполне вероятно, что на галло-римские *villae* приходилась большая часть возделанных земель. Обычно они занимали собой около тысячи гектаров (бывало и больше), включая пашню, пастбища, лесные массивы, и являлись громадными фермами с весьма обширными построй-

ками. Такова галло-римская вилла в Монморене (Верхняя Гаронна) ¹⁵⁶: 1500 гектаров земли и 18 гектаров построек; или же вилла в Варфюзэ Абанкюре (департамент Сомма), где протяженность строений в длину достигала 330 метров ¹⁵⁷; или вилла в Кане, близ Безье, более скромных размеров — 100x62 м ¹⁵⁸; или же *Burgus Leontii*, ныне Бур-сюр-Жиронд, укрепленная вилла под Бордо, выглядевшая, говоря огубно, почти как крепость, и т. д. Стоит ныне начать где-нибудь обследование местности (хотя бы в окрестностях Крейя, на Уазе), как нам открываются все новые *villae* с мощными стенами, кучами черепичных обломков, остатками свинцовых стоков для подвода и слива воды. Более того, как ни трудно в это поверить, но мы обнаруживаем и стекла или по крайней мере осколки стекол, которые поначалу вставляли в свинцовые пазы ¹⁵⁹.

Всякая вилла делится по меньшей мере на две части: в ней есть *urbana*, где располагается хозяин и где предусмотрен такой комфорт, какого только можно пожелать — в римском духе! Двор, перистиль, отопление, бани...

Сидоний Аполлинарий (430—487) в июне 465 года, находясь на своей вилле в Авитаке, в Оверни, в двадцати километрах от Клермона (Авитак — это, без сомнения, современная деревня Эйда), расхваливает одному из друзей, изнемогающему от городской жары, прелесть своего убежища, красоту бань, «которые могут поспорить» с бассейнами, сооруженными в общественных зданиях ¹⁶⁰. Конечно, это было место усад. Однако подле хозяйского жилища простираются постройки *rusticana*, отведенные под хозяйственные службы (погреб, амбары) и под жилища рабов — обширная кухня, где они едят, комнаты, где они спят. Отдельно расположены эргастулы, куда запирают преступников, и дом *villacus*'а и его жены, которые руководят групповой работой рабов и несут ответственность за хозяйство в целом. Зачастую вилла окружена стеной; иногда внутри строений устроен жертвенный алтарь, но его трудно распознать с полной уверенностью.

Обычно план виллы — выбор места, разграничение построек, ориентировка хозяйского жилища на восток и на юг, — основывается, судя по всему, на советах римских агрономов (Варрона или Колумеллы): тот же самый план встречается нам и в других местах, по всей Римской империи. Конечно, большинство этих *villae* раздробится — да и само слово *villa* приобретет иной смысл ¹⁶¹, — и на смену этим долговечным хозяйствам придут деревни. Но несомненно, во всяком случае, то, что «при св. Бенедикте монастыри будут перенимать форму сельской виллы» ¹⁶².

Однако для нас интереснее всего не стены виллы, не охраняющая ее ограда и не балки ее перекрытий, а люди. Галло-римская вилла с ее чудовищным скоплением людей — это «настоящая сельская фабрика... гораздо более страшная, чем городская фабрика... прошлого века в Англии [или] во Франции»¹⁶³. Вилла — это машина для подавления, перемалывания человеческих существ. Приблизительно в 451 году один монах, преисполненный жалости к этим несчастным и их участи, напишет: «Когда мелкие собственники теряют свой дом и клочок земли по вине разбойников либо по произволу сборщиков податей, они находят приют во владениях богачей и становятся колонами... Со всеми, кто поселился на землях богачей, происходит метаморфоза, как будто они испили из кубка Цирцеи, и они становятся рабами»¹⁶⁴. Силой вербуют даже нищих, странников, злоумышленников, солдат-дезертиров, которых затем «приковывают к их наделам и подчиняют хозяину»¹⁶⁵. Так что не стоит слишком легко принимать на веру понятие мелкоземельного свободного крестьянина, или *колона*. В Римской империи также проявилась диалектическая двойственность положения раба и колона: колон — это не более чем *сера*, как будут говорить позднее.

Драма эта ощущалась тем острее¹⁶⁶, что рабство, которое вскоре распространится повсюду, «у кельтов, по-видимому, практиковалось меньше, чем у народов Средиземноморья»¹⁶⁷. Так что в этом смысле нововведение обернулось ухудшением. Тем более что крупное поместье с его высокой производительностью труда само собой, даже не слишком того желая, перерастало собственные границы и занимало земли окрестных мелких собственников... Таким образом, *рабовладельческий* строй постоянно распространяется вширь: рабы составляли, по-видимому, около трети всего населения. Поставка человеческой силы, необходимая для подобной системы, будет обеспечиваться за счет пленников, захваченных в результате бесчисленных разбойных набегов, — даже когда присутствие римлян в Галлии завершилось. Так, во времена Дагобера (629—639) королевская армия, возвращаясь из экспедиции в Аквитанию, вела за собой громадные колонны пленных, связанных попарно, «как связывали собак»¹⁶⁸. Но рабы везде изнашиваются быстро: в XVII—XVIII веках в Америке раб выдерживал труд на плантациях в среднем семь лет.

Чтобы принуждать людей к труду, пресекать побег от хозяина, необходимо сильное государство, иначе говоря, постоянная возможность подавления. Разве не вследствие восстаний рабов произошел в Риме переход от Республики к Империи — сильному режиму, опирающемуся на имущие классы? Но в Галлии в правление Коммода авторитет власти

был поколеблен — и немедленно в стране поднимается недовольство, мятежи, «жакерии». При Диоклетиане и Максимиане (284—305), напротив, власть имперского режима была восстановлена. Тогда рабовладение снова показало свою силу, но ненадолго: крестьянские волнения возобновятся очень скоро.

Первая известная нам веха в истории этих волнений — массовые разбойные нападения, возглавляемые неким Матерном¹⁶⁹, около 186—188 годов; это самая обычная жакерия, когда совершаются набеги на деревни, фермы, *villae*. При первых успехах крестьянское войско разбухает, а затем, при первых же столкновениях с силами порядка и неизбежных разгромных поражениях, распадается на части: крестьянское восстание во все времена не было способно оказывать сопротивление регулярным войскам. Что не помешало жакерии, хоть и разбитой, подспудно продолжать свое дело. Максимиан выкорчевал мятежников отовсюду — от Альп до Рейна. Герилья от этого, однако, не прекратилась.

В III веке из-за налогового бремени, денежной инфляции, роста цен крестьянская угроза настолько усилилась, что для обозначения бунтовщиков было создано новое слово: «багауды» (возможно, от кельтского *baga* — битва)¹⁷⁰. Около 440 года Сальвиан¹⁷¹ пишет в оправдание крестьянской войны: «Теперь скажу о багаудах, которых ограбили дурные и кровожадные люди, которых били и убивали после того, как они потеряли все, вплоть до чести носить имя римлянина. И им мы вменяем подобное несчастье в вину, им даем это проклятое имя — мы, те, кто за все это в ответе! Мы сами сделали из них преступников — и мы же называем их людьми пропащими. Ибо кто вызвал к жизни бунт багаудов, если не наша вопиющая несправедливость, нечестность судей, наши приговоры к ссылке, наши хищения!»¹⁷²

Серьезнее всего, возможно, то, что мятежный крестьянин приемлет варвара, действует в согласии с ним, использует вызванные варваром беспорядки, чтобы действовать самому и эти беспорядки усилить. В самом деле — разве наряду с варварами-воинами и варварами-грабителями не существовало варваров, прикованных к ниве? Независимо от того, покинули они войско добровольно или попали в рабство к крупным землевладельцам, для галло-римских крестьян они стали товарищами по несчастью.

Жакерия по самой сути своей мобильна и перемещается на большие расстояния. Возможно, наиболее бурно она протекала в Западной Галлии с ее бесконечными лесами-убежищами — власть римлян здесь никогда не была слишком сильна и очень рано сошла на нет. Именно

таков скорее всего смысл одного суждения в комедии неизвестного автора V века — «*Querulus*» — «Ворчун». Один из ее персонажей просит домашнего лара * «даровать ему силу побивать и грабить всех чужих». Лар отвечает: «Ступай жить на Луару»¹⁷³ — туда, объясняет он, «где живут по природным законам» и «где все дозволено». Бьюсь об заклад, что создатель «Ворчуна» имел в виду багаудов.

Недавно Пьер Докес в своей книге¹⁷⁴ выступил в защиту восставших и возвеличил их роль. «Багауды хоть и были уничтожены поголовно, но вопреки всему оказались победителями» — таково его смелое суждение. Их упорство, считает Докес, подтолкнуло рабовладельческий режим принять не столь жесткую систему рабства, систему, без сомнения, более благоприятную для человека, ибо серв, в отличие от раба, имеет дом, семью, поле, а социальное принуждение перешло с его собственных плеч на его земельный участок. Серв свободнее раба, и производительность его труда выше. Однако с концом Римской Галлии перемены эти были еще далеки от завершения; для этого придется подождать по крайней мере до Каролингов, да и тогда они не будут бесповоротными. И произойдут они под воздействием множества экономических, политических, социальных факторов, не вполне укладывающихся в упрощенную логику этого объяснения в марксистском духе. Так, я думаю, что определенную свободу деревне позволил завоевать ярко выраженный упадок городов. Судя по всему, во времена Каролингов число свободных крестьян было еще очень велико, хотя с тех пор этот вид мелкого земельного владения «резко сокращался»¹⁷⁵.

Впрочем, в данный момент жакерия багаудов интересует меня не с этой общей точки зрения: я лишь хочу показать, насколько крестьянский мир в Галлии был взбудоражен и ослаблен подобными волнениями. Варварские набеги сотрясают и раздирают общество, отнюдь не отличающееся крепким здоровьем.

Также можно было бы задаться вопросом, не стали ли трудности и беды III века причиной того, что в Галлию, как свет надежды, начало проникать христианство. Скорее всего ответ будет отрицательным. Первые христианские общины возникают в некоторых городах — Марселе, Лионе, Отене — около 170-х годов. Но даже в эпоху лионских мучеников, в 177 году, это были еще крохотные группки, объединявшие в основном греков или выходцев с Востока, говорящих по-гречески. Только в конце IV века — много позже Миланского эдикта (313), которым, как известно, в Империи провозглашалась абсолютная свобо-

* Лар — бог домашнего очага у римлян (примеч. ред.).

да вероисповедания — христианство начнет приобретать в Галлии некоторое влияние, но народные массы еще очень не скоро откроют ему свое сердце.

И все же не следует забывать о нашествиях варваров. В недавнем прошлом историки винили в распаде Империи и Галлии исключительно варваров. В своих объяснениях они наперебой расписывали их подвиги и деяния — от «великого» нашествия Радагайса (406) до того момента, когда в Галлии обосновались вестготы (412) и бургунды (443). В еще большей степени поворотным моментом стала победа римлян и их «варварских» союзников в решающей битве на Каталаунских полях (451) — победа над Аттілой с его ордами всадников-монголов, которые вышли из самого центра Азии и гнали перед собой на запад народы Центральной Европы и Германии. Явной, смертельной опасности удалось избежать. Так неужели эта череда нашествий не имела решающего значения в истории Галлии? Правы ли мы, историки, уделяя ей сегодня меньше внимания, чем уделяли вчера? И да и нет.

Самый первый аргумент в пользу того, что роль варварских нашествий была ничтожной, — немногочисленность захватчиков. Свидетельства тому были представлены уже давно, в 1900 году, в ставшей классической книге Ганса Дельбрюка¹⁷⁶.

Франков было, возможно, примерно 80 000 человек, бургундов — 100 000, вандалов — 20 000 (когда они пересекали Гибралтарский пролив, их было примерно 80 000), и остальных не больше. Столкнувшись с населением, достигающим многих миллионов человек, они не могли не подпасть под действие закона численности. Анри Пиренн любил повторять¹⁷⁷, что варвары варваризировали Империю, но утонули в массе ее населения, утратив свой язык и переняв латынь и романские языки, утратив свою религию и переняв христианство.

Но кто только не поносил в более или менее сильных выражениях этих, как пишет Люсьен Ромье¹⁷⁸, «обжорливых, громогласных, дурно пахнущих проходимцев»! Для одного знаменитого историка франки — это «рассадник всех пороков, средоточие разврата, предательства, жестокости»¹⁷⁹. Можно подумать, что история Восточно-Римской империи сплошь состояла из добродетели, милосердия и верности! Теперь на смену прежнему образу свирепых воинов, обрушившихся на Западную Европу, приходит образ «людей, в изумлении взирающих на то, как обваливаются стены Империи, в ворота которой они до сих пор стучались и входили на цыпочках»¹⁸⁰ (*limes* для германцев была

Teufelmauer, стеной дьявола). Что же до их вождей, то уже Франсуа Гизо, ставший в этой области предтечей современных историков, описывал, как они «упорно рядились в какие-нибудь римские обноски, подобно негритянскому царьку, что облачается в европейский мундир»¹⁸¹.

Вполне ли все это разумно? Быть может, отказавшись от одного преувеличения, мы впали в другое? Робер Фосье¹⁸², если не ошибаюсь, первым дал взвешенную характеристику всем затронутым завоеванием народам — и тем, кто вступал в Галлию, и тем, кто охотно или совсем неохотно встречал пришельцев. Нам остается повторить его соображения.

Прежде всего о численности захватчиков. Те, кто подчеркивает количественную незначительность этих движущихся на запад народов, правы. Однако, вне зависимости от любых «нашествий», на территории всей Галлии постоянно жили люди с примесью «варварской» крови. Считается даже, что в целом их было около миллиона. Это не имело бы большого значения, если бы население Римской Галлии составляло от 20 до 30 миллионов человек, как утверждают некоторые, но я в это не верю. Естественно, если мы примем цифру в 10 миллионов, то соотношение будет иным. П. Дюфурне¹⁸³, однако, полагает, что в Савоие бургундская оккупация была численно столь ничтожной, что не оказала на местных жителей никакого влияния: обосновавшиеся там галло-римляне, заключает он, по всей вероятности, сталкивались с бургундами не чаще, чем французские крестьяне в последнюю войну — с немцами. Точно так же в Провансе, в Лангедоке напряженность была гораздо слабее, чем к северу от Лиона, на западе Центрального Массива или в Парижском бассейне¹⁸⁴.

Но пусть даже варваров было явное меньшинство, дело не в этом: нередко именно меньшинства выступают дрожжами общества, изменяют его оболочку, его поверхность. Тем более что процесс проникновения варварских народов из-за Рейна начался очень рано. Осуществлялось оно тысячами способов, посредством римской армии, и шло веками: *limes* по Рейну выступала щитом, но одновременно и фильтром, давая возможность безопасно вербовать солдат и рабочую силу. Рабы-варвары трудились у крупных землевладельцев, варвары-солдаты, прибывшие в Галлию с тем, что мы бы назвали видом на жительство, смешивались с местным населением; так или иначе, они, «растворяясь мелкими группками в массе крестьян... способствовали зарождению аграрного и в то же время военизированного общества высокого Средневековья»; без учета «этого медленного, длительного проникновения военного начала в низшие слои общества»¹⁸⁵ возникновение такого сочетания плохо подда-

ется объяснению. Варвары повсеместно изменяют сельский ландшафт, ибо разрушение и поджоги *villae* оборачивались появлением разбросанных там и сям деревень и деревушек, в которых отразился способ ведения хозяйства у древнего населения Германии. Развивается и скотоводство, во многом преобразая весь облик сельскохозяйственных работ. Наконец, что ни говори, но эти захватчики-германцы — уже не те, какими они были во времена Тацита. И сами по себе, и благодаря контактам с материальной культурой римлян они несомненно продвинулись вперед. Случается, что германцы служат в римской армии в качестве офицеров как в легионах, так и во вспомогательных войсках, и в силу этого получают высокое звание римских граждан. Короче, крестьянство и аристократия, находящиеся в целом на одном уровне, смешиваются между собой — на сей раз не через завоевательные походы и грабежи, но мирно, без исторических катаклизмов, в рамках процессов взаимопроникновения народов.

Я отнюдь не сторонник теории Огюстена Тьерри — что франки были предками дворян эпохи Старого Режима, а галлы — предками сервов и пролетариев: для сегодняшнего историка она неприемлема; однако замечу, что франкская знать пополнила ряды (более многочисленные, нежели ее собственные) местной галло-римской знати, которая сохраняет свое положение, поскольку «сотрудничает» с захватчиками и, кроме того, находит для себя убежище в высшей церковной иерархии. На мой взгляд, решающее значение здесь имеет тот факт, что франкская аристократия упрочила и закрепила ту структуру общества, которая, пережив все потрясения и перемены, сохранится с необходимыми трансформациями по крайней мере до конца Старого порядка, если не дольше.

Но все это не отменяет жестоких страданий, которые причиняли живому телу Галлии бесконечные набеги варваров, грабежи, убийства, насилия, пожары, налеты, передвижения войск, наконец, долговременное расселение завоевателей и расхищение ими ее богатств. В стране происходило безусловное, хоть и не поддающееся измерению, сокращение населения, экономика ее была глубоко расстроена. «Мы берем на себя смелость утверждать, — пишет один историк¹⁸⁶, — что жертвами этих нашествий стала четверть, а возможно, и треть всего населения, — конечно, принимая в расчет, что для некоторых регионов, особенно на севере и на востоке страны, без преувеличения можно предположить потерю более половины населения, учитывая голод и череду эпидемий», а также «шныряющие по всей Галлии банды оборванцев».

Города терпят огромные лишения и очень рано замыкаются каждый в себе. На своей территории горожане возводят неприступные укрепле-

ния, где можно укрыться от врага. На возведение стен этих случайных построек идут камни городских памятников. Что отнюдь не мешает городам сдаваться, если их долго или внезапно осаждают варвары: предательство, страх, голод, нехватка воды заставляют их прекратить сопротивление. Император Юлиан (361—363), который за время своего короткого пребывания в Галлии успел полюбить Лютетию, писал афинянам: «Количество [галльских] городов, чьи стены были разрушены, достигает приблизительно сорока пяти»¹⁸⁷.

Конечно, некоторые районы избежали этой участи: на юге «не происходило ничего похожего на то, что делалось к северу от Лиона или в западной части Центрального Массива»¹⁸⁸. По свидетельству Авзония, в Тулузе в IV веке «жизнь продолжается... не зная перерыва в своем течении, та же, что в предыдущие века»¹⁸⁹. Но в целом наблюдается упадок городов — их пространства теперь покрываются полями и садами. Они превращаются (или снова возвращаются к этому состоянию) в селения с узкими улочками и рядами низких, крытых соломой домов. Крупные землевладельцы покинули их и переехали на свои *villae*, чтобы защитить их и защититься самим, жить поближе к их осязаемым благам и подальше от слишком тяжелых городских налогов. Города, лишившись некогда мощных рынков, прозябают и чахнут, что может приводить их к автаркии (об этом пишет Александр Рюстов¹⁹⁰), к тому, что пропитание туда поставляется только из ближайшей округи, с окрестных полей. Лионские водоводы оказываются перерезаны, и город постепенно меняет свое местоположение. Сельская местность также становится безлюдной. *Villae* зачастую находят трагический конец — археология приводит тому бесчисленные свидетельства. Ширятся и ширятся *agri deserti**. Однако, что бы кто ни говорил, несмотря на размеры бедствия, конец античного мира «не повлек за собой *ipso facto*** окончательной гибели городов»¹⁹¹; они не превратились в одночасье в «трупы городов», как красиво, но слишком сильно выразился святой Антоний. В некоторых из них устроят свой *palatium**** варварские короли. Их уровень торговых связей и цивилизации все равно будет выше, чем у окружающих местностей. Можно даже удивляться тому упорству, с каким Римская Галлия сопротивлялась долгому и страшному гнету обстоятельств, толкавшему ее к упадку и гибели. Потому ли она сопротивлялась, что, как я полагаю, изначально обладала достаточ-

* Брошенные поля (лат.).

** Сам по себе (лат.).

*** Дворец (лат.).

но высоким уровнем благосостояния, достаточно крепким здоровьем? Или потому, что на протяжении длительного периода гнет обстоятельств иногда ослабевал? Или потому, что Империя — сложно устроенный механизм, и упадок ее хоть и очевиден, но растягивается надолго?

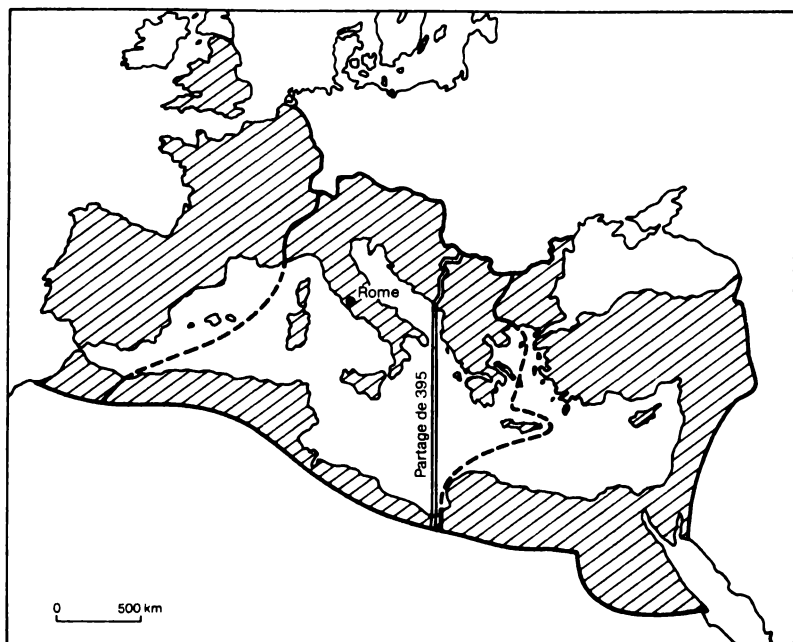
Рим как мир-экономика. На первый взгляд кажется очевидным, что судьбу Галлии предопределил упадок Римской империи; но, по сути дела, проблема эта не ясна, и далеко не ясна! К тому же ни один серьезный историк не считает себя достаточно компетентным, чтобы разрешить ее однозначно. Так что всякий здравомыслящий ученый высказывается по этому поводу с разумными оговорками; среди прочего я имею в виду обстоятельное заключение прекрасной книги Мари-Бернадет Брюгьер: попытку примирить все точки зрения ¹⁹².

Однако если мы хотим немного прояснить этот вопрос, то нам придется сначала выдвинуть несколько гипотез — если не беспорных, то во всяком случае правдоподобных.

Распад Империи нужно проследить одновременно в плане политическом, экономическом, социальном и культурном. Мы должны допустить, что шел он медленно, что рассматривать его надо в рамках длительной временной протяженности, а также что он был фрагментарным, иначе говоря, осуществлялся через цепь последовательных дифференцированных распадов.

Первая слабость Империи — политическая: слабость государства, его институтов, его армии. В принципе их крах обозначило запоздалое падение Западной Римской империи: в 476 году Одоакр, вождь герулов, низложил в Равенне Ромула Августула и отослал императорские знаки отличия в Константинополь. Сам этот факт — не более чем случайное происшествие, запоздавшая официальная фиксация положения дел, которое сложилось уже давно. Как писал Фюстель де Куланж: «Римская империя умерла, но об этом никто не знал» ¹⁹³.

Однако Империя — это еще и экономическая реальность, это транспортные поверхности, прежде всего воды Средиземного моря, связи, соединяющие его побережья, идущие через граничащие с ним земли и простирающиеся во всех направлениях. Пространство, над которым господствует и которому дает жизнь Рим, — это мир-экономика, некая целостность, обнимающая собой обширный участок планеты. И эта целостность, от которой зависит Галлия, сохранится по крайней мере до VIII, если не до IX века, то есть вплоть до Карла Великого. Рим надолго переживет сам себя.

РИМСКИЙ МИР-ЭКОНОМИКА

Раздел Римской империи на Восточную и Западную, происшедший в 395 г., не нарушил единства римского мира-экономики; он простирается и за пределы Империи — в направлении Дуная, а также Красного моря и Индийского океана.

Большая заслуга в прояснении этого вопроса принадлежит Анри Пиренну: он — прежде всего в книге «Магомет и Карл Великий» (1937) — обратил внимание на ту роль, которую сыграла данная мир-экономика, угадал ее внутренние ритмы, ввел политэкономическое измерение в изучение этих смутных веков, зажатых между варварскими нашествиями V века и нашествиями мусульман в VII, VIII и IX веках. Но кому неизвестны идеи Анри Пиренна? Полвека назад они приводили историков в восхищение: он полагал, что исламские завоевания означали прежде всего захват, аннексию Средиземного моря неверными, которые закрыли его для кораблей христиан, тем самым сразу закрепив неминуемый крах Западной империи.

Если читатель потерпит немного, он поймет, в чем идея Пиренна мне близка, а в чем я не могу с ней согласиться. Сегодня идею эту подвергают сомнению; но, по правде говоря, критические выпады и оговорки вчерашних противников Пиренна — Марка Блока ¹⁹⁴, Этьенна Сабба ¹⁹⁵ и Франсуа-Луи Гансхофа ¹⁹⁶, — разгромивших, как они полагали, его «теорию», доказывают только то, что на протяжении этих кризисных веков Внутреннее море не было закрыто целиком и полностью, что продолжался даже торговый обмен между Галлией и Левантом. Однако они не дают ясного ответа на вопрос, замедлилось ли — и если да, то когда именно, — активное передвижение по Средиземному морю.

Замедление же это не подлежит сомнению — вот что, на мой взгляд, главное.

В самом деле, мы имеем дело с постепенным, многовековым регрессом, и именно в нем основная причина нарастающего опустошения Римской империи и ее краха. Я не оправдываю варваров, но не стал бы возлагать всю ответственность ни на них, ни на людей, которые стояли во главе Империи, — да, людей по большей части заурядных, но иногда и удивительных, гениальных (как Диоклетиан, Константин), — ни на военачальников, таких как Стилихон (359—408) или Аэций (390—454), с невероятной, поразительной стойкостью защищавших целостность Галлии. Всем им, как лучшим, так и худшим, не суждено было добиться полного успеха.

Если в *общих чертах* принять за отправную точку, за пик расцвета Римской Галлии, 150 год, а за низшую точку в развитии каролингской эпохи — год 950-й, то я считаю себя вправе, хоть и сознаю, что подобная операция есть чрезмерное упрощение, провести от 150 года к 950-му прямую нисходящую линию, не слишком удивляясь, что она тем самым растягивается без перерыва на восемь столетий — безусловно, самых темных в истории Франции и Запада в целом.

Я не хочу сказать, что эта линия в точности воспроизводит некий постепенный, протекающий в неизменном ритме упадок на экономическом пространстве Галлии и, шире, мира-экономики, который был основой жизни в Римской империи — той основой, которая худо-бедно, но сохранялась в течение долгого времени, невзирая на все бесчисленные превратности истории. Больше того, в линии этой я усматриваю только общую тенденцию, относительно которой предмет нашего изучения, галльская экономика, будет колебаться, то поднимаясь вверх, то скатываясь еще ниже — ее собственные подъемы и спады то скрашивали, то усугубляли воздействие общей депрессии. Так, я верю (хоть, как мы

увидим, и без достаточных на то оснований) в возможность улучшений в период начиная с правления Хлодвига (умер в 511 г.) и кончая царствованием Дагобера (умер в 639 г.), а затем в эпоху возрастания мощи Каролингов, между концом VII и серединой IX веков, — естественно, с ухудшением в промежутках между этими передышками. Схема эта наводит на ряд размышлений, многое проясняет и во многих отношениях правдоподобна.

В любом случае, не считая этих просветов — если они вообще были, — мы имеем дело с длительным, продолжающимся, по-видимому, примерно до 950 года, откатом назад. И в этом я сближаюсь с идеями Анри Пиренна, которые для меня хотя и неприемлемы, но по-прежнему сохраняют значение стимула в работе.

В отличие от него я не отношу все на счет мусульманских завоеваний, в результате которых начиная с VII века в руках ислама оказывается торговое пространство на всей протяженности Внутреннего моря, — особенно после захвата Сицилии, занимавшей ключевую позицию в морских связях между Востоком и Западом (первое вторжение на остров произошло в 827 году, в 831-м был занят Палермо, в 878-м — Сиракузы). Эти наслаивающиеся одно на другое завоевания — в 634 году мусульмане заняли Сирию, в 636-м Египет, в 650—700-м Магриб, в 711-м Испанию и, наконец, Сицилию — не привели к тому, что Средиземное море попросту и целиком оказалось закрыто для христианских кораблей. Гораздо позже Ибн Хальдун (1332—1406) напишет, что в те далекие времена христианин не мог спустить и доски на средиземноморские воды. Но его запоздалое свидетельство во славу прежних подвигов ислама весьма походит на бахвальство. Что стали бы делать мусульмане с завоеванным морем, если бы не воспользовались достижениями христианских стран? На самом деле они не могли без них обойтись.

Предмет этого спора становится яснее в свете работ Элиаса Эштора¹⁹⁷, в основе которых лежат вновь открытые документы на арабском языке. Когда мусульмане завладели Средиземным морем, активная деятельность на нем уже завершилась, море было полупустым, мертвым для *всех* обитателей его побережья. Таким образом, роль *deus ex machina* * приняло на себя не «закрытие» Средиземного моря, но общее ухудшение экономического климата. Лишь в IX—X веках длительная конъюнктура сложится иначе и активная деятельность на Средиземном море возродится — благодаря *всем* пограничным с ним странам и в пользу их *всех*, равно как латинян и греков, так и мусульман.

* Бог из машины (*лат.*); в переносном смысле развязка с помощью чуда.

Примерно в 970—985 годах начинается приток мусульманского золота в Барселону¹⁹⁸. Конечно, не само появление золота меняет экономическую атмосферу. Оно — лишь признак того, что длительная вековая тенденция (*trend*) изменила свое направление, растет отныне вверх и вскоре даст мощный подъем всей жизни в Средиземноморье и в Европе.

Остается объяснить эту многовековую конъюнктуру, к которой мы прибегаем всякий раз, когда какой-либо процесс с трудом поддается объяснению¹⁹⁹. Но это уже задача *всеобщей* истории — когда мы такой историей будем располагать (если она вообще сложится), как располагаем *всеобщей географией*. Загвоздка в том, что в гуманитарных науках, так же, как и в точных, обосновав, даже очень доказательно (что в нашем случае не так), одно явление, мы тотчас оказываемся перед необходимостью обосновать это обоснование, и так далее. Если мы говорим, что экономический спад Высокого Средневековья — это лишь постепенное ухудшение мира-экономики, на котором основывалось материальное благополучие Рима, то мы тем самым допускаем, что Рим как мир-экономика, как *экономическая* реальность, надолго пережил политический крах Империи. Пережитки — проблема огромная! Рим сохраняется не только в виде экономического уклада, и в конечном счете не только этот уклад поразителен. От римского общества осталась иерархия, не менявшаяся еще много столетий, и адская система рабовладения. Надо ли говорить о римской культуре, о той латинской традиции, что дошла до наших дней? До сих пор вся Европа и Франция, географический центр Европы, не могут освободиться от влияния римского наследия.

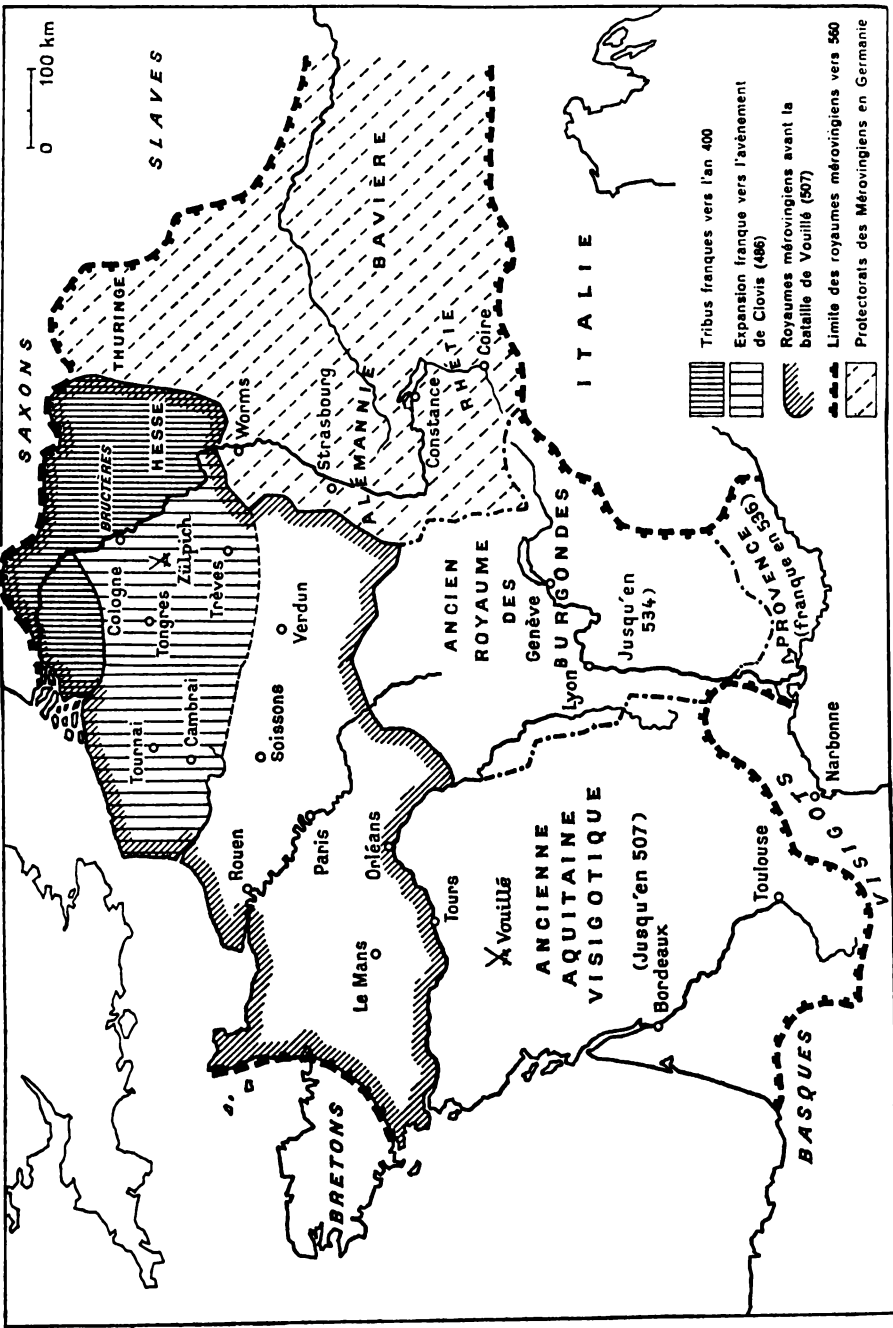
Закljučая этот раздел, весьма рискованный по замыслу, я не могу удержаться от соблазна предложить вниманию читателя одну недавно выдвинутую теорию, которую нахожу блестящей постольку, поскольку она, даже если верна только наполовину, ставит заново все поднятые нами проблемы сразу. Агроном и историк Франсуа Сиго полагает, что причиной благополучия и подъема Рима стали завоевательные войны, которые позволили ему повсюду распространить свои *latifundia* и рабский труд. Рабовладение, по его мнению, было двигателем с постепенно снижающейся мощностью, который действовал на большой временной протяженности, подобно взрыву большой силы. Когда завоевательная активность снизилась, рабовладельческую систему охватил кризис, длившийся чрезвычайно долго. Если предположить, что эта теория верна, становится гораздо проще объяснить экономические проблемы Рима, определить место обменов, торговли, банковского дела, купцов в рамках

общественной системы, которая долго сохраняет свою дееспособность и распадается вместе с медленным упадком Римской империи. Возможно, новый подъем связан с переходом к крепостничеству? Здесь есть что обсудить.

Меровингская Галлия. Меровингская Галлия, довольно неожиданно возникшая после побед Хлодвига над Сиагрием при Суассоне в 486 году, над алеманнами при Толбиаке в 496-м и над вестготами при Вуйе в 507-м, в конечном счете начинает свое развитие не с нуля. За бурные века, предшествовавшие ее появлению, несмотря на очевидный откат назад, все же не был перейден тот нижний предел плотности населения, за которым жизнь скорее всего оказалась бы уже невозможной. В это время, в конце V века, численность населения в Галлии достигала, возможно, 5-6 миллионов человек, то есть, с учетом размеров Римской Галлии, на квадратный километр приходилось чуть меньше 10 жителей или около того. Если бы население после завоеваний упало до 3 миллионов человек, как полагает Рассел, то как бы оно смогло перенести удары, еще поджидавшие его в будущем, в частности, ужасную эпидемию бубонной чумы, что пришла с Востока и раз за разом поражала Галлию на протяжении всей второй половины VI века, вернувшись снова в конце VII? ²⁰⁰

Конечно, плотность населения снизилась, и снизилась так резко, что этим можно объяснить сравнительную быстроту и легкость франкского завоевания. С другой стороны, завоевательный поход начался из областей, расположенных между Соммой и Рейном, то есть областей, где франки были сильно перемешаны с другими германскими народами и имели двойное преимущество: их по-прежнему вербовали из-за Рейна, и они, охраняя границу и пребывая в относительном согласии с Римом, заранее постепенно проникались галло-римской цивилизацией. Удачей для них стало обращение Хлодвига в христианство и его крещение святым Ремигием (возможно, на Рождество 496 г., но эта дата требует уточнения).

В то время как другие обосновавшиеся в Галлии варвары обратились в арианство, франки и Хлодвиг сделали выбор в пользу ортодоксальной религии, доминирующей в стране, и их правящая военная аристократия быстро сомкнулась с галло-римской гражданской и церковной верхушкой ²⁰¹. Таким образом, они сильно облегчили себе задачу — Галлия скорее всего сама помогла им одержать победу. Тем более что франкское завоевание, последнее из нашествий варваров, не

0 100 km

SAXONS

SLAVES

THURINGE

BAVIÈRE

STRASBOURG

ALAMANIE

CONSTANCE

COIRE

ITALIE

BRUCTÈRES

MESSE

WORMS

COLOGNE

TONGRES

ZULPICH

TRÈVES

VERDUN

ANCIEN ROYAUME DES BURGONDES

GENÈVE

LYON

JUSQU'EN 534

PROVENCE (FRANCHE EN 536)

TOURNAI

CAMBRAI

SOISSONS

VERDUN

ROUEN

PARIS

ORLÉANS

TOURS

VOUILLÉ

ANCIENNE AQUITAINE VISIGOTIQUE

(JUSQU'EN 507)

BORDEAUX

BRETONS

BASQUES

TOULOUSE

NARBONNE

Tribus franques vers l'an 400

Expansion franque vers l'avènement de Clovis (486)

Royaumes mérovingiens avant la bataille de Vouillé (507)

Limite des royaumes mérovingiens vers 560

Protectorats des Mérovingiens en Germanie

было для нее однозначной катастрофой нигде, даже на севере, где франки укоренились гораздо прочнее, чем к югу от Луары. В самом деле: ни Бургундия, ни Прованс, ни Центральный Массив, ни Аквитания, входившие, хоть и непостоянно, в состав *Regnum francorum*, не были сколько-нибудь сильно затронуты колонизацией.

Существовало, наконец, еще одно благоприятное обстоятельство: в германском направлении Меровинги завладеют Баварией и Тюрингией, так что Дагобер в письме к константинопольскому императору, написанном около 631 года ²⁰², будет утверждать, что владения его простираются от Атлантики до Дуная. Так или иначе, но в результате ворота Рейна оказываются заперты достаточно крепко — настолько крепко, что, несмотря на непрерывные ссоры принцев из королевской фамилии, несмотря на их неспособность возвыситься до понятия Государства или общественного блага (для них *Regnum francorum*, по германской традиции, — это частное владение, которое делят между собой наследники мужского пола), несмотря на все эти величайшие помехи и неспособность править страной сообща, обстоятельства складываются так, что страна обретает относительный мир, живет лучше, чем прежде, получает передышку. Снова текут по ней во всех направлениях товары и люди; сохраняется вся старинная городская сеть Римской Галлии — города и маленькие городки (*vici*), деревни, *villae*. Похоже, что количество *vici* на перекрестках дорог и торговых путей даже увеличивается. Рынки обеспечивают перетекание продуктов сельского хозяйства в города, городки, их циркуляцию вокруг крупных хозяйств и монастырей ²⁰³. Благодаря ярмаркам, например ярмарке в Сен-Дени, основанной Дагобером под Парижем в 627 году ²⁰⁴, оживляются и вновь завязываются торговые связи. Наконец, поступают в обращение деньги: королевские и частные ремесленные мастерские чеканят золотые су. Впрочем, так поступают все варвары на Западе — вандалы, бургунды, остготы в Италии, вестготы в Испании: на своих монетах они даже воспроизводят изображение византийских императоров.

ЭКСПАНСИЯ ФРАНКОВ

(По книге: Musset L. *les Invasions, les vagues germaniques*).

Условные обозначения в правом нижнем углу карты (сверху вниз): Франкские племена к 400 г. Экспансия франков к началу царствования Хлодвига (486 г.). Меровингские королевства перед битвой при Вуйе (507 г.). Границы меровингских королевств к 560 г. Меровингские протектораты в Германии.

Вот, если необходимо, доказательство того, что средиземноморская экономика не погибла окончательно. К тому же Марсель, Нарбонн и даже Бордо по-прежнему связаны с Левантом, откуда продолжают поступать перец, пряности, папирус, наркотики, а также шелка и даже византийские золотые монеты. Недавняя находка в бухте Фос позволила восстановить облик снаряженного на Восток корабля с грузом зерна навалом, смолы в амфорах, штампованной керамики...²⁰⁵ Точно так же пиренейский мрамор переправляется не только в Северную Галлию, где из него возводят церкви, но и в направлении Испании и Константинополя. Наконец, в городах и на торговых путях можно встретить *Syri*, сирийских и еврейских торговцев, говорящих по-гречески,— они играют важную роль в крупных торговых операциях. Именно они поставляют государям дорогие ткани, пряности, наркотические вещества, именно они скупают золотые слитки и рабов. Во время вступления короля Гонтрана в Орлеан в 585 году его встречала колония сирийских купцов, которые приветствовали его на своем наречии. Конечно, Орлеан есть Орлеан: он, как и Париж, ставший в 502 году столицей,— сердце Галлии. Но сирийские торговцы в 589 году живут и в Нарбонне²⁰⁶.

Таким образом, мы вправе здесь говорить об экономике, открытой вовне, для которой средиземноморские торговые пути оставались по-прежнему притягательными. Однако в результате и внутренней, и внешней эволюции на все это накладываются иные импульсы, влекущие экономику на север.

Меровингская Галлия изначально оказалась разбита на куски, поделена между сыновьями государей, однако зачастую эти разделы отвечали реальному, хоть и сложившемуся подспудно, положению вещей. Так, еще глубже прочерчивается основополагающая линия, что идет вдоль Луары, вернее, вдоль прилегающих к Луаре областей,— нечто вроде довольно широкой пограничной зоны. Этот очень давний стык (Робер Спеклен в своем историко-географическом исследовании рисует его как внутреннюю *limes*) как никогда резко делит пространство Франции надвое (см. книгу первую, с. 78). Что было правдой на севере, к югу от Луары оборачивалось ложью. Вплоть до середины VIII века франки будут называть аквитанцев «*Romani*»²⁰⁷. И это еще не все. На севере, если смотреть с востока на запад, постепенно выделяется Австризия (несколько преувеличивая, ее можно определить как форпост Германии), Нейстрия, в основном совпадающая с Парижским бассейном, и, наконец, Арморика, наша Бретань, которая в VI—VII веках становится колонией кельтов, пришедших из Англии, в частности из Уэльса. Здесь мы имеем дело с настоящим нашествием, в результате которого

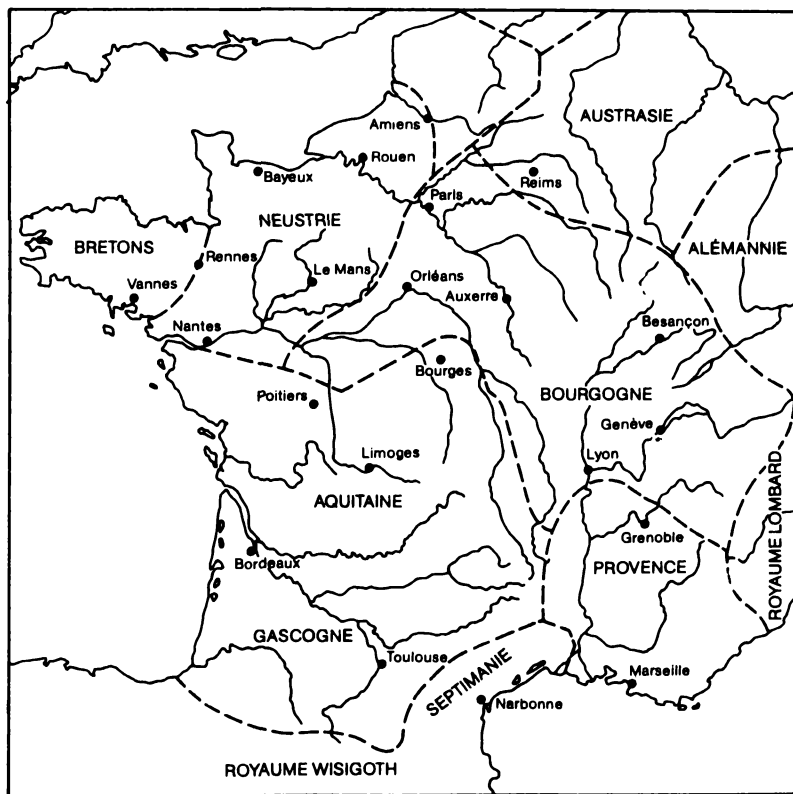
происходит, если можно так выразиться, рекельтизация, языковая, этническая и религиозная, полуострова Бретань: отныне у Меровингов на западе образуется граница, которую как никогда трудно изменить и необходимо постоянно охранять и защищать. На юге вычленяются четыре области: Бургундия, Прованс, Септимания, захваченная испанскими вестготами, и Аквитания. Эта последняя вместе с Бургундией, которой зависимость от Меровингов грозила особенно сильно, весьма бдительно и любой ценой блюдет свою автономию, дабы остаться в стороне от бурных исторических событий, которые, к счастью для них, разворачиваются по большей части на севере.

Однако я не стану подробно останавливаться на всех этих братоубийственных расправах или яростных ссорах Фредегунды и Брунгильды, двух ожесточенно воюющих между собой королей, — первая правила Нейстрией, вторая (особа, по-видимому, весьма высокого происхождения) — Австразией. Для нас в данном случае важно, что поначалу этот беспокойный север был наименее развитой, самой варварской, нецивилизованной частью Галлии, — настолько, что Нейстрия и Австразия постоянно вербовали образованных людей и священников на юге. И тем не менее в конечном счете именно север будет задавать тон стране в целом.

Действительно, Галлия под воздействием какого-то медленного, но мощного колебательного движения, начало которого трудно определить точно, постепенно склоняется к северу, оказываясь частично отрезанной от средиземноморских влияний. Правда, Средиземноморье и само приходит в упадок. В VII веке угасают Марсель и Арль, зато развиваются области в нижнем течении Мааса и Рейна (Нидерланды, «нижние земли»), благодаря чему оживляются торговые связи Атлантики с Англией, Северным морем, Скандинавией и Балтикой. Наглядное тому свидетельство — расцвет Квентовика в устье Канша на фоне угасающей Булони, равно как и распространение серебряных денег, характерных для северной торговли, которые мало-помалу вытесняют южные золотые монеты и в конечном счете выведут их из обращения совсем.

Обо всем этом прекрасно написано в статье Леопольда Женико (1947), до сих пор не утратившей своего значения ²⁰⁸.

Поскольку все в истории взаимосвязано, одновременно с экономическим прогрессом северных земель там отчетливо обозначается процесс христианизации, во множестве возводятся церкви, образуются епархии и закладываются аббатства. Достаточно вспомнить блистательное Люксейское аббатство, основанное в 590 году святым Коломбаном, а в 620 году принявшее бенедиктинский устав. Короче, «не будет

ГАЛЛИЯ В ЦАРСТВОВАНИЕ ДАГОБЕРА

(По книге: Duby G. Histoire de France).

излишней... смелостью утверждать, что в VII веке Северную Галлию пересекают сравнительно оживленные торговые потоки, а в VIII веке она становится наиболее живой в экономическом отношении частью»²⁰⁹ франкских королевств.

И все же не стоит чересчур идеализировать Меровингскую Галлию. Верно, города ожили вновь, внутри их крепостных стен возводятся церкви, а в пригородах вырастают монастыри,— но их размеры и активность по-прежнему скромны. Деревня все еще страдает от жестокой эксплуатации со стороны крупных землевладельцев. Но крупным вла-

днем хронически не хватает рабочей силы ²¹⁰, а это скрытый признак демографического упадка. Наконец, нам достоверно известно, что территорию страны покрывают обширнейшие леса, которые почти достигают Альп и тянутся через Юру и Вогезы вплоть до необъятных лесных просторов в Арденнах. Конечно, люди и их стада живут, помимо прочего, и за счет возделывания этих диких пространств, однако верно и то, что если лес отвоевывает назад землю, значит, крестьянин ее покидает. Историки вправе утверждать, что земледелие в целом по сравнению с галло-римской эпохой пришло в упадок, что перед нами — «прерывистые участки пахни» и «деревни-анклавы в чаще лесов. В пейзаже... надо всем господствуют деревья» ²¹¹. Галлия покрыта прорехами пустынных земель ²¹².

Таким образом, благоденствие Меровингской Галлии выглядит таковым лишь по сравнению с предшествующими ужасными веками. И не стоит безоговорочно принимать те оценки, которые даны ей Анри Пиренном: он возвеличивал Меровингскую Галлию, чтобы легче было принизить значение Галлии Каролингской, чей откат назад должен был служить свидетельством «закрытия» Средиземного моря и последовавшей из этого экономической разрухи. Среди аргументов Пиренна самый занятый (и не лишенный смысла) состоял в сравнении меровингского письма, курсива, с его налетом живости — конечно, начертание букв в нем не слишком красиво, но это именно беглое, живое письмо, — с письмом каролингским, размеренным, литым, замедленным, лишенным всякой динамики: «Первое предназначалось для управления и деловых бумаг, второе — для учения» ²¹³, для неспешного писания.

В действительности ни один историк не считает, что период относительной эйфории длился в Меровингской Галлии дольше середины VII века. После царствования Дагобера (629—639), который вследствие династических случайностей соберет под своей властью всю Галлию, положение осложняется, намечается, говоря словами Пьера Рише ²¹⁴, «все усиливающееся изменение конъюнктуры в худшую сторону». Период регресса будет продолжаться до конца VII столетия. Если нужна конкретная дата, то я бы остановился на дате битвы при Тертри (687), которая приносит победу Австразии и Пипинидам и фактически кладет конец правлению так называемых «ленивых королей» — назовем их для пущей справедливости «немошными королями», — последних представителей династии Меровингов ²¹⁵. Дата эта имела значение политическое, но я бы добавил к нему и значение экономическое, связанное с тем оживлением, пусть временным и относительным, которое наступило с появлением на исторической сцене Каролингов.

Итак, что было главным в двухвековом меровингском эпизоде нашей истории? Быть может, тот медленный, молчаливый процесс, в результате которого галло-римское и франкское общество слились воедино? Смешение двух этих обществ происходит «при дворе, в графствах и епископствах, в деревнях...»²¹⁶. Могилы на кладбищах уже ничем не отличаются друг от друга. Мало-помалу была достигнута та гомогенизация двух культур, двух народов, которая, бесспорно, способствовала общему прогрессу Галлии. Вторым великим событием этих столетий, в целом довольно тусклых, стало распространение христианства, которое хоть и с трудом, но проникает в толщу народных масс.

Любимая игра историков — определять, что было более важно, а что менее; мы, не колеблясь, отдаем монастырям, возникавшим в чаще лесов, предпочтение перед королевскими дворцами или виллами.

Империя Каролингов — а была ли она? Да простит мне читатель заголовок этого раздела; это, конечно, преувеличение, но я сейчас все объясню. Я хочу только сразу обозначить первую проблему, связанную с Каролингской Галлией, даже если проблема эта, с моей точки зрения, не является *единственной* и главной в ее судьбе.

В первом приближении Каролингская Галлия определяется через цепь исторических событий, которые традиционно считаются важными: в битве при Тертри в 687 году (победа Австразии) галлы упускают инициативу; в 732 или 733 году истинный основатель новой династии Каролингов, Карл Мартелл (родился около 688 г., умер в 741-м), на поле битвы при Пуатье обращает в бегство легкую кавалерию захватчиков-мусульман; в 751 году его сын Пипин Короткий избран королем и коронован; между 768 и 814 годами разворачивается блистательное царствование Карла Великого, сияние которого даже на таком расстоянии слепит нам глаза; разве не он под Рождество 800 года был коронован как император Западной Римской империи? Но вся слава, вся мощь Галлии, безусловно неподдельные, быстро улечиваются в бедственные годы правления Людовика Добродушного (814—840), сына Карла Великого; кто-то может его любить — подобно Мишле, которому угодно было видеть в нем некое раннее подобие Людовика Святого, — однако из-за его слабости, из-за его нелепого благочестия едва созданная империя, защищать и консолидировать которую было очень нелегко, получила не один страшный удар. Спор между его сыновьями за право наследования трона, еще не успев выплеснуться на поверхность, усилил развал и умножил непоправимые несчастья, которым, конечно, нисколько

ИМПЕРИЯ КАРОЛИНГОВ

Условные обозначения на карте:

Первая колонка (сверху вниз): Каролингское королевство в 768 г. Каролингская империя в 814 г.

Вторая колонка (сверху вниз): Местности, оккупированные в 768 г., но не прекратившие военных действий. Территории, выплачивающие дань, в 814 г.

Третья колонка (сверху вниз): Территории, завоеванные в 768—814 гг. Зона влияния Каролингов в 814 г.

не помог Верденский раздел (август 843 г.)²¹⁷. С другой стороны, вот уже лет двадцать как побережья и долины рек в империи страдали от разрушений, что причиняли им повторявшиеся из года в год набеги норманнов.

Империя тем не менее продолжала существовать — во всяком случае, императоры продолжали сменять друг друга. Так, Карл Лысый (838—877), не лишенный энергии и ума, в 875 году перешел Альпы и направился в Италию, чтобы в Риме обрести императорскую корону. На беду, погнавшись за тенью, он упустил настоящую добычу — «Францию»: в спешном порядке возвратившись через Альпы назад, он был вынужден в Керсийском капитулярии (877) сделать новые уступки высшим чинам своего королевства. Но ведь, читаем мы у Яна Дондта²¹⁸, он был рожден «в эпоху и в среде, где имперская утопия была еще сильна». Сильна настолько, что империя еще надолго переживет сама себя: как пишет Жак Мадоль²¹⁹, хотя «в реальности она... ушла в небытие, ее призрак не умрет и будет влачить тяжкое существование» вплоть до того момента, когда Оттон Великий завладеет Золотой короной (962) и станет основателем германской Священной Римской империи, которой суждено сохраниться до 1805 года. В 987 году, через двадцать пять лет после того, как императорские инсигнии * попали в Германию, королем Франции стал Гуго Капет, первый из династии Капетингов. Событие это, незначительное само по себе, оказалось начальным звеном очень долгой цепи, — а это определяющая черта *длительного события*²²⁰.

Важнейшим периодом в эти три столетия является, бесспорно, время, над которым господствует сильная личность Карла Великого, а самым впечатляющим творением последнего было, без сомнения, создание Западной Римской империи. Эрнст Курциус²²¹ приветствовал в лице Карла Великого «первого представителя современного мира»; однако, если пренебречь этим достаточно голословным суждением, в Карле Великом скорее можно увидеть человека из прошлого, наподобие Диоклетиана, который *mutatis mutandis* ** старался установить и восстановить на Западе мир и безопасность. Ныне историки не проявляют к Карлу снисхождения — но справедливо ли это? Именно такие негативные оценки я и имел в виду, когда задал вопрос «а была ли Каролингская империя». Попытаемся же по возможности разрешить этот спор.

* Знаки высшей власти у древнеримских царей (примеч. ред.).

** С соответствующими изменениями (лат.).

Каждому свое: первое слово получит Никола Йорга, ибо он в первый и последний раз без колебаний включился в полемику и не побоялся парадокса. На самом деле, пишет он, «этой Империи никогда не существовало, ни с территориальной, ни с административной точки зрения... города с их гарнизонами не должны вводить нас в заблуждение. Существовал император, а не империя; империя же без императора — вещь невозможная, в отличие от императора без империи»²²². Это, конечно, крайность, и даже более того. Но Никола Йорга не единственный, кто не желает обольщаться славными подвигами Каролингов. Для Пьера Боннасье империя Карла Великого — «анахронизм с момента своего рождения»²²³. Это еще пустяк. Робер Фосье идет дальше и пишет о «мертворожденном детище Каролингов», а по поводу заката империи замечает: «Римские обноски, залатанные Каролингами, превратились в лохмотья»²²⁴. Ян Дондт в своей книге — самой сильной из известных мне работ о западном Высоком Средневековье²²⁵ — чуть менее пессимистичен. Не нужно, пишет он, воображать себе «кобширную империю, однородную и целостную, жизнь которой протекает в безопасности и покое». Скорее, мы имеем дело с «некоей туманностью; у нее твердое ядро, но по мере приближения к расплывчатым границам власть в ней становится все более и более разреженной». При этом ее «со всех сторон обступают враги...».

Конечно, на империю Карла Великого, по всем ее побережьям и границам, обрушивается яростный прибой «варваров». Конечно, она неоднородна: ведь она составлена из разных кусков, из разных народов — одни хранят ей верность, другие же равнодушны или откровенно враждебны. Но разве Франция уже при Меровингах (как и во все времена) не объединяла в себе несхожие между собой народы? Да и Европа, которую цивилизация Каролингов стремится вовлечь в свои сети, всегда отличалась глубочайшим разнообразием. Основная проблема для Каролингской империи в том, что ее непрерывно сотрясают волнения и нападения то извне, то изнутри. Империя производит впечатление сравнительно сильного государства лишь между 800 и 840 годами, да и то не всегда; со смертью Карла Великого корабль терпит крушение. В целом, имея в виду лишь процесс становления и упадка империи, мы вправе вести речь о Каролингском эпизоде в нашей истории, который длился даже менее полувека.

Зарождение Европы; зарождение и становление феодализма. Однако надо ли ограничиваться рассмотрением только краткой политической

истории Франции? И можем ли мы в нескольких поспешных суждениях вынести ей приговор? Да, приведенные выше оценки попадают в точку, но до конца ли они справедливы? Так называемая Каролингская Франция прожила от битвы при Тертри (687) до избрания королем Гуго Капета (987) трехвековой отрезок своей истории; неужели за эти три столетия не произошло ничего значительного?

В действительности деятельность Каролингов лежит у истоков — или, если угодно, ею скреплено рождение — Христианского мира, с одной стороны, и Европы — с другой; тогда понятия эти были тождественны точно так же, как две в точности совпадающие геометрические фигуры.

Поворотным моментом, имеющим даже не основополагающее — символическое значение, станет здесь битва при Пуатье, своего рода электрический разряд. Пусть это будет преувеличением (и юному ученику-историку мы бы поставили его в упрек), и все же: разве не был это настоящий первый крестовый поход, настоящее, и сильно отозвавшееся потом, первое столкновение с исламом? Частично потесненные мусульманами в Средиземноморье, христианство распространяется на север и восток Европы; святой Бонифаций и войска Карла Великого *христианизировали* Германию, позволили ей войти в состав Европы. Во времена Меровингов Германия не была в такой степени придатком Галлии, еще не так сплелась с нею. И быть может, благодаря каролингским завоеваниям, *dilatatio regni* *, Галлия затерялась в не по росту широких одеждах — а в это время волк уже лез в овчарню. Так или иначе, она оказалась в кольце. С востока к ней подступал Третий мир. Но кто станет отрицать значение, которое имело это первое, пусть во многом несовершенное, сближение разных составных частей Европы?

Каролинги породили не только Европу: они породили феодализм, иначе говоря, разнообразие, разделение, раздробленность, щедрую *множественность* во всем. Действительно, со времен Меровингов государство, не имея наличных денег, вынуждено было расплачиваться за необходимые услуги с помощью такой тяжелой и неудобной монеты, как земля, то есть за счет земель, истари принадлежавших фиску ²²⁶, либо за счет обширных кусков королевского домена. Ошибка Меровингов состояла в том, что земли раздавались с правом наследования. Из-за этого они разорились сами. Однако будущие Каролинги, дабы упрочить свое положение, вскоре после битвы при Тертри ускорят эволюционный процесс, захватывая все в свои руки. Они, конечно, хватают через край:

* расширению королевства (*лат.*).

сменяют *графов*²²⁷, как мы префектов, наводняют своими ставленниками Церковь. Карл Мартелл по своему усмотрению распоряжается громадным церковным состоянием под тем предлогом, что нужно бороться против ислама, а то и вовсе без предлога. Конфискованные церковные блага затем даруются в виде бенефициев, причем бенефициарии становятся вассалами Церкви — жалкая компенсация для нее!

Три первых Каролинга — Карл Мартелл, Пипин Короткий и Карл Великий — люди, безусловно, незаурядные и энергичные; они без колебаний отбирали назад свои земли — отныне земля даруется лишь в пожизненное владение (или, как будут говорить позднее, в качестве «бенефиция»), не в наследственное. Графы, главные проводники королевской власти, находятся под контролем *missi dominici* *: при случае их перемещают из одного графства в другое, чтобы они не стали расширять свои личные владения и не укоренились на одном месте. Без колебаний отбираются назад и дарованные им ранее «конёры»²²⁸. Более того, Каролинги изобретают определенную модель социальной иерархии: верные подданные и вассалы дают клятву верности непосредственно государю. Зависимость эта распространяется на все слои, вплоть до свободных граждан, которые в обязательном порядке и за собственный счет должны были нести службу в королевских войсках; люди богатые выставляли легкую кавалерию, очень богатые — 2—3 тысячи конников в тяжелых доспехах, причем кони были экипированы седлом и стременами: эти новые приспособления «делают каролингскую армию самой грозной военной силой в Европе»²²⁹.

И все же это сооружение весьма шатко: оно целиком, от основания до вершины, строится на власти и авторитете государя. Со смертью Карла Великого оно покрывается трещинами. При Людовике Добродушном появляются первые признаки краха. После него дела идут еще хуже. Так, согласно Куленскому капитулярию 843 года, во «Франции» «король не может по своей прихоти, либо по злокозненному наущению, либо по несправедливой алчности отобрать назад бенефиции»²³⁰. Происходит возврат к опасной практике Меровингов, государи «обеими руками» раздают владения фиска и королевские земли; «к 880 году от них уже почти ничего не осталось»²³¹.

Но что пользы подробно и обстоятельно объяснять процесс распада государства, всем известный и так? Когда он завершится, наступит время феодализма. Немного терпения — скоро мы к этому процессу вернемся.

* Государевы посланцы (*лат.*).

Последние нашествия варваров. Это «эндогенное», идущее изнутри самого каролингского здания, ухудшение, по-видимому, в гораздо большей степени повинно в его крахе, который последовал в 840—850 годах, чем последние нашествия варваров — явления «экзогенные», которыми поражен в то время весь Запад и которые, на мой взгляд, выступают здесь не столько действующими причинами, сколько следствиями, признаками определенной конъюнктуры. Не стоит придавать слишком большого значения вторжениям норманнов, аваров, венгров, сарацинов...

В те времена сарацинами называли мусульман и арабов, в том числе обосновавшихся в Ифрикии, нынешнем Тунисе, который стал отправной точкой для завоевания Сицилии и набегов в направлении христианского побережья западного Средиземноморья. Для Италии сарацины были несравненно большим бедствием, нежели для Галлии. Не стоит преувеличивать злодеяния пиратов и авантюристов-сарацин, которые обосновались в Лагард-Фрейнё, на побережье Прованса, поблизости от пролива Сен-Тропез.

Авары и венгры были всадниками, выходцами из Центральной Азии. Первых в 779 году истребил Карл Великий, и бог с ними; вторые же еще долго совершали грабительские набеги вплоть до самого центра Франции, оставляя по себе страшную память. Благодаря блистательной победе, которую одержал над ними Оттон Великий 10 августа 955 года в битве при Лехфельде, они хоть и запоздало, но зато навсегда были отброшены в те края, которые и назвали своим именем — Венгрия.

По-настоящему страшную опасность для Европы и Франции представляли собой норманны. Передвигаясь на своих легких кораблях, они без помех наносили удары по плохо защищенным точкам на бесконечных побережьях Европы. По рекам они проникали безнаказанно и в глубину территории. Они разграбили Руан и Нант. В 885—887 годах они осадили Париж, который был спасен только благодаря мужественному сопротивлению Эда, *dux Francorum* *, сына Роберта Сильного, предка Капетингов. Они совершали вылазки в Бургундию; трижды они окружали, разрушали и жгли Клермон, в самом центре Оверни ²³² — грабители добрались туда по Луаре и Алье...

Но достаточно ли убедительно объясняют упадок Каролингской империи эти опустошительные вторжения? Сегодня историки склоняются к иному мнению; «точно так же,— пишет Поль Роллан,— мы не оставили камня на камне от легенды, что античный мир был «сломан» в

* Государь франков (лат.).

ходе варварских завоеваний V века»²³³. Такова точка зрения и Анн Ломбар-Журдан; она отмечает, что эти вылазки и опустошения «ни разу не прервали торговлю»²³⁴. Якоб ван Клаверен даже утверждает, что норманнские грабежи снова выпустили в обращение драгоценные металлы из церковных и монастырских сокровищниц и тем самым реанимировали западную экономику²³⁵. Впрочем, норманны накопили у себя драгоценные металлы еще до своих рейдов, благодаря обмену товарами на том пространстве, которое впоследствии станет Россией.

Эта идея смыкается с утверждением Мориса Ломбара²³⁶ о том, что мусульманские завоевания вновь пустили в оборот «сокровища» Ближнего Востока и придали новую силу и мощь экономике Средиземноморья. Однако стоит ли принимать всерьез подобную точку зрения? Ведь на самом деле ни золото, ни белый металл никогда не реанимируют экономику; наоборот, как раз возобновление роста и активности той или иной экономики притягивает к ней деньги и заставляет их обращаться. Здесь царит конъюнктура, которая при необходимости всякий раз создает или находит деньги, а после пользуется ими.

Экономика и население. Возвращаясь к долговременной конъюнктуре, мне бы хотелось взглянуть на Каролингскую Галлию под тем же углом зрения, под каким я попытался рассмотреть Галлию Меровингскую. На мой взгляд, она оказалась затронута длительным колебательным движением, которое поднимает и поддерживает ее с конца VII века примерно до 840—850 годов (даты огрубленные), а затем увлекает за собой вниз в 850—950 годы (даты снова *огрубленные*), причем спад, как всегда, протекает быстрее, чем подъем. В этом откате назад Мишель Руш распознает «целый ряд многообразных кризисов. Судя по всему, намечается новый цикл (слово его, но подчеркнуто мною) ухудшений во всех областях»²³⁷.

Конечно, в этой дискуссии обе стороны оперируют лишь гипотезами. Однако на сей раз в нашем распоряжении больше документов, чем когда речь шла о Меровингах. Ян Дондт как бы разминировал местность, и мы вступаем на нее без особого риска. Исходя из собранных им доказательств, мы придем примерно — хоть и не вполне — к тем же выводам, что и он сам.

Если сгруппировать все аргументы, они будут выглядеть так.

1. Прежде всего следует отказаться от того образа Каролингской Галлии, который зачастую насаждался в недавнем прошлом, — образа страны, в основе своей строящейся из малюсеньких территориальных

единиц, замкнутых в себе и зажатых среди «наступающих лесных массивов, коварных залежей, ландов, целинных земель»²³⁸, — короче, существующих под знаком полной самодостаточности. Достоверно известно, что каролингская администрация рекомендует управляющим королевскими виллами «следить, сколь возможно, за тем, чтобы не было нужды одалживать либо покупать что-либо на стороне»²³⁹. Но это не означает, что на виллах не производится излишков продукции, которые попадают на рынок. В действительности вся страна — города, крепости, маленькие городки и даже деревни — усеяна бесчисленными рынками, которые упоминаются во множестве документов²⁴⁰. Вот что написано в одной грамоте, относящейся к 864 году²⁴¹: *«Similiter per civitates et vicos atque per mercata, ministri reipublicæ provideant ne illi, qui panem coctum aut carnem... aut vinum... vendunt, adulterare aut minuere possint»* («Должно в городах и городках следить за крестьянами, что несут на рынок печеный хлеб, мясо или вино... должно помешать им обманывать покупателя»).

Но рассыпанные повсюду локальные рынки не отменяют дальних торговых связей, благодаря которым кипит жизнь в городах, на ярмарках и в портах; самые активные порты находятся на севере — от Квентовика на Канше до Дуурстедде во Фрисландии; иногда это как бы мерцающие порты: некоторые из них, возникнув в VIII веке, в X угаснут до такой степени, «что местоположение их установить нелегко»²⁴². Однако их явное процветание — признак того, что в экономике Галлии продолжается и проступает более отчетливо сдвиг (начавшийся в эпоху Меровингов) к северу, причем к торговле оказываются причастны и норманны, не всегда имеющие целью одни грабежи. Через Галлию осуществляются дальние перевозки зерна, соли, леса, предметов роскоши, включая пряности... Нужно раз и навсегда уяснить, что ни одна экономика, достигшая определенных размеров и объема, не может выжить в режиме *автаркии* — он для нее смертелен. Совершенно нелепо говорить о Каролингской Галлии так, словно она была неподвижной и состояла из маленьких, запертых на все замки территориальных единиц, в то время как ее наполняли странники, бродячие священники, монахи, которым пришлось в один прекрасный день удалиться из своих обедневших аббатств, непокорные сервы — ибо движение багаудов продолжалось, — паломники, солдаты, купцы. «Каролингское общество в буквальном смысле слова подвижно в основе своей»²⁴³.

Для полноты картины нужно добавить, что около 700 года золотые деньги исчезают, но на смену им приходят деньги серебряные, которых, как показал Дондт, имелось в обращении гораздо больше, чем мы могли

предположить до сих пор: денежную массу следует «считать на миллионы, а не исчислять ее десятком тысяч» монет²⁴⁴. Наконец, не забудем и о купцах: *Sugi*, конечно, больше не осталось, но евреи по-прежнему здесь — их активно действующие колонии можно встретить как в Арле или Ниме, так и в Майнце (центре торговли зерном) или Вердене, специализирующемся на торговле рабами — выходцами из славянских краев, которых затем вывозят в мусульманскую Испанию. Византийская империя для торговцев-евреев была более или менее закрыта, но они огибают ее, двигаются через Египет или Сирию и достигают даже Индии и Китая. Наряду с ними появляются и новые купцы — итальянцы, фрисландцы, скандинавы²⁴⁵. И надо ли удивляться, что в Париже после его осады 885—887 годов мы встречаем торговцев-норманнов?

2. Населенность Галлии при Карле Великом была *grosso modo* * такой же, как при Меровингах. Не исключено, что с VIII и до середины IX века население даже росло: на равнины спускаются иммигранты-горцы, документы свидетельствуют об усиленной распашке новых земель²⁴⁶, на юго-востоке страны появляются «мосарабы»²⁴⁷, покинувшие Испанию после ее внезапного завоевания мусульманами (711). Из полиптихов²⁴⁸ аббатств Сен-Жермен-де-Пре, Сен-Бертен, Сен-Реми явствует, что на землях безусловно плодородных плотность населения составляла 50 человек на квадратный километр. Безусловно и то, что сохраняются также зоны бедные, *saltus*, совершенно пустынные просторы.

Что касается численности населения, то умозаключения историков на сей счет основаны на разрозненных, но показательных документах. Я полагаю, что цифры, приведенные Дж. К. Расселом (5 миллионов человек в середине IX века)²⁴⁹, явно занижены и от них следует отказаться: конечно, если дороги оставались открыты для набегов захватчиков, значит, плотность населения была довольно низкой; однако и для того, чтобы обеспечивать все виды деятельности, какие мы, к сожалению, слишком бегло упомянули выше, тоже необходим определенный объем населения. Со всеми оговорками в империи Карла Великого (площадью 1 200 000 квадратных километров) проживало, быть может, от 15 до 18 миллионов человек, что для Галлии (в своих старых границах она занимала половину этого пространства) дает цифру в 7,5—9 миллионов. Именно эту цифру уже очень давно выдвигал Карл Юлиус Белох: он говорил, что население Галлии составляло чуть больше 8 миллионов человек — чуть меньше, чем в Римской Галлии на вершине ее процветания²⁵⁰.

* В общих чертах (*ит.*).

Одно мы знаем достоверно: по единодушному свидетельству сегодняшних историков, «после 840 и, по-видимому, вплоть до 950 года» произошла (и это самое главное) «остановка... демографического роста»²⁵¹, причиной которой стало резкое сокращение крестьянского мира, сильнее, чем когда-либо, оттесненного на положение сервов. Что было освобождением, улучшением жизни для рабов, то для свободных людей, которые в то время, видимо, еще составляли большинство в деревенском мире, стало невыносимым ухудшением положения.

3. Самый впечатляющий спор касается истории денежного обращения. Свои соображения по этому поводу Ян Довдт излагает в длинном пассаже, который я приведу в сокращенном виде и в переложении на современный язык, используя понятие «мир-экономика»²⁵² (наш учитель умер в 1957 г., и этот язык был ему незнаком). Не думаю, чтобы упрощение исказило суть его мысли.

Итак, представьте себе, что я рисую круг. Внутри я размещаю Византийскую империю, а также Сирию, Египет и Аравию. В IX веке это зона преобладания золотых монет. За пределами круга поместите Персию, Россию во времена варягов, Скандинавские страны, Каролингскую Галлию и, наконец, мусульманскую Испанию и Северную Африку — все те страны, где в обращении находятся серебряные монеты. Перечисление это свидетельствует о трех вещах:

- а) исламский мир не един, о чем мы часто забываем;
- б) внутри данного мира-экономики происходит распределение экономического могущества между двумя зонами — Византийской империей и исламским Востоком, близким к Средиземноморью, — между двумя взаимосвязанными экономическими универсумами: Византия, небогатая желтым металлом, находится в зависимости от исламского мира, владельца и производителя драгоценных металлов. Складывается ситуация, аналогичная той, которая позднее будет характерна для новой Европы, — когда Испания через Севилью и Кадис насыщала весь мир драгоценными металлами, вывезенными из Америки;
- в) в IX веке как для ислама, так и для Византии это соперничество, этот дуализм *в центре* мира-экономики был причиной внутренней слабости.

Разумеется, эта схема дает лишь общие очертания ситуации, для ясности в ней опущены многие известные факты и сведения. Так, я не указал, что ислам на самом деле биметаллический — здесь в ходу золотые динары и серебряные дирхемы; не упоминал я и тот факт, что в зоне преобладания золота серебро — белый металл — также находится в обращении, по крайней мере в виде слитков или даже мелкой

монеты; что с конца IX века Каролинги, чтобы прекратить набеги норманнов, платят им дань золотом; короче, что между золотом и серебром идет постоянная игра, причем соотношение между ними устанавливается в эту эпоху (и особенно позже) на уровне 12 единиц серебра за единицу золота при равном весе.

Со всеми этими оговорками я бы хотел избрать один, единый критерий, который, несмотря на огрубленность, кажется мне вполне приемлемым. Там, где в данном мире-экономике (то есть некоей целостности, объединяющей в себе отдельные взаимосвязанные и взаимодействующие экономики) в обращении преобладает золото, там находится и сердцевина, центр, доминирующая зона всего целого. Нас приводят в изумление вылазки варягов — тех же норманнов, — которые пересекали необъятные русские просторы, основав попутно столичный город Киев, и в конце концов достигли Черного моря, Константинополя и исламского мира. Но тот же путь проделывался и в обратном направлении.

Сохранившиеся в России и Скандинавии тысячи (более 200 000) мусульманских монет прочерчивают как бы «пунктир», намечая линию самой любопытной и едва ли не самой героической торговой связи тех далеких времен: она пересекает весь «русский перешеек» от Черного моря до Швеции. Монеты эти сохранились сотнями тысяч в первозданном виде потому, что в отличие от Запада²⁵³ в Скандинавских странах не было мастерских, где можно было бы их расплавить и перечековать заново.

Заметим, однако, что этот монетный «пунктир», о котором пишет Пиренн, составлен не из золотых монет: это серебро, которое мусульмане вывозят в эти еще первобытные регионы для своих закупок. Золото обозначает хозяев, белый металл есть признак окраинных, зависимых стран. Вам нужны доказательства? Как только Испания при Омейядах, бывшая чем-то вроде исламского Дикого Запада, обзаводится в X веке суданским золотым порошком и тем самым на длительный период переходит от серебра к золоту, она превращается в господствующую силу мусульманского мира. Еще более показательный пример: чеканка золота возобновляется на Западе (в 1250 г. в Генуе и на следующий год во Флоренции) как раз в тот самый драматический момент, когда христианский мир утверждает в своем материальном превосходстве над окружающим его миром-экономикой и становится его центром.

Вы уже догадались, к чему я веду. Каролингская Галлия выходит около 700 года из золотой зоны, с которой еще сохраняла связь Галлия

Меровингская, именно потому, что ее тогдашнее положение было маргинальным. Вдобавок за свое воссоединение с господствующими экономикой она расплачивалась экспортом пищевых продуктов, леса, рабов — не так ли? Эта особенность накладывает на нее неизгладимый отпечаток. Это особенность слаборазвитой страны, которая в глазах Византии или исламского мира, безусловно, не является цивилизованной.

Заметим, впрочем, что мусульманские золотые монеты не встречаются в Галлии после 870 года, что «несколько недавно обнаруженных арабских золотых монет были зарыты в землю около 840 года»²⁵⁴. Это хоть и слабый, но все же аргумент в пользу того, что в середине IX века «основная» тенденция в экономике переменяется. Ян Дондт обращает внимание на то, что в IX веке серебряный денье слегка «тяжелее» (а значит, должно происходить обесценение серебра), и в еще большей мере на тот факт, что чеканятся монеты достоинством в полденье и в четверть денье, но он, по-видимому, заблуждается, полагая, что подобная дробность чеканки приближает рыночную экономику к народному производству и потреблению. «В этом и только в этом,— пишет он,— заключается подлинная экономическая революция: крупная торговля, дальние экономические связи — все это, безусловно, важно, но в тысячу раз важнее включение в рыночный оборот миллионов потребителей и производителей. Именно это великое, необратимое по своим последствиям событие, эта великая экономическая революция превращает Каролингскую эпоху в отправную точку современной мировой экономики! Отныне крупные и мелкие производители продают, а крупные и мелкие потребители покупают»²⁵⁵.

Но разве не так же — в большей или меньшей степени — обстоит дело с тех самых пор, как существуют рынки вообще? Если бы и произошел тогда подобный прогресс, то он пришелся бы на период, когда экономическая «суперструктура» была дефицитна — что теоретически можно — и даже заманчиво — себе представить. В таком случае стала бы ощутима нехватка рабочей силы, и нам бы пришлось в своих рассуждениях, так сказать, заходить с другого бока. Тогда бедствия великой истории в основе своей обернулись бы если не благодатью Господней, то по крайней мере благополучием. Чтобы решить, так это или не так, нам нужно было бы знать скорость обращения денег, движение цен и множество других вещей, которые мы, боюсь, никогда не узнаем. Но то, что мы имеем возможность ставить подобные проблемы,— уже немало.

Инверсия циклов. Подведем итоги. Достигнув в 850 году своей вершины, очень долгий цикл стал неуклонно двигаться к концу. Его нисходящее движение продолжается вплоть до всеобщего возрождения, последовавшего за рубежом 1000 года. Конечно, этот новый цикл, о котором я осмеливаюсь заговорить, сам еще нуждается в объяснении. Около 1100 года, чуть раньше или чуть позже, погода в западной экономике изменится, и барометр долгие века будет показывать «ясно». Происходит инверсия, переворот. Однако всякий переворот, который утверждается надолго, вызывает множество вопросов относительно его причин и следствий. Я говорю «причин и следствий», ибо мы не можем отнести текущие процессы исключительно к той или иной из этих категорий.

Подъем, намечающийся около 1100 года, проходит под знаком обновления, общего оживления во всех сферах, упадка государства, распада общества, которое утратило свои структуры. Быть может, обновление это связано и с широким переходом от рабства к крепостничеству, серважу, которое в своем долгом развитии будет придавать новый заряд столь долго пребывавшей в немощи экономической жизни? Нововведение это стало стимулом для производства. Не будет лишним завершить главу этой гипотезой.

ГЛАВА ВТОРАЯ

НАСЕЛЕНИЕ С Х ВЕКА ДО НАШИХ ДНЕЙ

*Есть вещи, которые мы знаем,
и вещи, которые мы можем предположить.*

Ян Дондт ¹

Цель настоящей главы — охватить, объяснить по мере возможности историю нашей страны, которая разворачивалась на протяжении доброго десятка веков и продолжает разворачиваться поныне. Но хотя рассматривать период такой большой протяженности исключительно удобно, предприятие это невероятно трудное, и я отнюдь не уверен в успехе. И все-таки игра стоит свеч.

В этом нескончаемом развертывании сразу заметен крутой обрыв, а за ним — бездонная пропасть, которую Ги Буа называет «Хиросимой» ²: катастрофа, происшедшая с французским и европейским населением в 1350—1450 годах под влиянием трех факторов: голода, чумы и Столетней войны. Франции, как и всему Западу, потребовалось не меньше столетия (1450—1550), а то и все двести лет (1450—1650), чтобы зарубцевалась эта глубокая, зияющая рана: четверть, треть, половина, местами до семидесяти процентов населения было сметено с лица земли ³.

С тех пор много воды утекло, и тем не менее с 1450 года до наших дней не было ни одного бедствия, соизмеримого с этим небывалым опустошением. Все более поздние несчастья не идут с ним ни в какое сравнение; чтобы обрисовать ситуацию в общих чертах, скажем: 1450 год — разлом, равного которому, насколько нам известно, не было и нет во всей нашей истории.

Итак, рассматриваемое тысячелетие делится, резко и четко, на две приблизительно равные части. С 950 по 1450 год — долгий многовековой автономный «биологический» цикл, по нашему мнению, наиболее яркий цикл такого типа во всей нашей истории, с характерной асимметрией, которая в какой-то степени подтверждает его подлинность и в которой нет ничего удивительного: медленный подъем, с учетом различных

благоприятных обстоятельств, с 950 до 1350 года и *стремительный* (во всяком случае, сравнительно) спад, спуск вниз через две ступеньки ⁴, с 1350 под 1450 год: падение происходило примерно в четыре раза быстрее, чем подъем. Подобные асимметрии в порядке вещей: теряют всегда быстрее, чем приобретают.

И все же нескончаемая вторая часть, начавшаяся в 1450 году и продолжающаяся в наши дни, проходит под знаком неуклонного подъема, то более, то менее быстрого, то более, то менее равномерного, со своими рывками вперед и даже временными спадами, но при этом непрерывного и не знающего *подлинных* катастроф. Так что если многовековой цикл начался в 1450 году и продолжается, как я считаю, поныне, то мы живем в эпоху подъема, прогнозы же современных ученых-демографов (а они обещают, что к середине XXI века на земном шаре будет более десяти миллиардов людей) говорят о том, что этот подъем будет долгим: не похоже, чтобы надвигался демографический спад, который придал бы этому нескончаемому жизненному подъему характер цикличности, которым он пока не обладает,— о чем мы, разумеется, нимало не сожалеем, ибо в этом спаде не нуждаются ни ученые — творцы теоретических схем, ни простые люди. Теория обобщает события, но не диктует их.

Итак, на первый план выдвигается разительный контраст между пятью первыми и пятью последними веками обширного периода, который мы рассматриваем. Конечно, этот контраст не единственный, есть и другие. Мы можем извлечь из них уроки, исследовать их многочисленные грани, после чего нам останется объяснить — насколько возможно,— как действуют эти подспудные и в конечном счете решающие механизмы, которые нарушают ход истории и придают ей определенный смысл.

I

МНОГОВЕКОВОЙ ПОЧТИ ЗАМКНУТЫЙ ЦИКЛ, ИЛИ ПЕРВЫЙ ЭТАП НОВОГО ВРЕМЕНИ ВО ФРАНЦИИ И В ЕВРОПЕ (950—1450)

С X века до конца Столетней войны историки различают раннее Средневековье (германцы) и позднее Средневековье (французы). Я предпочитаю решительно говорить о первом этапе нового времени, которое ознаменовалось невиданным преобразованием Запада. Именно в эту эпоху появляется некая Франция, некая Европа. Этот *первый этап* нового времени отличается и от того, что ему предшествовало, и от того, что за ним последовало. Его истоки надо искать в Европе времен Каролингов, по сути дела еще не порвавшей с Римом, а результатом его явилось *собственно* новое время с его урбанизмом, капитализмом, укреплением королевской власти — которое наступило только после Столетней войны. Ибо первый этап нового времени, о котором мы ведем речь, оказался недолговечным: достигнутые успехи привели к резкому упадку.

X век, или Конец Рима. Итак, перед нами многовековой цикл, который мы рассматриваем во всей полноте и непрерывности. Во всей полноте, поскольку мы наблюдаем и его подъем, и его спад. Во всей непрерывности, потому что мы прослеживаем его эволюцию целиком, с середины X века до середины XV века. Время окончания этого периода не вызывает сомнений — он завершился около 1450 года. Зато о начале его можно говорить с меньшей уверенностью.

Конечно, очень заманчиво взять за точку отсчета круглую цифру и считать, что новый расцвет Европы начался с 1000 года; этот период часто описывали как полное ужаса ожидание конца света, он словно нарочно создан, чтобы обозначить *самую низшую*, самую трагическую точку. Но, с одной стороны, нельзя с достоверностью утверждать, что в 1000 году страхи, против которых вдобавок активно выступала Церковь, проникли глубоко в массы. Нынешние историки ⁵ полагают, что историки прежних времен преувеличивали значение этих страхов, они были заморожены действием драмы, которая превращает их ремесло в ремесло режиссера. С другой стороны, X век не был «мрачным веком железа и свинца» ⁶, каким его изображают некоторые летописцы.

И действительно, его характеризуют признаки, которые сами по себе указывают на благоприятные условия: стабильное положение, новые рынки сбыта, укрепление здоровья людей, взлет экономяки или по крайней мере его предпосылки... Так, норманны, венгры, сарацины перестают вторгаться на территорию Франции. Это не такое уж маленькое преимущество. В то же самое время возрождаются города, они растут, ширятся, окружающие их крепостные валы отодвигаются, вокруг них появляются предместья. Строится множество церквей. Воздвигаются величественные соборы в Шалоне-на-Марне, в Сансе, в Бове, в Санлисе, в Труа — в XII—XIII веках эти памятники зодчества захлестывает волна готики ⁷. Активизируются центры чеканки монет. Появляются новые рынки сбыта. Возрождаются старые и возникают новые ярмарки ⁸. Устанавливается и расширяется торговля с дальними странами. Фризские сукна ⁹ развозят по всему христианскому миру. Все это дает основания считать, что взлет европейских народов начался около 950 года — несколькими годами раньше или несколькими годами позже: не стоит забывать о том, насколько, в общем-то, приблизительны даты, когда речь идет о таких долгих процессах.

Отодвинув начало подъема на пятьдесят лет назад, мы тем самым показываем, что очевидный взлет, происшедший в XI веке, произошел не вдруг, он долго зрел в недрах общества, гораздо дольше, чем можно предположить. Прекращение вторжений варваров, несомненно, многое объясняет: норманнов остановили в низовьях Сены в 911 году, германцы победили венгров в Мерзбурге (933 г.) и в Аугсбурге (955 г.) и остановили их продвижение на Запад; благодаря общему спаду активности Средиземноморья стали реже набеги сарацинов. Начало казаться, что все это может изменить судьбы Европы и Франции, что Бог послал им такое счастье. Во всяком случае, такое создавалось впечатление: ведь на протяжении веков Запад был открыт для нападков чужеземцев прежде всего потому, что был мало населен, плохо защищен. Но население Западной Европы постепенно росло, города укреплялись. Народы, живущие на территории Западной Европы, постепенно учились бороться с венгерскими всадниками и ладьями норманнов, снующими вверх и вниз по рекам. Короче говоря, то, что нам часто — и с полным основанием — выдавали за причину, можно с неменьшим основанием считать следствием. Прекращение вторжений варваров отчасти объясняется усилением могущества Запада.

Впрочем, не будем воображать себе, будто с возвращением мира во Францию воцарился покой. Междоусобица никогда не затихала; враждовали между собой сеньоры, проявляли непокорность и занимались

разбоем вассалы, пытался завоевать новые владения король; в 1109 году на французской земле уже завязывается долгая война между Францией и Англией — это начало того, что иногда называли «первой Столетней войной»¹⁰. Грабежи, резня, разбой, опасности были самым обычным делом. Поэтому Церковь, а иногда и государство неоднократно вмешивались и призывали заключить «мир Божий», «перемирие Божье», они организовывали общества, члены которых давали клятву столько-то лет или месяцев или дней жить в мире с ближними. «Да не захватывает никто отныне в епархиях и графствах церквей; да не крадет никто лошадей, жеребят, быков, коров, ослов, ослиц, ниже их поклажу, да не крадет никто баранов, коз, свиней. Да не приводит никто строить или осаждать замок иных людей, кроме тех, которые живут на его земле, в его аллоде¹¹, в его бенефиции¹²; ...да не нападает никто на монахов и их спутников, странствующих без оружия; ...да не берет никто в плен крестьянина или крестьянку, чтобы получить за них выкуп»¹³. Таков был текст первого подобного пакта, составленного около 990 года Ги д'Анжу, епископом из Пюи. Надо добавить, что рыцари и крестьяне согласились заключить это первое «божеское перемирие» только после того, как их принудили к этому вооруженные воины под предводительством племянников епископа! Так что не будем делать скоропалительных выводов о том, что после 1000 года во Франции воцарился мир. Мир, которому действительно не было равных, установился позже — в 1250 году¹⁴. В самом деле, война такой же промысел, как другие; общий взлет для нее так же благоприятен, как и для других видов человеческой деятельности.

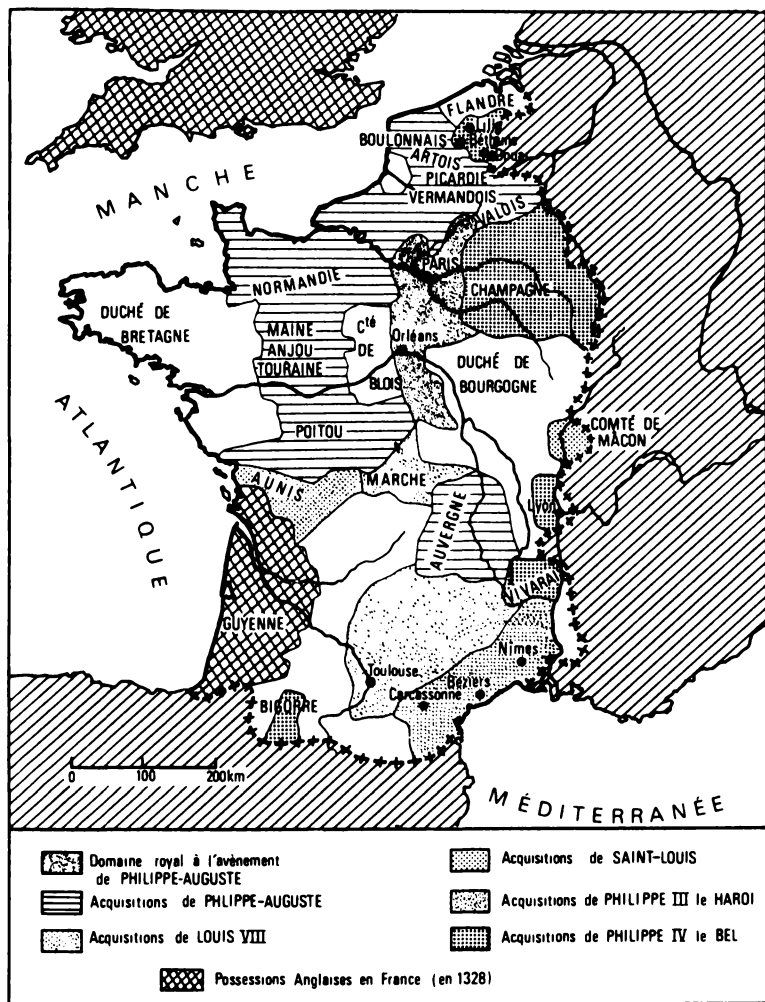
Так что взлет X и последующих веков сосуществует с процессами, которые зачастую мешают ему. Тем не менее этот взлет — порыв, поднимающийся из глубин, жизненная сила, способная залечить если не все раны и царапины, то по крайней мере изрядное их число.

Существенным, хотя и редко упоминаемым фактором этого глубокого преобразования, несомненно, является постепенное исчезновение

ФРАНЦИЯ КАПЕТИНГОВ

Условные обозначения на карте:

Первая колонка (сверху вниз): Королевский домен в начале царствования Филиппа-Августа. Земли, присоединенные к королевскому домену при Филиппе-Августе. Земли, присоединенные к королевскому домену при Людовике VIII.

Вторая колонка (сверху вниз): Земли, присоединенные к королевскому домену при Людовике Святом. Земли, присоединенные к королевскому домену при Филиппе III Храбром. Земли, присоединенные к королевскому домену при Филиппе IV Красивом.

Последняя строка: Английские владения во Франции (1328 г.).

римского окружения и материальных структур Рима. В результате всех завоеваний Римская империя стала могучим *миром-экономикой*, живущим в первую очередь за счет Средиземного моря, ибо основные перевозки осуществлялись морским путем. Побережье Средиземного моря, приморские области были завоеваны римлянами и вовлечены в экономическую жизнь, центром которой был Рим — Рим и Италия. Когда в 324 году столицу перенесли из Рима в Константинополь, центр мира-экономики переместился на Восток, в интересах этой *Pars Orientis*, этой Восточной Римской империи, которая появляется вследствие раздела, произведенного при Феодосии (395 г.) Но ни этот раскол, ни падение в 476 году Западной Римской империи не разрушили экономическое окружение римского мира: мир-экономика, который обеспечивал его материальную основу, сохраняет силу, хотя и уменьшается в размерах. Византия со своей золотой монетой, своими великолепными шелками, своим флотом, своей экономической активностью, своим множеством свободных крестьян продолжает подчинять себе варварский Запад и даже, хотя и с меньшим успехом, исламские страны. Для Запада: Галлии времен Хлодвига, Франции времен Гуго Капета — Средиземное море еще не утратило своей важности. Но это государства со слаборазвитой экономикой. Для них Средиземное море по-прежнему символ связи, традиции, господства.

Другим наследием Рима было рабство. Надо запомнить недавнее утверждение Франсуа Сиго¹⁵: во времена республики римское и итальянское крестьянство завоевало земли, на которых раскинулась Римская империя. Но именно в эпоху рабства и во многом благодаря ему Италия достигла могущества, в ней появились большие владения, *латифундии*, и излишки продукции. Когда рабов становится трудно прокормить (ведь чем больше завоеваний, тем больше пленников), система *латифундий* приходит в Италии в упадок, но зато латифундии появляются в Северной Африке, Испании, Галлии. Если это не новый подъем экономики, то по меньшей мере преемственность. В Римской Галлии постепенно — не везде, но во многих местах — устанавливается рабовладельческий строй галло-римской виллы. Однако впоследствии здесь тоже произошли перемены к худшему. Чтобы рабовладельческий строй был прочным, нужны сильная власть и войны, которые поставляют рабов. Но ведь в Галлии не затихает междоусобица, войны продолжают на ее границах, а сильная власть исчезает. Является ли сильная власть опорой феодального строя или, наоборот, разрушает его? Как бы там ни было, результат тот же.

С другой стороны, свободное крестьянство, которое существовало

при рабовладельческом строе, продолжает существовать и в новых условиях. Не на него ли опираются каролингские завоеватели, которые нещадно его эксплуатируют? ¹⁶

Следовательно, если на земле кое-где еще существует рабство, как во времена Восточной Римской империи ¹⁷, общая ситуация к началу X века меняется. Постепенно устанавливается и укрепляется крепостная зависимость. Конечно, иногда это происходит в ущерб мелким собственникам из числа свободных людей. Но, поскольку крепостная зависимость пришла на смену рабству, она становится орудием прогресса, некоторого освобождения крестьянства. Крепостной в широком смысле слова владеет землей, коль скоро он к ней прикреплен. Это владение стимулирует его работу, создает излишки продукции, без которых немислимы суперструктуры общества, экономики, политики и культуры. Не пора ли высказать в пользу крепостной зависимости, которая привела к развитию производства, утверждение, аналогичное утверждению Франсуа Сиго относительно рабства в древности?

Но важное новшество X и последующих веков заключается в том, что место римского мира-экономики занимает *новый* мир-экономика. Средиземное море утрачивает свою роль, теперь на первом месте Запад, земля Европы. Два противоположных полюса этого нового мира — Италия и Нидерланды, переживающие явный подъем, а центр — ярмарки в Шампани и в Бри ¹⁸, куда съезжаются торговцы со всего света. Начинается Возрождение, «подлинное», если верить таким крупным медиевистам, как Армандо Сапори и Джино Луццато ¹⁹. Но пригодно ли само слово «Возрождение» — ведь оно предполагает возврат к старому, повторение того, что уже было? На мой взгляд, речь идет о ранее не существовавшем, о неоспоримом новшестве. О рождении Европы.

Взлет новосозданной Европы. 1. Население. Первый фактор взлета Европы — рост населения. Увеличивающееся число людей — своего рода цемент: деревушки, деревни, города растут, обмен увеличивается; устанавливаются экономические связи. Но изучая этот демографический подъем, мы чаще всего сталкиваемся либо со сведениями об отдельных местностях, либо с общими оценками, то есть вступаем в область приблизительного. Дж. К. Рассел считает, что население Франции к 1100 году составляло 6 200 000 человек, то есть почти в пять раз превышало население Англии (численность последнего известна благодаря «книге Страшного суда» (*Domesday Book*) и составляла в 1086 году 1 300 000 человек ²⁰). А в 1328 году в Своде записей в приходских

книгах население Франции исчисляется примерно 20 миллионами человек²¹. Если считать, что исходная цифра 6 200 000 жителей в 1100 году точна (правда, лично мне кажется, что она занижена), это значит, что население нашей страны увеличилось больше чем в три раза. Население Англии, насчитывавшее в 1086 году 1 300 000 человек, к 1346 году выросло до 3 700 000 человек, то есть также увеличилось примерно втрое²². Основываясь на этих и некоторых других данных относительно населения Италии, Дании и других стран, Вильгельм Абель делает вывод, что население всей Европы выросло почти в три раза²³.

Во всяком случае, произошел значительный сдвиг. Средняя продолжительность жизни в Англии в 1300 году была «тридцать — тридцать пять лет. Это гораздо выше, чем в Древнем Риме (примерно двадцать пять лет), почти равно средней продолжительности жизни в Китае в 1946 году и чуть ниже, чем в Англии в 1838—1854 годах»²⁴. На самом деле, население росло постепенно, в течение трех веков, и прирост составлял 0,4% в год. Такое медленное поступательное движение незаметно для людей, которые в нем участвуют. Так что не будем делать скоропалительных выводов о приливе, о скачке. Имело место накопление, изменение формы, преобразование. Все произошло не вдруг. И движение совершалось не равномерно — бывали рывки, ускорение в богатых областях, сбой, застои и даже обратный ход в областях бедных.

Главное — повсюду эти процессы затрагивали крестьянство. Крестьяне покидают деревни, растекаются по всей стране. Франция неоднородна, феодальный строй — это раздробленность, совокупность отдельных хозяйств, живущих каждое по своим законам. Но всюду есть крестьяне, и они заселяют и перезаселяют города. Они являются причиной демографического взрыва. Феодализм ставит перед историками-марксистами множество проблем, начиная с определения самого этого понятия. Главное свойство, которого часто не принимают в расчет, — это роль базиса, бурная стихийная деятельность крестьян, которые закабалены, которые окончательно прикрепляются к земле, которые упорно трудятся на себя и своих хозяев. Выражение «крепостная зависимость», без которого никак не обойтись, подчеркивает статус крестьянина, но статус менее важен, чем ремесло крестьянина, его достаток, площадь и плодородие земельного надела, который он обрабатывает. «Юридический статус не соответствовал уровню жизни: свободные крестьяне (а такие еще остались) были бедными, крепостные крестьяне — богатыми»²⁵. Крестьянское движение, которое стоит у колыбели Европы, — порыв к вольности и свободе, к самостоятельности, пусть неполной, но безусловной.

2. Земля и распашка нови. Итак, Европа, которая очерчивает свои границы, которая обретает свое лицо,— плод распашки новых земель, полеводства и скотоводства. Она выходит из лоно матери-земли, которую пашут, мотыжат, боронят, вырывают у враждебной природы, выходит из лоно земли-кормилицы, которую отвоевывают — благодаря ли крепостной зависимости и упорному крестьянскому труду или каким-либо иным фактором — у ланд, лесов, берегов рек, болот, даже у моря, а также из лоно земель, которые обрабатывались в прежние времена. В общем, налицо невиданная внутренняя колонизация, ее выполняют старые деревни, которые разрастаются и занимают полузаброшенные земли — те самые, какие занимали некогда, а порой даже выходят за прежние границы и, как говорит Марк Блок, «размножаются почкованием»; бывает и так, что внутренняя колонизация происходит за счет преобразований, быть может, запоздалых, осуществляемых отдельными сеньорами, или группами сеньоров, или аббатствами, или самим королем.

Для освоения обширных новых пространств постоянно требуются «рабочие руки», орудующие киркой и мотыгой. Часто за неимением лучшего этих «колонов» вербуют, трубя в рог на всех перекрестках и раздавая щедрые посулы: в 1065 году аббатство Сен-Дени обещало принять и защитить всякого, кто придет на его земли и примет участие в постройке Одской капеллы в Бурбоннэ, «будь то вор или беглый крепостной». Миграции людей сразу резко возросли ²⁶.

Обычно начинают с того, что, потеснив пустыню, распахивают землю там, где раньше «не ступала нога человека», на «девственных просторах, заросших бурьяном. Хроника [монахов из] Мориньи... показывает нам, как крестьяне плугом и мотыгой сражаются с кустами, колючками, папоротниками и всеми этими заполонившими все и вся растениями, вцепившимися в лоно земли» ²⁷.

Самое главное, самое важное дело — борьба против лесов, борьба великая, героическая. Только в отдельных местах, например в Солони, леса остались в целости и сохранности, всюду или почти всюду они отступают, а то и вовсе исчезают, как в Понтье или Вимё. К югу от Парижа лесные массивы на берегах Бьевры, Ивлины, Лэ, Крюи, Лóжи без конца подвергались атакам пахарей-завоевателей. Например, в плотном массиве Крюи, от Рюэя до Севрской долины, вдоль центрального коридора, который разделял его надвое и назывался Валь Кризон, настоятель аббатства Сен-Дени Сугерий поселил шестьдесят семей: так образовалась деревня Вокрессон ²⁸. В Дофинэ, завоевав долины, пахари двинулись дальше и в очередной раз за неимением лучшего пошли «на штурм альпийских лесов» ²⁹.

Сводить леса — *essarter*, как говорили на севере Франции, *artiguer*, как говорили на юге, — рубить деревья, корчевать — тяжелый труд; он придал сельской местности вид, который она сохранит на века, многие области и по сей день выглядят так же, как в те далекие времена. Уничтожение лесов обусловлено необходимостью увеличить пахотные площади, чтобы кормить растущее население. В конечном счете это расширение пахотных земель привело к тому, что было вырублено не меньше половины лесов: по самому скромному подсчету получается, что из 26 миллионов гектаров, занятых лесом в 1000 году, уцелело только 13 миллионов гектаров ³⁰.

Такое массовое уничтожение небезопасно, ибо между лесом и обрабатываемой землей — этими двумя источниками жизни для крестьян — нужно поддерживать равновесие. Тут важно не переусердствовать, ведь лес — это и пастбища, и древесина для строительства, и дрова. Разве средневековая цивилизация — как, впрочем, в большой степени и цивилизация нового времени — не является цивилизацией леса? Разве не сохранилась она вплоть до наших дней в Шампани, отличающейся влажным климатом, во всяком случае в маленьком крае Дер, на севере департамента Верхняя Марна: все дома и даже церкви здесь деревянные, дубовые ³¹. Не стоит также забывать, что лес породил целый мир, давал работу дровосекам, угольщикам, плотникам, кораблестроителям, бочарам, бондарям, мастерам, делающим сабо, кузнецам и гончарам, и, наконец, не будем забывать о городах, полностью построенных из дерева (Труа вновь отстроен из дерева после большого пожара в 1524 году) и отапливаемых дровами ³².

Эта широкая колонизация произошла не вдруг. Чрезвычайно разнообразны типы расселения, виды использования свежерасчищенных участков. Например, в прекрасной книге Пьера Брюне ³³ перечислены донельзя разнообразные формы размещения деревень на плодородных плато третичного периода, которые отделяют Уазу от Сены в краях Валуа, Суассоннэ, Мюльсьен ³⁴, Орксуа ³⁵, Бри: деревни, расположенные в виде рыбьего хребта, деревни, расплзшиеся как паутина; линейные деревни, чересполосные участки, расплзшиеся за счет «кварталов», отторгнутых у старых исчезнувших деревень; хутора, возникшие на месте древних галло-римских вилл, которые они в конце концов поглотили и переварили, подобно тому как фагоциты переваривают микробов ³⁶, а также деревушки, жмущиеся к большой ферме и поставляющие ей рабочую силу; не говоря уже о многочисленных «новостройках», совершенно не похожих друг на друга и имеющих каждая свое лицо. В Бри, относительно возвышенном, хорошо орошаемом лесистом крае,

сохранилось больше документов, чем в других местах, вероятно, потому, что эту область оценили позднее. Из бумаг мы узнаем, кому принадлежали земли: сеньорам, духовенству, парижским буржуа (прежде всего), буржуа из Куломье или Мо (ставшего вскоре крупным центром торговли зерном)³⁷. А сколько интересного могли бы поведать соответствующие изыскания относительно обработанных террас Прованса и Пиренеев!

Сеньоры, духовенство и крестьяне по-разному осуществляют колонизацию. Крестьянскую колонизацию распознать особенно трудно. Однако историки выдвигают на первый план деятельность сельских общин. Я не говорю, что между Сеной и Уазой сеньоры не распахивали новь, а цистерцианцы, премонтранцы и — позже — тамплиеры и странноприимцы не сводили леса. Но если святой Норберт основывает в 1120 году аббатство Премонтре «в ужасной глуши Сен-Гобенского леса, среди зловонных болот, окруженных бесплодными невозделанными ландами, в царстве малярии и диких зверей», новый орден обосновывается также на плодородных землях Суассоннэ, уже обработанных, которые ему достаточно прибрать к рукам, расширить, привести в порядок: здесь располагаются не менее пяти «гумен», имеющих впечатляющую площадь, — 275 гектаров, 195, 235, 180, 143...³⁸ Вообще монашеские ордена часто получают в дар или покупают земли уже освоенные. Правда, они, в особенности те, кто пришли последними, — тамплиеры и странноприимцы — принесли с собой организацию, то есть уловили, направили по нужному руслу взлет крестьянства, наметившийся, наверно, еще в каролингскую эпоху.

То же самое, судя по обстоятельному труду Франсуа Жюльен-Лабрюйера, происходило в старинных провинциях Онис и Сентонж³⁹, где в IX—XII веках набожные люди отказывали свое имущество Церкви, благодаря чему образовались поселения лиц духовного звания и возникла «*вторая иерархия*, параллельная иерархии ленных владений, принадлежавших сеньорам».

То же самое пишет Ги Буа о монахах из Ключи. «Верная оценка их роли, — пишет он, — должна исходить из следующего: большая часть этой аграрной системы сложилась раньше, чем появился монастырь. Земли Ключизуа и прежде использовались под пашни. Это заслуга свободных крестьянских общин — документы конца X века подтверждают, как они были сильны»⁴⁰. Если это утверждение справедливо и в других случаях, а я думаю, что это так, то обретает куда большее правдоподобие одно частное замечание Ги Буа: не оттого ли брожение в деревнях началось так рано, что исчезли города? Это означало бы, что

закат эпохи Каролингов ознаменовался еще большим упадком, чем принято считать.

Однако *sum suique*, * надо признать, что монахи выполняли очень важную функцию: они руководили земельными хозяйствами, укрупняли их, вводили более эффективные методы обработки земель, заботились об улучшении коммуникаций, строили дороги и мосты и расширяли торговую деятельность.

Проследив за развитием сельского хозяйства, осваивающего все новые и новые пространства, скажем в заключение об усовершенствовании орудий труда: железо не заменяет дерево, но дополняет его: на Севере Франции распространяется плуг с подвижным передком, потом с металлическим лемехом и отвалом (но когда это происходит? Во времена Каролингов или позже? Ученые до сих пор спорят об этом ⁴¹); растет поголовье тяглого скота: быков и лошадей; более удачно выбираются земли под распашку и увеличиваются пахотные площади; почву начинают удобрять мергелем...

3. Г о р о д а. Взлет деревень сопровождается явным подъемом городов. Ни в какую другую эпоху не возникло столько новых городов, сколько тогда. Причем они всегда вырастают рядом с древними городами, которые, впрочем, не исчезают и зачастую играют ведущую роль — так обстоит дело в епископских городах: Реймсе, Шалоне, Суассоне, Нуайоне, Туре, Лионе, Вьенне, Нарбонне, Бордо, Бурже... ⁴² В зависимости от того, что вас больше интересует: возрождение старых городов или появление новых, вызванное взлетом окружающих их деревень, — вы либо отдадите предпочтение мнению о том, что городской уклад жизни предшествовал взлету деревень, либо, наоборот, сочтете, что городской уклад жизни отставал от взлета деревень. В первом случае вы присоединитесь к точке зрения Анри Пиренна и Мориса Ломбара ⁴³, полагающих, что сначала развивались города, во втором — разделите взгляды Ги Фуркена, Жоржа Дюби и Линна Уайта ⁴⁴, полагающих, что в первую очередь развивались деревенские хозяйства, и согласитесь с Жаном Фавье ⁴⁵, который решительно утверждает: «Развитие городов [во Франции] невозможно наряду с сельскохозяйственной экспансией и тем более — в конкуренции с ней. Развитие городов — следствие этой сельскохозяйственной экспансии».

Несомненно, город начинает жить, развиваться только благодаря излишкам продукции деревень, получаемым в виде оброка, который

* Каждому свое (лат.).

платят сеньорам, или десятины, взимаемой Церковью, — это значит, что прав или почти прав Вернер Зомбарт, настаивающий, что рождение города происходит тогда, когда в нем появляются привилегированные особы, дворяне, духовенство, королевские чиновники, потом буржуа, владельцы разного рода собственности, получающие оброк. Быть может, в этом приоритете сельского над городским следует видеть характерную особенность «первоначальной» Европы по сравнению со второй Европой, Европой истинного Возрождения XV и XVI веков, которая также была возвратом к доброму экономическому здравью со всеми вытекающими отсюда последствиями. Но во время этого второго Возрождения главная роль, вне всякого сомнения, принадлежала городам, ибо они — высшая форма цивилизации, они лучше, чем деревни, перенесли тяготы Столетней войны, их набирающий силу капитализм со сложной системой хозяйствования возвышал их над окружающей сельской местностью; на сей раз движение шло сверху вниз, не то что во времена Капетингов, когда движение начиналось снизу и шло вверх. Ги Буа, изучая опыт Нормандии, отметил, как «резко увеличился вес промышленной и торговой деятельности и как это сильно повлияло на аграрный сектор»⁴⁶.

Впрочем, следует избегать чрезмерных упрощений. Нетрудно предположить, что даже в XI и XII веках крупные торговые центры, большие города, куда люди съезжались на ярмарки, порты развиваются в основном не за счет кормящих их деревень, но за счет торговли, в том числе с дальними странами. Торговля с дальними странами, контролируемая королевской властью, со времен Каролингов становится оживленной. Франция торгует с Англией, Испанией, через Страсбург — с Востоком...⁴⁷

Во всяком случае, городу «первого» Возрождения — как бы он ни развивался — суждено сыграть важную роль; он набирает жителей из окрестностей, ведет торговлю с ближайшими соседями или с далекими землями. Происходит явный взлет некоторых населенных пунктов, оказавшихся в более выгодном положении благодаря дорогам, рекам, морю, броду, крупному порту. Вокруг этих привилегированных центров появляются предместья, где селятся преимущественно торговцы. Они растут, раздуваются, потом некоторые из них лопаются, разлетаясь на несколько городских ядер, выполняющих каждое свою особую роль. «Тулуза насчитывает три агломерации: центр города принадлежит епископу, поселок Сен-Сернен — аббату, замок Нарбоннэ — графу». Путь, в свою очередь, распадается — не рекордная ли это цифра — на шесть городских ядер⁴⁸.

Короче говоря, похоже, что города росли в центре, под сенью городских установлений, часто соперничающих и даже враждующих между собой. Если им и удавалось ценой долгой, иногда мирной, а иногда весьма ожесточенной, борьбы добиться самостоятельности, то лишь за счет борьбы между этими различными властями. Приобрести гарантии, «свободы», добиться уменьшения налогов, которые их гнетут, обеспечить себе право на самоуправление, или, как говорили тогда, «превратиться в сеньорию», — вот цели, которые ставит перед собой движение, названное движением коммун (первый заговор такого рода имел место в Ле-Мане в 1070 году)⁴⁹. Но я не собираюсь приступать сейчас к этой обширной классической проблеме — я буду рассматривать ее в части третьей настоящего исследования, в главе, посвященной государству.

Главное в настоящий момент — отметить, что, независимо от того, являются ли города плодом сельскохозяйственной революции или нет, цель их развития неизменно состоит в том, чтобы возвыситься, стать суперструктурой. Существовать для них значит властвовать. И так, в какой-то момент они в большей или меньшей степени, с большим или меньшим успехом противопоставляют себя деревням, служат им «образцом», подчиняют их себе, и чем больше они разрастаются, тем больше давят на окрестные поселки и деревни. Три важных преимущества, которыми сопровождается процесс урбанизации, — поглощение городом большей части ремесленников из помещичьих мастерских; появление городских ремесленников, которые открывают лавки и вскоре, по мере развития городского рынка, специализируются, разделяют поле деятельности (становятся, так сказать, микрокапиталистами каждый в своей области, настоящими монополистами); наконец, наличие купцов, которые вскоре начнут торговлю с дальними странами.

Таким образом, город в ответе за распространение нового стиля жизни, за появление экономики более высокого уровня, распространяющейся и на окрестности. Орудие этой набирающей силу экономики — монета. Я расскажу, что я об этом думаю, в другой главе. Читатель может, если хочет, заглянуть туда. На данный момент мне достаточно отметить этот серьезный сдвиг.

4. Революция в промышленности. Общий сдвиг в экономике сопровождается появлением все новых и новых технических изобретений: появляются корабль с рулем на ахтерштевне и многочисленными мачтами⁵⁰, «повозки с колесами... защищенными железными ободьями, которые везут подкованные лошади», металлические орудия

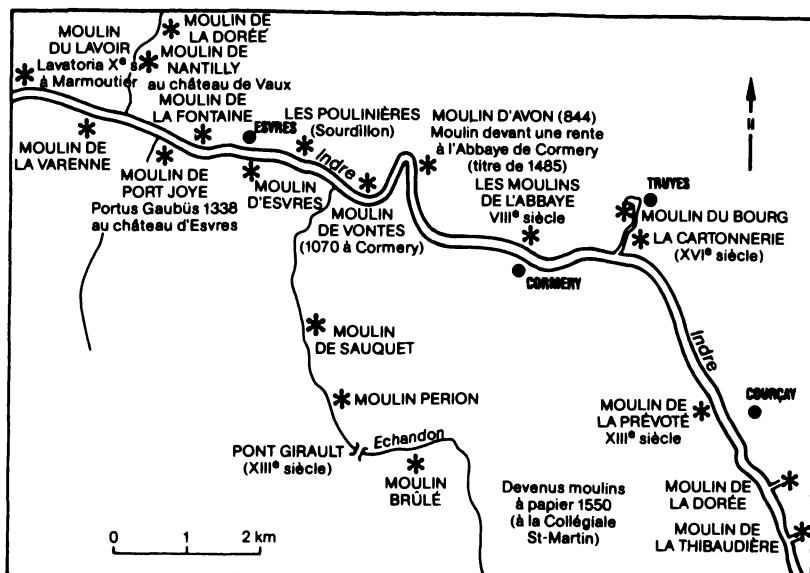
труда и инструменты... Самым важным ремеслом становится кузнечное, и кузнец долго остается важной фигурой: «Лошадь и — шире — тягловый скот, которому периодически меняют подковы, регулярно приводит крестьянина в кузницу, там же чинят и металлические орудия труда»⁵¹.

Но не эти детали определяют своеобразие того, что принято называть «первой промышленной революцией»; ее главный источник — появление невероятного множества водяных мельниц, изобретенных еще римлянами, а затем ветряных мельниц. Долгое время мельницы эти строились из дерева, а под деревянным покровом «укрывался дорогостоящий механизм (жернов, металлические рычаги), который... в случае войны приходилось демонтировать и прятать»⁵². Не меньшей ценностью и важностью, чем эти орудия труда, обладал тот, кто пускал их в ход, — сам мельник, мастер своего дела: «Источник дохода, который он... извлекает [мельница], порой пожалован в ленное владение, случается даже, что он получен в знак почтения от сеньора»⁵³.

Итак, рабы, роботы, приходят на службу человеку: на заре XII века во Франции было не менее 20 000 водяных мельниц. Произведя ряд подсчетов, можно приблизительно определить, что страна получила таким образом эквивалент 600 000 рабочих рук⁵⁴. Большое подспорье!

В конце XIII века во Франции крутятся уже 40 000 гидравлических мельниц, в конце XV века — 70 000 водяных и 20 000 ветряных, которые появились позднее; как сказал один мой коллега, водяная мельница — «феодалная», а ветряная — уже «капиталистическая»⁵⁵. Многие из этих мельниц работали вплоть до начала нашего столетия⁵⁶. К главе, где мы противопоставляем север и юг, добавим следующую деталь: Франции известны два способа постройки ветряных мельниц: вертлюжный на северо-востоке и башенный на юго-востоке, граница между этими областями примерно совпадает с границей между областями, где применялась круглая черепица, и теми, где употреблялась черепица плоская»⁵⁷.

Определить относительный вес этих механических рабов в общей деятельности страны нелегко⁵⁸. Но можно утверждать с уверенностью, что эти в конечном счете элементарные изобретения имели успех. В качестве косвенного, но убедительного доказательства приведу воспоминания одного итальянца, приехавшего в 1936 году, после захвата Эфиопии, в Гондар. Он поразился, что зерно там до сих пор размельчают пестиком, приспособил старый мотор и стал крутить жернова. Из подручных средств он быстро соорудил одну «мельницу», потом другую, третью — и так двадцать мельниц, разумно разместив их в разных

СТАРЫЕ МЕЛЬНИЦЫ НА ЭНДРЕ

Начиная с VIII века во Франции строится множество мельниц. На этом маленьком отрезке Эндрэ — длиной всего 15 километров — и его притоках их насчитывается девятнадцать.

областях. Плата за помол резко снизилась, примерно раз в десять. Но предприимчивый итальянец не остался внакладе и быстро разбогател: крестьяне выстраивались в очередь у дверей его «мельниц»...⁵⁹ Не так ли происходило дело и встарь?

Тем более что почти с самого начала — с XI, XII, XIII веков — мельницы выполняли разную работу: мололи зерно, приводили в действие молоты, участвовали в изготовлении бумаги, измельчали дубильную кору, валяли войлок, сбивали масло, трепали коноплю... «Полагаясь на честное слово» Х. К. Дерби, выдающегося специалиста по английской исторической географии, Робер Филипп утверждает, что «для нас XIX век наступил еще в XII веке»⁶⁰. Таково же *mutatis mutandis* * мнение Вильгельма Абеля⁶¹. Он видит чудо в том, что заработки в это время растут так же быстро, как и цены. Пьер Шоню заимствует

* С соответствующими изменениями (*лат.*).

у В. В. Ростова его формулу take off ⁶², — «отрыва от земли, взлета», и в самом деле, благодаря цепи «множителей» западное христианство, в том числе и Франция, *отрывается от земли, взлетает...* В Нормандии в конце XI столетия даже морской прилив и отлив были поставлены на службу человеку ⁶³.

Остается выяснить, являются ли мельницы причиной или следствием — вероятнее всего, они были и тем и другим — трансформации первоначальной Европы. Трансформации такой мощной, что она приводит на память революцию, которую произвел паровой двигатель в XIX веке. С той лишь разницей, что паровой двигатель ставят где хотят, меж тем как мельница неподвижна, она приросла к берегу реки. Итак, будь то в городах или в деревнях, невозможно разлучить реки, эти источники энергии, и промышленность, которая от них зависит. Эта неподвижность, которой суждено было длиться веками, характеризует первый этап европейского нового времени и ограничивает его рамки.

Другое ограничение, уже более серьезное, в том, что эта революция — за редким исключением — остается замкнута в себе, она кружится на месте, бесконечно повторяется. Подлинная промышленная революция, та, которая начнется в Англии в XVIII веке, напротив, открывает цепь взаимосвязанных революций, каждая из которых прямо или косвенно порождает следующую. В создании и успехах первого этапа нового времени мельницы играли важную роль. Но если все кончилось крахом, тому есть множество причин — среди них та, что вышеупомянутая революция не имела качественно новых последствий, не породила новых изобретений в области энергетики.

Удача Франции: ярмарки в Шампани и Бри. Европа XII века и новый мир-экономика, который образуется в ней, имеет своими центрами Труа, Провен, Бар-сюр-Об, Ланьи. Пространство Европы очень рано приобретает вид, свойственный всякому миру-экономике: в его состав входят центральная область, средние области и периферия. Отсюда различие уровней и смещения, несмотря на то, что благодаря своей целостности этот мир реагирует на спады и подъемы экономики как единое целое. Вот множество причин, по которым первый мир-экономика, образовавшийся в Европе, привлек наше внимание ⁶⁴.

У этого первоначального единства, сплотившего Европу, имелись три решающие предпосылки: раннее развитие транспортной экономики в Италии, где давно были построены порты на Средиземном море (Амальфи, Венеция, Пиза, Генуя); появление в устьях трех рек: Рейна,

Майна и Шельды — активной экономической зоны с развитыми ремеслами и торговлей (эта зона расходится лучами и постепенно распространяется до Сены); наконец, появление места встречи этих двух экономических районов в среднем течении Сены, Оба и Марны, на ярмарках в Труа, Провене, Бар-сюр-Об и Ланьи.

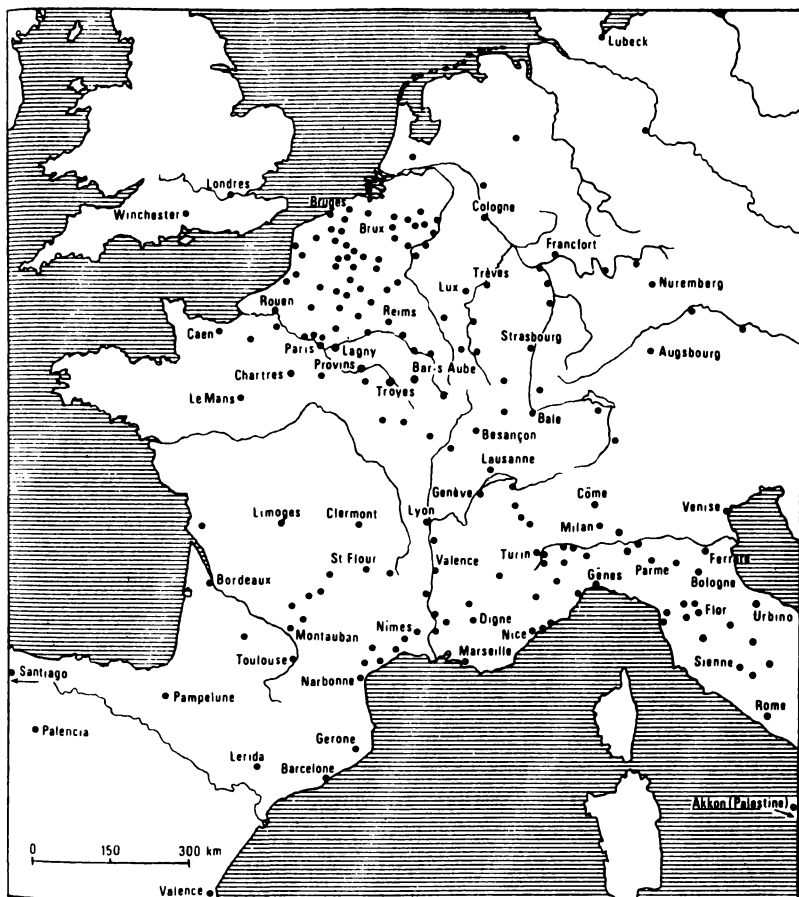
По мнению Феликса Буркело и его последователя Робера-Анри Ботье⁶⁵, ярмарки в Шампани и в Бри приобретают международное значение в 1130—1160 годах — обратите внимание, что это все же происходит гораздо позже знаменательной даты — начала первого крестового похода (1095 г.). Быть может, причиной для сплочения послужило нечто вроде сильной отдачи после крестовых походов? Как бы там ни было, отставание одного процесса от другого очевидно.

Именно в эти годы (1130—1160) между двумя полюсами — Нидерландами и Северной Италией — установилась *настоящая* связь, их соединили дороги «французского перешейка», которые идут через всю Европу с юга на север. Либеральные и конструктивные меры графов Шампанских, начиная с Тибальда II в 1125 году, способствовали расцвету знаменитых ярмарок. Завезенные из Леванта пряности, шелка, вкупе с кредитами итальянских купцов, менялись там на суровое сукно, производившееся в обширной промышленной зоне, протянувшейся от Зейдер-Зе до Сены и Марны.

Мелкая деталь: как объяснить, почему стали отдавать предпочтение Труа, Провену, Бар-сюр-Об и Ланьи, новым дорогам, которые, в отличие от римских торговых путей, ведущих с севера на юг, не проходили через Реймс, Шалон и Лангр? ⁶⁶ Происходил ли этот «захват» дорог от враждебности графов Шампанских по отношению к епископским городам Реймсу и Шалону, которые не подчинялись их власти? Или оттого, что южные купцы желали приблизиться к покупателям восточных товаров, а следовательно, к сердцу Парижского бассейна и столице королевства — Парижу, и не могли побороть этого искушения?

Во всяком случае, именно эти ярмарки в Труа, Провене, Бар-сюр-Об и Ланьи, сменяющие друг друга и таким образом не прекращающиеся круглый год, больше чем на столетие становятся центром нового мира-экономики, который, охватывая всю Европу, контролирует первые шаги ее жизни как единого целого.

Невозможно переоценить важность для Франции этого положения в центре событий. И правда, разве не важно, что сердце нового мира-экономики находится близ Парижа, другого громадного сердца? Если этот город становится урбанистической громадой, насчитывающей к 1300 году не меньше 200 000 жителей⁶⁷, а это больше, чем в любом

ГОРОДА, СВЯЗАННЫЕ С ЯРМАРКАМИ В ШАМПАНИ (XII—XIII вв.)

На этой карте видна экономическая система и биполярность Европы в XIII веке: ее северный полюс — Нидерланды, южный — Италия. (Карта Г. Аммана).

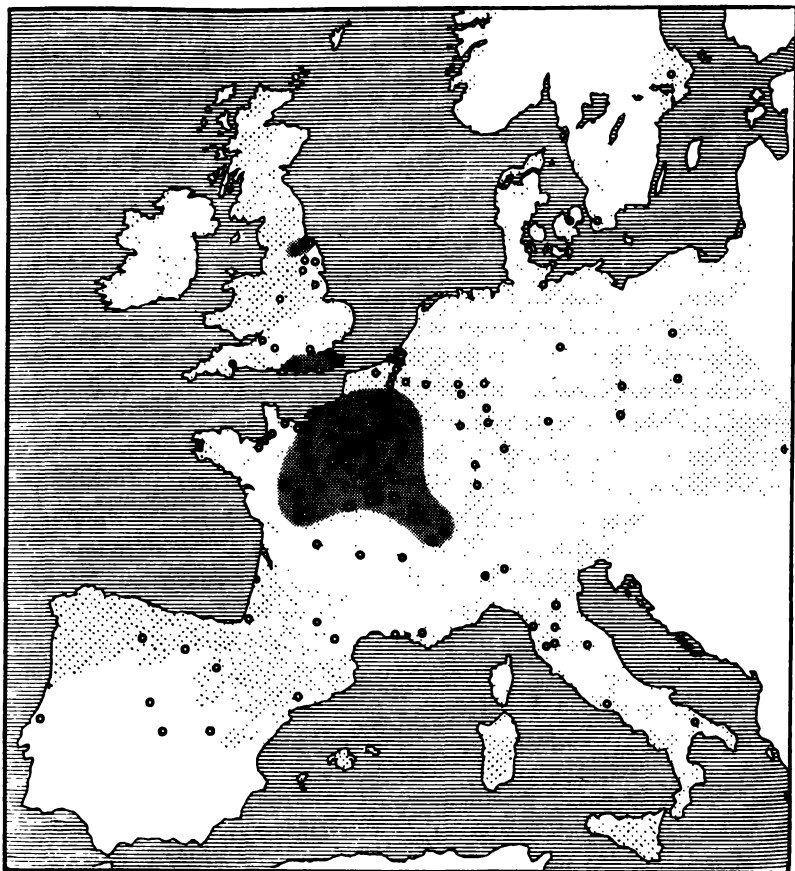
другом европейском городе; если «город, причем вполне просторный, трещит по швам и не уместается в тех пределах, в которых он существовал со времен Филиппа-Августа»⁶⁸; если его Университет самый блестящий во всей Европе; если королевская власть Франции растет как дуб

правосудия *, укореняя главные свои установления; если готическое искусство, *родившееся во Франции*, простирается за ее границы, то происходит это во многом благодаря шампанским ярмаркам, процветавшим до конца XIII века. В Париже и вокруг Парижа вырастают соборы: в 1130 году в Сансе, в 1131 году в Нуайоне, около 1150 года в Санлисе и Лане, в 1163 году собор Парижской Богоматери, в 1194 году в Шартре, в 1221 году в Амьене, в 1247 году в Бове. «Менее, чем за столетие, наши предки построили... эти чудеса в камне. Они вздымались все выше и выше. Высота свода собора в Санлисе восемнадцать метров, собора в Бове — сорок восемь метров. Никто и никогда не поднимется выше»⁶⁹. (И правда, собор Парижской Богоматери имеет всего тридцать пять метров в высоту.) Поскольку соборы строятся медленно, они становятся свидетелями смены эпох. Начатый в 1163 году, собор Парижской Богоматери был закончен только в 1320 году.

Если принять все это в расчет, то неудивительно, что Париж становится с XI века «культурным центром Запада»⁷⁰, что позже Парижский университет, в лихорадочных поисках нового, совершает переворот в системе образования и вводит изучение формальной логики Аристотеля, считавшейся в ту пору истинной наукой. Философия и схоластика неожиданно заслонили считавшиеся прежде самыми главными предметами поэзию и литературу. В весьма язвительном сочинении философ — Мишель де Корнуби — нападает на поэта — Анри д'Аврانشа: «Я посвятил себя знанию... меж тем как ты предпочитаешь вещи ребяческие, всякие там прозы, ритмы, метры. К чему все это? Вполне можно сказать, что ни к чему... Ты знаешь грамматику, но совсем не разбираешься в логике. Напрасно ты раздуваешься от важности, ведь ты невежда»⁷¹.

Но не весь блеск сосредоточен в «Латинском квартале», по соседству с Сорбонной, в Париже и его окрестностях. Я повторяю: французское готическое искусство плодится и размножается. Оно зарождается в Иль-де-Франсе, затем распространяется в Германии, на севере Испании, на юге Англии и доходит до Кракова... Его образцы встречаются даже на севере Италии, в Милане, в Сьене (хотя в целом на Апеннинском полуострове эта французская мода не очень привилась). Мелкий, но красноречивый пример: несколько дворцов, стоящих на главной площади Сьены, украшены готическими окнами; отчего? не оттого ли, что богатым купцам, их владельцам, случалось бывать в Провене или

* Имеется в виду привычка Людовика IX Святого вершить суд, сидя под дубом (примеч. ред.).

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ГОТИЧЕСКОГО СТИЛЯ

Условные обозначения на карте:

Темная штриховка — первый период готического искусства (XII век). *Черные кружиски* — памятники XII века. *Светлая штриховка* — распространение готического искусства в XIII веке. *Светлые кружиски* — памятники XIII века. *Треугольники* — разрушенные памятники.

в Труа? Замечательно, что в 1297 году коммуна постановляет: если кто-либо перестраивает или чинит дом на Кампо, то для того, чтобы не нарушать общую гармонию, окна на фасаде должны обязательно следовать установленному образцу — *a colonnelli e senza alcuno ballatoio* («с маленькими колонками и без всякого балкона»⁷²).

Географическая экспансия: крестовые походы. Быть может, взлет Европы сводится к самому обычному росту, быть может, все дело в расширении географического пространства, завоеванного европейской экономикой, которая в то время распространяется во все стороны. Англия захватывает Шотландию, Уэльс, Ирландию; на востоке Европы германцы и скандинавы проникают в славянские и прибалтийские страны; поляки и венгры принимают христианство до 1000 года; южнее идет христианская Реконкиста в Испании (в 1212 году одержана крупная, решающая победа при Лас-Навас-де-Толоса); на Средиземном море удалось отвоевать Балеарские острова, Сардинию, Корсику; норманны обосновываются на Сицилии и в Южной Италии. Более того, благодаря крестовым походам Запад прибрал к рукам само Средиземное море со всеми его многочисленными торговыми путями.

Крестовые походы, как известно, — громадное испытание, выпавшее на долю Европы и в первую очередь — *Gesta Dei per Francos* * — на долю нашей страны. Запад очень рано (1094 г.) становится агрессивным. Теперь его черед завоевывать, теперь его черед вторгаться, как раньше вторгались варвары, в страны, которые встают на его пути, — страны ислама и Византию. Теперь его черед покорять, причинять страдания, эксплуатировать; роли переменились. Религиозный фанатизм кипит и остынет еще не скоро — через несколько столетий. Появляются империализм, колониализм — не столько в результате свободного выбора, сколько в результате необходимости. Фердинанд Лот любил подчеркивать темные, черные стороны этих многократных нашествий. Он не без основания уподоблял их грубому завоеванию Нового Света, сопровождавшемуся сходными жестокостями. Единственная — но существенная — разница заключается в том, что в Америке натиску европейцев подвергались первобытные цивилизации, не имевшие надежных орудий защиты и не способные оказать серьезное сопротивление. Европа могла пускать корни на всем пространстве в Новом Свете. Но не в Северной Африке, не на мусульманском Востоке и не на территории

* Деяния Бога для франков (*лат.*).

Византии, которая все же не исчезла с лица земли после захвата Константинополя в 1204 году. Впрочем, эти суждения общего характера отвлекают нас от нашей темы — первой экспансии Европы, испытанная тяжелого, но проливающего свет на экономику и цивилизацию, которые сложились в Европе и во Франции, находящейся в сердце Европы.

Нисходящая кривая (1350—1450). Удачно ли выбрано это неприятное название для главы, повествующей о начале бурного столетия, которое, по мнению Робера Фосье, «разделяет с X и XX веком сомнительную славу одного из самых жестоких столетий в истории Европы» и истории Франции? ⁷³ Не лучше ли было бы дать этим годам, прошедшим между несчастьями Филиппа VI де Валуа и победами Карла VII громкое название: великая депрессия, роковое стечение обстоятельств? После удивительного, тяжелого, но долгого подъема в Европе наступил мощный, всеобщий, резкий упадок — как сказали бы мы теперь, экономический спад.

По мнению Робера Фосье, если ученики Симиана (к которым вольно или невольно принадлежит он сам и к которым тем паче принадлежу и я) «с ученым видом качая головой, видят в этом проявление всеобщей экономической закономерности, «фазу В» ⁷⁴ или фазу депрессии, [это] является лишь несущественным уточнением» ⁷⁵. Что до меня, я ни в коей мере не считаю объяснение в духе Симиана простым «уточнением». На самом деле оно включает в себя другие объяснения, вторит им, связывает их в единое целое. Оно не ограничивается констатацией «экономической закономерности». Ибо если наступает ситуация, когда экономика затронута до самых глубин и *на долгое время* лишена возможности восстановить равновесие и найти для этого подходящие средства, значит, дело здесь не в одной экономике, значит, развал произошел по многим причинам.

Еще совсем недавно принято было все сваливать на чуму, которая обрушилась на Францию в 1347 году и начала свирепствовать, нанеся «такой удар по человеческому муравейнику», что он положил конец демографическому подъему ⁷⁶. Но экономический спад начался раньше, чем эпидемии. Уже суровые зимы 1315—1320 годов принесли с собой голод. Лиха беда начало — вскоре последовали новые вспышки голода — в 1340 году в Провансе, в 1348 году в Лионне... В это время и начинается эпидемия — она «подхватывает и усугубляет давно назревавший и потому неизбежный [демографический] спад» ⁷⁷.

На самом деле производительность труда в сельском хозяйстве давно достигла потолка, сельскохозяйственная продукция уже не росла так же быстро, как население. В своей чудесной книге Андре Шедевиль ⁷⁸ утверждает, что в окрестностях Шартра «между 1220 и 1320 годами уже наступил застой». Освоение новых земель сельским хозяйством закончилось, и «последняя крупная распашка нови произошла около 1230 года. Доброе время Святого Людовика, о котором позже будут вздыхать с сожалением, конечно, не является эпохой серьезных трудностей, но... все успехи современников благочестивого короля (по крайней мере в окрестностях Шартра) уже позади». Окрестности Шартра, вероятно, пали жертвой своего географического положения: для виноградарства этот район слишком северный и потому не вполне подходящий, для текстильной промышленности — слишком западный, вся текстильная промышленность сосредоточена восточнее: таким образом, Шартрский край не обретает на склоне XIII века второго дыхания, способного предотвратить ее упадок. Но и в других местах наступление на леса замедляется задолго до чумы: «Около 1230 года вокруг Парижа, около 1250 года в Пуату, Пикардии, Нормандии, Провансе, в 1270 году в Солони... в 1290 году в Лимузене, Борделэ, Пиренеях; в 1320 году в Форезе... в Дофинэ» ⁷⁹, между 1284 и 1350 годами вокруг Барсьюр-Сен... ⁸⁰

Раннее прекращение расчистки лесов под пашню уже само по себе знаменательно. Так же как и остановка роста населения, который произошел на рубеже XII—XIV веков. «Между 1310 и 1320 годами, а иногда даже раньше, в 1280—1290 годах, демографический подъем в христианской Европе достигает апогея», — считает Фосье ⁸¹. Такого же мнения придерживается Робер Филипп, который на основании книги церковных доходов Шартрской епархии утверждает, что своей вершины огромная демографическая волна достигает около 1280 года. То есть задолго до чумы. Демографический спад, «насколько мы можем судить... начинается в 1280 году, а [затем] все ускоряется при каждом катаклизме, потрясающем страну» ⁸². Ги Буа полагает, что в Нормандии «вершина демографической кривой» находится «на стыке двух столетий» ⁸³. Я не утверждаю, что изменение численности населения, первичный «индикатор», определяет все, но он вернее всего обозначает фазы долгого процесса, который оборачивается драмой. Правда, мы знаем только одну более или менее достоверную цифру, позволяющую судить об изменении численности населения Франции, и все же: в 1328 году, когда на престол взошел Филипп VI де Валуа, население Франции достигло общей численности (по нашему мнению, неслыханной) около

20 миллионов человек. Падение с этих высот было стремительным: судя по всему, к 1450 году осталось около 10 миллионов. То есть население Франции уменьшилось наполовину. Быть может, даже больше, если судить по подсчетам, произведенным в Нормандии на ограниченном количестве примеров: «Приведем минимальную цифру... там, где прежде жили десять человек, теперь живут от силы три»⁸⁴.

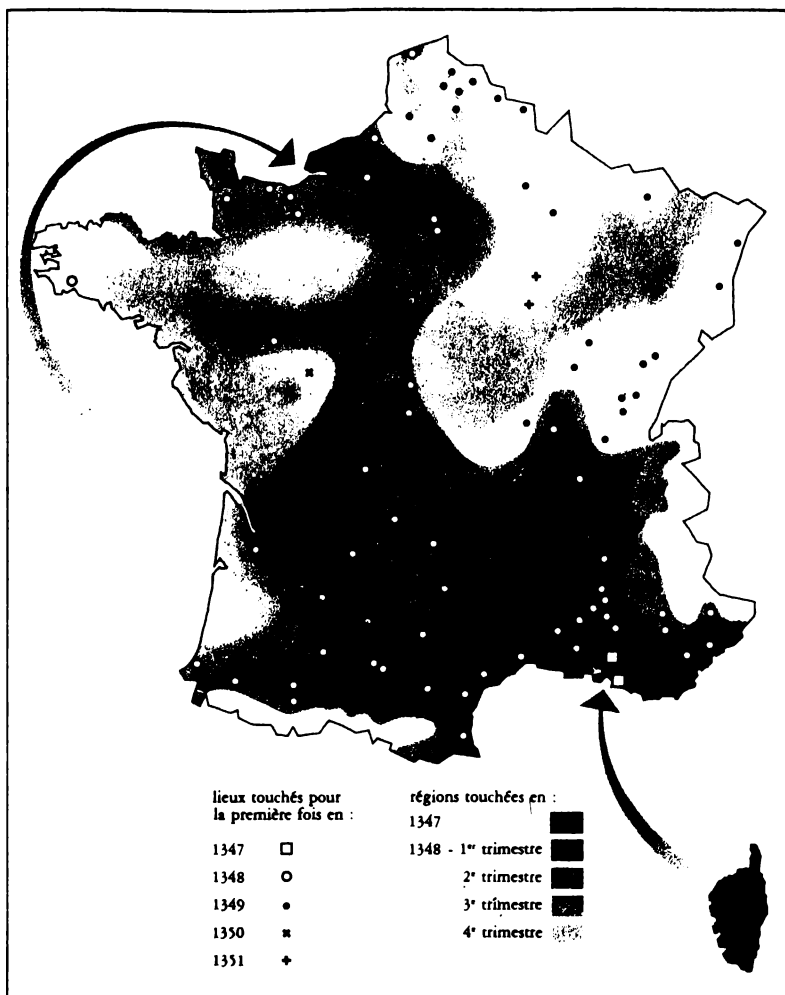
Но население в эти полвека абсолютного спада уменьшалось неравномерно, оно убавлялось толчками, редело то резко, то постепенно. Между этими шагами вспять население вновь росло, но каждый новый толчок уносил не только прирост, но и часть основного населения. В Верхней Нормандии — после «первого восстановительного периода», который начался сразу вслед за бедствиями, принесенными чумой в середине XIV века, и продолжался сорок лет, — наступает резкий упадок с 1415 по 1422 год, потом опять начинается довольно долгий подъем с 1422 по 1435 год, а за ним следует страшный кризис с 1436 по 1450 год, который Ги Буа, подыскивая выражение, передающее размеры катастрофы, назвал «нормандской Хиросимой»⁸⁵. Смерть ожесточилась, она нещадно косила людей. Якоб ван Клаверен считает, что производить себе подобных — единственное занятие людей, которое само по себе не знает спадов. Но на пути этой жизненной силы, этой способности встают обстоятельства, которые либо препятствуют, либо благоприятствуют ей.

Враждебные обстоятельства: чума, Столетняя война. Но кроме того, еще и безжалостный закон, по которому за экономическим подъемом следует экономический спад. Еще остались невозделанные земли, но они такие тощие, что, обрабатывая их, прокормиться невозможно. Возникает перенаселение, и, страдая от собственной многочисленности, население восстанавливает против себя всех и вся: королевская налоговая администрация, чтобы пополнить казну, взимает с крестьянства «сверхналоги», что приводит к расшатыванию сельского хозяйства; после 1337 года денежные манипуляции граничат с чистым безумием: «с октября 1358 года по март 1360 года курс серебряных монет менялся не меньше двадцати двух раз»⁸⁶. Все новые и новые удары обрушиваются на общество, и оно стремительно катится вниз: крестьянство вырождается, сеньоры видят, как их доходы неотвратимо падают, и поддаются искушению вступить в войну и заняться разбоем. Историки говорят о кризисе, о «конце феодального строя», меж тем один общественный порядок рушится только для того, чтобы уступить место другому, новому порядку...

Чума и Столетняя война. В 1347 году чума — двойное, тройное бедствие обрушилось на Европу, которая успела начисто забыть об этом биче после ужасных, но очень давних эпидемий VI, VII и VIII веков. «Черная Смерть» приходит в 1347 году как совершенно новое зло. Ги де Шолиак, знаменитый хирург папы Климента VI в Авиньоне, писал, что такой эпидемии еще не видел свет. Ибо те, которые были известны до сих пор, «охватывали только одну область, а эта — весь мир, от тех можно было хоть как-то уберечься, от этой — никак»⁸⁷. И правда, в 1347—1350 годах чумы удалось до некоторой степени избежать только нескольким областям Восточной и Западной Европы — таким, как Беарн, Руэрг, Ломбардия, Нидерланды: иные из них вели обособленный образ жизни и находились в стороне от больших дорог, которыми шла эпидемия, а другие, богатые области процветали, население их лучше питалось и, следовательно, было более здоровым и крепким.

Опустошения были несравнимы с теми, которые производят обычные болезни, вдобавок в последние несколько десятилетий их усугубляли экономические трудности. Для Франции первый удар (1348—1349), который потряс всю страну в целом, двигаясь с юга на север, был сокрушителен: в разных местах четверть, треть, половина, иногда 80—90 процентов населения было стерто с лица земли. Ужас охватил Францию, охватил Европу. Чума надолго обосновалась на Западе; она будет приходить и уходить, сновать туда-сюда, отступать, менять место, потом возвращаться назад. Начался новый цикл моровой язвы, почти такой же, как тот, который имел место тысячелетием раньше.

Если исходить из тщательных вычислений доктора Бирабена, то покажется, будто эпидемия продолжалась почти без перерыва до 1670 года — года, который ознаменует полное ее прекращение (жестокая марсельская эпидемия 1720—1722 годов, пятьюдесятью годами позже, заденет только юг Европы, куда заразу в очередной раз завезут по морю)⁸⁸. На самом же деле вспышки эпидемии, то более сильные, то более слабые, происходят каждые пять, восемь или десять лет, причем в разных местах. Правда, эпидемия никогда не охватывает всю нашу территорию разом — исключение составляет только вспышка 1629—1636 годов. Но чума без конца мечется по стране, крутясь как белка в колесе. Впрочем, свирепость ее постепенно смягчается: в течение XVII века смертность от чумы составила только 5—6 процентов от общей смертности⁸⁹. Наконец, по не известной нам причине чума *полностью* исчезла из Европы⁹⁰ в XVIII веке, как она исчезла шестьсот лет назад, после многовекового господства над европейскими странами. Иными словами, как ни странно, в точности повторился один и тот же процесс.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЧУМЫ
(1347—1351).

(По книге: Favier J. La France médiévale. 1983).

Условные обозначения на карте:

Левая колонка. Очаги эпидемии чумы (по годам).

*Правая колонка. Области распространения чумы (по годам;
1348 год — по кварталам).*

Это побуждает не преувеличивать роль — впрочем, по нашему мнению, вполне эффективную — строгой изоляции зараженных городов и областей. Похоже, история чумы подчиняется долгому биологическому циклу.

Эти замечания позволяют понять, каковы были последствия и роль «Черной Смерти», которая стала ужасным началом трагической фазы, продлившейся три столетия. Но все-таки при всей своей силе и упорстве чума подчиняется тем же правилам, что и все эпидемии: конечно, население резко редет, но когда вспышка гаснет, жизнь вновь вступает в свои права, раны затягиваются, вдовцы и вдовы спешно женятся снова («уцелевшие мужчины и женщины вновь сочетались браком», — рассказывает Жан де Венетт ⁹¹), и рождаемость непременно повышается. В Живри (Бургундия) обычно заключалось в среднем пятнадцать браков в год, а в 1349 году было заключено восемьдесят шесть ⁹².

Кроме того, к бедствиям чумы прибавляются разрушения, причиняемые изнурительной войной. Так называемая Столетняя война совершенно не похожа на современные конфликты. Правильнее было бы называть ее «столетняя вражда», а не «столетняя война» ⁹³. Конфликты, имеющие природу не только политическую, но также общественную и анархическую, не продолжают беспрерывно. Заключаются перемирия, ведется торговля. В среднем воюют один год из пяти. Однако деревни опустошены — войска либо грабят их, живя за счет крестьян, либо разрушают с тактической целью: лишить противника пропитания. Крестьяне укрываются в городах, но при первой возможности покидают стены города и возвращаются на свою землю. Либо, как рассказывает Тома Базен, летописец царствования Карла VII, довольствуются тем, что обрабатывают, «словно украдкой», несколько клочков земли «вокруг и внутри городов», готовые укрыться в их стенах при первых признаках опасности ⁹⁴. Таким образом, многие поля не обрабатываются, и страх войны, соединяясь с резким уменьшением населения, ведет к тому, что большие площади приходят в запустение. Говоря о предшествующей эпохе, Филипп де ла Буассьер, настоятель странноприимного командорства в Брей-дю-Па, в 1441 году пишет: «Оный край Сентонж, за исключением городов и крепостей, был пуст и безлюден... Там, где прежде высились прекрасные замки, где некогда простирались усадьбы и поместья, все заросло бурьяном». В 1472 году мы снова встречаем упоминание об этих краях как о «пустошах, бывших некогда виноградниками» ⁹⁵.

Можно привести тысячу свидетельств подобного рода, касающихся всех без исключения краев Франции. Конечно, в стране «немного най-

дятся областей, которые война поразила глубоко и надолго, кроме «тех, где борьба затягивается,— например, Парижский регион [или] регионы, где обосновываются ландскнехты, такие, как Прованс»⁹⁶. Однако ни одна область не избежала войны. Даже в надежно укрытый Центральный Массив, который благодаря своему местоположению станет прекрасным помощником Карла VII в борьбе против бургиньонов, проник в 1356 году Черный Принц; англичане нашли, что «Овернский край, куда до той поры не ступала их нога,— пишет Фруассар,— так плодороден и в нем столько всякого добра, что душа радуется»⁹⁷.

В Париже арманьяки и бургиньоны состязались друг с другом в кровожадности: убийства, резня не прекращались. В мае 1418 года после вступления в столицу бургиньонов ее улицы несколько дней остаются усеяны трупами арманьяков, которые «валяются, как свиньи в грязи»⁹⁸. Парижане переживают кошмарное «время немощи проклятой» «мира... чей край уж недалек», как говорит поэт Эташ Дешан⁹⁹, родившийся около 1346 года. Петрарка, который посещает Францию в конце царствования Иоанна Доброго, около 1346 года, поражен: «С величайшим трудом узнавал я немного из прежнего, видя богатейшее некогда королевство лежалцим во прахе и почти ни одного дома вне стен, крепостных или городских, не найдя. Где прежний Париж, что был столь великим градом?»¹⁰⁰

Однако Париж выстоял в этих испытаниях и остается до конца XIV века и дальше «очагом, где рождаются моды, где изобретаются общественные установления, где вырабатывается стиль жизни и где формируется вкус всех тех европейцев, которые притязают на благородный образ жизни»¹⁰¹. Одним словом, столица; но испорченная, разложившаяся, погрязшая в войне и весьма к ней приспособившаяся, отдаленно похожая на Антверпен, ставший в 1567 году, после прихода герцога Альбы, столицей Нидерландской войны, или на Сайгон во время «нашей» недавней войны во Вьетнаме.

К концу своего крестного пути население Франции сильно поредело. Если в 1328 году наше королевство насчитывало от 20 до 22 миллионов жителей, то к 1450 году эта цифра уменьшилась по крайней мере на 10 миллионов. Вероятно, численность населения Франции была все же большей, чем во времена Карла Великого. Но какой шаг назад!

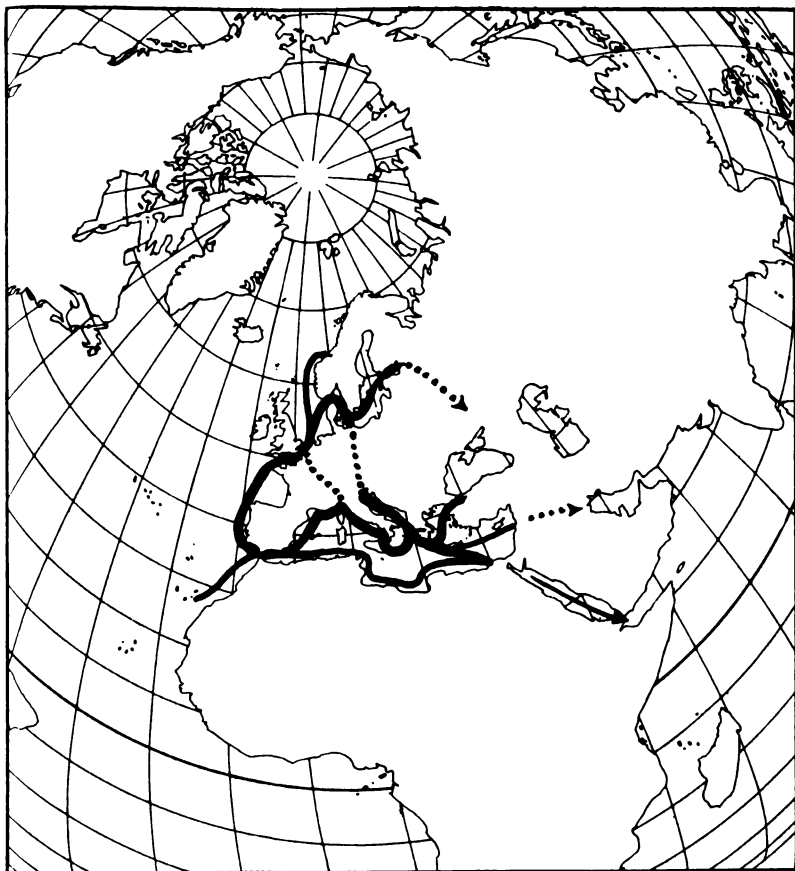
Возвращение к миру-экономике. Этот отлив с 1350 по 1450 год — обе даты приблизительные, как говорят, «грубые», — происходил не только во Франции. Вы, несомненно, заметили, проглядывая замечательные

труды по общей истории, имеющиеся в нашем распоряжении, или читая предшествующие строки, что рассуждения о взлете и о спаде затрагивают Европу во всей ее целокупности. История Франции широко вовлечена в этот процесс. Столетняя война, которая разворачивается по преимуществу на нашей территории, принадлежит — как бы это сказать? — не нам одним. Это эпидемия, которая охватила весь континент, пустила на нем корни, расцвела пышным цветом, набрала силу и свирепствовала всюду одинаково или почти одинаково. Всюду вооруженные отряды беззастенчиво грабят, подчиняясь только своему командиру, своему *condottiere*: «Имярек может поступить на службу к тому или иному правителю, и кого он выберет своим господином, зависит единственно от жалованья. Джон Чандос, Роберт Нолис, Джон Фальстаф воюют на стороне англичан, Дю Геклен, Грессар и Серволь служат династии Валуа, Хоуквуд обнажает оружие ради папы римского, Коллеони ради Венеции, Кампобассо и Вилландрандо ради любого, Франческо Сфорца ради одного себя»¹⁰².

Итак, не преувеличиваем ли мы, французские историки, значение событий нашей Столетней войны, не заблуждаемся ли, считая, что тяготы ее обрушились только на нас? Словно задета была одна Франция, а не Франция плюс вся Европа. Словно не проявляются повсюду одни и те же признаки кризиса: трагическая нехватка монеты¹⁰³; неожиданные и частые изменения курса золота по отношению к серебру; падение цен на пшеницу и вообще падение доходов от сельского хозяйства у сеньоров и крестьян по сравнению с заработками и ценами в «промышленности», которые везде остаются сравнительно высокими. И всюду этот разброд, который дает городам постоянно укрепляющееся преимущество: они легче переносят тяготы. От Польши до Атлантического океана, от Северного моря до Испании утверждается *единая* история.

Но общий спад в масштабе всей Европы может объясняться лишь сбоем, перекосом, *смещением центра* европейского мира-экономики. Ведь центр действительно переместился.

Пока продолжалось благоденствие, центр доброе столетие располагался посреди подвижного четырехугольника шампанских ярмарок. По обе стороны этого центра колебалось гигантское коромысло: на одной чаше весов Нидерланды, на другой — Северная Италия со своими подлинно *многонациональными* городами: Венецией, Миланом, Генуей, Флоренцией. Север — это суконные фабрики, юг — коммерция и банки; последняя чаша заметно перевешивает. Затем шампанские ярмарки утрачивают былую роль: к концу XIII века они оскудевают товарами;

ЕВРОПЕЙСКИЙ МИР-ЭКОНОМИКА в 1500 году

Международные торговые пути идут вокруг Средиземного моря (продолжаясь в направлении Индийского океана) и, огибая Иберийский полуостров, доходят до Северного моря и берегов Бельгии. Сухопутные торговые пути (обозначены пунктиром) ведут из восточной Франции в Германию.

отсрочки платежей от одной ярмарки до другой, то есть механизм кредита, просуществовал самое позднее до 1320 года; все это приводит к коренным переменам. С 1296 года флорентийские купцы перебираются в Лион ¹⁰⁴. «Доход от ярмарок [в государственную казну] увеличился с 6000 ливров до 8000 ливров в XIII веке, упал до 1700 в начале XIV века и с трудом вырос до 2630 ливров к 1340 году» ¹⁰⁵.

В общем и целом это крутой поворот для Европы, и в том числе для Франции. В 1297 году Италии впервые удалось установить прямое и регулярное сообщение с Саутгемптоном, Лондоном и Брюгге через Гибралтар из Генуи, посредством больших карак *, за которыми более или менее быстро последовали другие средиземноморские суда (венецианские галеры откроют прямое сообщение только в 1317 году) ¹⁰⁶. Одновременно перемещаются самые оживленные торговые пути по суше через Альпы, теперь они проходят восточнее, не через Мон-Сени и Гран-Сен-Бернар, а через Симплон, Сен-Готард, Бреннер. «Французский перевал» еще существует, но у него появляются соперники, и он теряет свое значение. Одной из причин смещения торговых путей, вероятно, было серебро, добываемое в германских копях ¹⁰⁷.

В конце концов Франция, через которую благодаря шампанским ярмаркам проходили оживленные торговые пути — во всяком случае, это касается долины Роны, востока и центра Парижского бассейна — оказалась оторванной, очутилась, можно сказать, в стороне от основных путей европейского капитализма. И это отлучение будет долгим. Страны, к которым грядущий капитализм благосклонен, расположены любопытным образом: они разместились вокруг Франции на почтительном расстоянии: сухопутные дороги пересекают Германию, средиземноморские корабли, правда, иной раз пристают к берегу в Марселе или Эг-Морте, но чаще всего заходят в Барселону, в Валенсию, в Севилью, в Лиссабон, а оттуда плывут через Гасконский залив прямо на север — в Саутгемптон, Лондон и Брюгге, минуя по возможности французские порты (кроме, быть может, Ла Рошели, где несут караул и торгуют все время, что длится Столетняя война, флорентийские купцы ¹⁰⁸). Так замыкается кольцо, которое нас окружает.

Эти новые связи устанавливались медленно и постепенно, как всякие процессы такого рода. Однако в конце концов перевешивает та чаша весов, на которой находится Италия. Так что в наступающую суровую и более чем мрачную эпоху она оказывается относительно «защищенной», как говорят экономисты.

* Карак — глубокое широкое трехмачтовое парусное судно XV—XVI вв. (примеч. ред.).

Тогда начинает разворачиваться ожесточенная, драматическая борьба за первенство между крупными городами Апеннинского полуострова, каждый из которых к этому времени уже сделался крупным центром международной экономики. Флоренция, которая со своим *Arte di Calimala* * прежде довольствовалась тем, что красила сукна, купленные на Севере, принимается сама производить сукно, и происходит стремительный взлет ее *Arte della Lana* ** 109; она побеждает и в области промышленности, и в области деятельности более рискованной, которой она занимается уже давно, — деятельности банковской, финансовой. Она встанет на сторону англичан против Франции. Генуя, которая, как всегда, первая чувствует, куда ветер дует, открывает новый Северный путь через Гибралтар и сразу же устанавливает регулярное сообщение. Милан в расцвете своей деятельности предвосхищает свершившуюся через несколько веков промышленную революцию 110. Что помешало этой революции победить? Был ли то кризис (ведь он коснулся даже тех, кто был в выгодном положении)? Победа почти мгновенно обернулась поражением, и все же это поразительный, сенсационный успех в глазах историков.

В конце концов победу над всеми соперниками одерживает Венеция, причем благодаря не банковскому, а рыночному, товарному капитализму, который я назвал бы устаревшим, традиционным. Все это так, но если взглянуть на экономику всего мира в период до монгольского нашествия в 1340 году, не вернее ли будет сказать, что движущей силой этой экономики и источником ее успеха являются восток Европы, Черное море и шелковый путь? А также Левант, в особенности Египет (куда поступают перец и пряности Индийского океана плюс золотая пыль Нигера), куда венецианцы снова устремляются около 1340 года? Впрочем, Генуя и Венеция вступят в ожесточенную борьбу на море и на рынках Среднего Востока и Черного моря. Исход этой борьбы долгое время будет неясен, потому что только в конце XIV века, после драматической борьбы за Кьоджу (1383 г.), Венеция избавится наконец от соперничества Генуи и утвердит свое превосходство, которое отныне никто не будет оспаривать 111.

Могущество Венеции отодвигает Францию на второй план, она выбывает из игры и остается в стороне до тех пор, пока в Европе не воцарится мир.

* Цех Калимала — красильное ремесло (*ит.*).

** Шерстяное производство (*ит.*).

Европа и судьба Франции. Удалось ли мне выполнить свое намерение и показать, что именно эпоха, начавшаяся в X—XI веках и окончившаяся в середине XV века, определила дальнейшую судьбу Франции и Европы? Что эта эпоха находится в сердце нашей истории? Тому есть несколько причин.

Причина первая: эта эпоха — время образования и утверждения Европы. Ведь и правда, без Европы не может быть Франции. Европа — наша семья, условие нашего существования. Мы живем в ней лучше, чем жили бы в составе Римской империи. Европа укрепилась, сплотилась вокруг нас. Мы плотно окружены соседями, которые смотрят на нас и присматривают за нами.

Причина вторая: Европа *едина* только потому, что ее населяют христианские народы; но христианские народы и вместе с ними Европа могут утвердить свою личность не иначе как перед лицом *другого*. Всякая группа, какова бы она ни была, спланивается крепче всего перед лицом общего противника. Ислам на свой лад способствовал образованию Европы. Отсюда важность крестовых походов.

Причина третья: экономический, политический, демографический и культурный взлет дал Европе базу, фундамент, сплоченность, военную мощь, здоровье, которые понадобились ей, чтобы перенести все испытания.

Причина четвертая, самая важная: я показал, что первыми своими успехами Европа обязана Франции. Для нее ярмарки в Шампани были веком относительного процветания, но когда к концу века морские торговые пути одержали верх над сухопутными, Франция утратила свою ведущую роль в Европе. Франция очутилась в кольце других стран — это кольцо начинается в Северной Италии, идет через Гибралтар, доходит до Нидерландов, а оттуда через Германию и Альпы возвращается в Северную Италию. Отныне Франция станет зрительницей чужих успехов, хотя по меньшей мере дважды попытается вернуть себе былое величие. В сентябре 1494 года Карл VIII перейдет через Альпы, чтобы завоевать Италию, но это ему не удастся. В 1672 году Людовик XIV и Кольбер двинут французские войска против Голландии, но и эта кампания потерпит неудачу. Европейское окружение Франции предредило ее судьбу, поставило ей пределы. Уж лучше было в 1494 году или даже раньше пересечь Атлантический океан! Уж лучше было и в 1672 году обращать свои взоры исключительно в сторону Америки... Впрочем, все это мечты! Но разве мысленно переписывая историю, воображая ее иной, не начинаешь лучше понимать историю как она есть, во всей ее необратимости?

II

1450—1950: ВОСХОДЯЩАЯ КРИВАЯ, ДА ЕЩЕ КАКАЯ КРУТАЯ!

Рассматривать пять столетий, которые протекают с 1450 до 1950 года, плюс маленький отрезок времени, доходящий до наших дней, как одно целое, как один период — значит сознательно оставить в стороне множество перемен, множество совершенно удивительных событий нашего прошлого и попытаться уловить подспудные исторические процессы, которые ускользают от внимания обычных хроник. Многовековой материал обеспечивает самую лучшую перспективу, единственную, которая позволяет подвести исторические итоги.

Демографическая ситуация по-прежнему интересует нас в первую очередь. Повторяю, дело не в том, что я считаю ее определяющей саму по себе, но в конечном счете демографическая ситуация как ничто другое отражает все силы, вступающие в борьбу с историей, — скоропреходящие, постоянные, слабые, могучие... Она обобщает, она отсеивает лишнее. Пьер Шоню прав, говоря: «Для историка демографический показатель — определяющая величина, линия жизни, ватерлиния... Ведь где нет людей, нет истории»¹¹².

Представьте себе невозможное, представьте себе, что известны все цифры, вычерчены все кривые, которые нам могут понадобиться, что мы располагаем точными данными о населении, производстве, товарообороте, изменении цен — и что исследуемый период вполне обоснованно разделен на фазы. Это дало бы возможность констатировать по меньшей мере одно: несмотря на все известные нам бедствия, во Франции *никогда* больше не происходило катастрофического опустошения, похожего на то, что имело место в 1350—1450 годы. Ни одно *трагическое* событие не принесло столько смертей, ни одна мрачная бездна не разверзлась, чтобы поглотить треть или половину населения Франции. Сегодня такое губительное действие могла бы оказать только ядерная катастрофа.

По сравнению с роковыми событиями 1350—1450 годов все наши религиозные войны (1562—1598), все наши войны с другими государствами, войны Людовика XIV, Наполеона I или Второй империи попадают в разряд второстепенных бедствий и невзгод. Если я добавлю к перечню первую и вторую мировые войны, многие историки, и прежде всего историки военные, запротестуют, обвинят меня в кощунстве, поднимут скандал. Я их понимаю, но настаиваю на своей точке зрения.

Не слишком ли много тех, кто по привычке или по легкомыслию считает, что война — основное содержание мировой истории? Все войны несут с собой раны, неслыханные человеческие жертвы. К сожалению, это правда, и неоплатный долг вояк перед человечеством растет по мере того, как мы приближаемся к нашему времени. И все же раны, нанесенные войной, как они ни тяжелы, зарубцовываются. Окончание Столетней войны способствует взлету «долгого XVI века» (1450—1650), который восстановит основную массу населения в прежнем объеме как во Франции, так и за ее пределами. Кроме того, не следует забывать, что если депрессия 1350—1450 годов служила дорогой в ад, то война была в то время не единственным могильщиком. Не надо взваливать всю ответственность на плечи англичан: как я уже говорил, свою роль сыграли утрата глубинных жизненных сил, голод, экономический крах, период спада и, наконец, чума.

Другое дело — наши религиозные войны: во-первых, они никогда не продолжались так долго, никогда не затягивались на целое столетие и ограничились тридцатью шестью годами (1562—1598), да и в эти годы военные действия не продолжались непрерывно. Кроме того, военные действия в этот период ни разу не затронули все королевство в целом (см. карты в кн. 1, с. 91—92). И испанцы, которых обвиняли во всех смертных грехах, не сыграли такой роковой роли, как англичане в так называемой Столетней войне. Наконец, экономика страны во время религиозных войн оставалась здоровой, во всяком случае, более или менее здоровой, на что давно указывали Фрэнк Спунер ¹¹³, Анри Лапейр и я сам ¹¹⁴, хотя историографы не считались с нашим мнением. Есть мифы, которые историческая наука чтит, несмотря ни на что. Впрочем, отец Роже Молс, исключительный знаток истории европейских народов, все-таки написал в 1954 году в своем фундаментальном труде: «Рассуждая демографически, похоже, что [от религиозных войн] больше шума, чем зла» ¹¹⁵.

Не подумайте, что я недооцениваю урон, нанесенный междоусобными войнами, к которым я лично отношусь с отвращением. Я без труда воображаю себе разрушения, страдания, которые принесло с собой взятие Лиона протестантами в 1562 году, или героический «тур де Франс», «беспорядочное отступление вперед» Колиньи во время третьей войны, с октября 1569 года до лета 1570 года: «Несколько тысяч человек со своими изнуренными лошадьми запрудили дороги» и, чтобы «поправить свои дела», грабили мирных жителей ¹¹⁶, или два наступления Алессандро Фарнезе из Нидерландов, которые заставили Генриха IV в 1590 году снять осаду Парижа, а в 1592 году снять осаду Руана. Но

критерий истины для меня таков: *непохоже*, чтобы население нашего королевства уменьшилось за те тридцать лет, что мы вели религиозные войны, следовательно, этот период совершенно не сравним с настоящей Тридцатилетней войной (1618—1648), оставившей в Германии ужасный кровавый след.

То же касается войн Людовика XIV, которые он вел за пределами Франции, а также войн эпохи Революции и войн времен Империи: население Франции в эти периоды быстро возмещает свои потери и продолжает расти. Так было даже после окончания первой мировой войны, унесшей столько жизней, войны, в которой Франция потеряла от 1,5 до 1,8 миллиона молодых трудоспособных мужчин, и после второй мировой войны, в которой она потеряла 60 тысяч человек. В 1911 году население Франции насчитывает 39,6 миллиона человек, в 1921 году — 39,2 миллиона (включая Эльзас и Лотарингию с их 1,71 миллиона жителей), в 1936 году — 41,9 миллиона, в 1946 году — 40,5 миллиона и в 1983 году — 54,6 миллиона человек.

Если, глядя на эти цифры, читатель отбросит сентиментальные соображения, что, конечно, нелегко, то он увидит, что, независимо от войн и прочих неблагоприятных обстоятельств и превратностей судьбы, глубинные силы с XV века оживляют, поддерживают, питают население Франции, как и население всех других стран мира, и этот неиссякаемый источник позволил ему преодолеть гнет, испытания, несчастья. «Подлинным «секретом» населения, — как справедливо говорит Пьер Губер, — можно считать его способность к выживанию»¹¹⁷. Эту проблему я и хотел бы рассмотреть в первую очередь.

Последовательные фазы. Для простоты разделим интересующую нас эпоху на четыре периода: с 1450 года до 1600 года население Франции более или менее (скорее менее) достигает численности, которую имело до 1350 года; с 1600 до 1750 года происходит незначительный рост, скорее застой; с 1750 до 1850 года — очевидный подъем, вначале крутой, потом более плавный, но непрекращающийся. После 1850 года подъем продолжается, причем возникают новые проблемы, связанные с успехами в области медицины и здравоохранения, с применением противозачаточных средств и иностранной иммиграцией. Об этом последнем периоде мы поговорим отдельно, а для начала ограничимся тем, что рассмотрим три первых.

а) С 1450 года по 1550—1600 годы. Первый, очень резкий взлет начинается еще до того времени, которое мы называем эпохой великих географических открытий, имея в виду открытие Америки в 1492 году и открытие морского пути из Европы в Индию Васко да Гамой в 1498 году. Таким же образом в Средиземноморье демографический подъем не ждет, пока христианские народы, потесненные было турками, вновь одержат над ними верх в битве при Лепанто в 1571 году. Не следует преувеличивать и роль Восточной Европы, Прибалтики с ее поставками пшеницы и ржи Западу, потому что Амстердам становится мощным рынком перераспределения поступающего из Прибалтики зерна только в 40-х годах XVI века. Западу понадобится посторонняя помощь, чтобы прокормиться, только тогда, когда его население вырастет гораздо сильнее.

Вывод: Франция и Западная Европа (в едином порыве) нашли в себе самих причины и средства для восполнения потерь. Процессы, с которыми мы здесь сталкиваемся, носят *эндогенный* характер.

Итак, стоит ли говорить, что, упав до нижней точки, население Франции снова стало расти словно само собой, благодаря тому, что воцарился мир? Падение было резким, и последствия его значительными. Человек стал такой редкостью, что обширные пространства, отвоеванные некогда у лесов и болот и ставшие тучными нивами, вновь заросли деревьями и кустарниками. Все пришло в запустение. В Нормандии один из депутатов генеральных штатов 1484 года заявляет, что «между Дьеппом и Руаном... ни от одной дороги не осталось и следа; нет ни ферм, ни людей, только несколько разбойников еще рыщут по округе»¹¹⁸. Между Уазой и Марной (эта местность особенно пострадала во время войны) целые деревни, деревушки, фермы были стерты с лица земли. Чтобы отстроить разрушенное заново, нужны деньги — много денег, нужны люди — много людей, и нужно время — много времени. Иногда целое столетие. Очень часто сеньоры снова завладевают землями, но они с трудом находят новых цензитариев *, чтобы привести все в порядок, восстановить дома и подсобные помещения, обработать поля. Тогда им приходится отдавать отдельным крестьянам или группам крестьян землю в долгосрочную аренду на выгодных условиях.

То же самое происходит в обезлюдевшем Лангедоке: пустоши, словно проказа, покрыли каменистые холмы, нет проходу от диких зверей, «бурые севеннские медведи в огромном количестве переселяются на

* Цензитарий — феодально зависимый крестьянин, плативший натуральный или денежный оброк (*примеч. ред.*).

склоны гор Эгуаль и Эсперу; стада оленей бродят по пустошам и зеленым дубравам, в Коссе полно волков; куропатки становятся такими же привычными птицами, как куры; и до начала XVI века крестьянам позволяют совершенно свободно охотиться на дичь, ибо кажется, будто она никогда не переведется»¹¹⁹.

Вторично отвоевать у природы плодородные земли — дело нелегкое, оно совершается медленно, трудами многих семей, снова объединяющихся под властью старейшины: «Они живут одной семьей, едят из одного котла»¹²⁰. И вдобавок — приятная неожиданность — население снова начинает расти, да так быстро, что современники удивляются. В Лангедоке в середине XVI века, по словам одного из них, «люди плодились, как мыши в амбаре»¹²¹.

Так обстояли дела по всей Франции. Вокруг Бар-сюр-Сен, в 1477—1560 годах «жевика, терновник и другие кустарники отступают перед лемехом плуга и зубьями бороны»; пшеничные поля, виноградники, луга снова покрывают отвоеванные земли¹²². Не в меньшей степени, чем развитие сельского хозяйства, на благоприятную обстановку указывает строительство. Одни церкви ремонтируют, другие строят. С 1505 года по 1560 год строится церковь Сент-Этьенн в Бар-сюр-Сен. С 1527 года по 1549 год строится менее крупная церковь близ Рюмийи¹²³. Далеко отсюда, в Сент-Антонене (Коссе) в конце XV — начале XVI веков наступает подлинный архитектурный ренессанс¹²⁴. Таким образом, церкви и новые дома плодятся так же быстро, как люди. Около 1572 года Франция, по мнению Брантома, «набита битком»¹²⁵. Людская волна захлестывает всю Европу, Англию, Италию, Испанию. В Германии один баварский гуманист, Авентинус, пишет: людей так много, что кажется, «будто они растут на деревьях...»¹²⁶ Даже Османская империя охвачена общим демографическим подъемом¹²⁷.

Возвращаясь к Франции, отметим, что особенно мощным подъем был вначале; затем начинается замедление и даже остановки. «Весна XVI века», говоря словами Ришара Гаскона, затихла где-то после 1520 года. На самом деле, начиная с этой даты — не перенаселение ли тому виной? — цены начали расти, а поскольку заработки растут не так быстро, как цены, благосостояние падает. Но парадоксальным образом — впрочем, это только кажется парадоксом, — в течение великой депрессии XIV—XV веков, пока людей не хватало, цены на сельскохозяйственную продукцию были низкими и в обширных лесах водилось много дичи, так что еды хватало всем: и крестьянам, и горожанам¹²⁸. Теперь стало меньше хлеба, меньше вина и гораздо меньше мяса. И в середине века, между 1550 и 1560 годами, наступает десятилетняя депрессия,

которая в *общих чертах* совпадает с мрачными годами царствования Генриха II (1547—1559).

В какой-то момент — трудно сказать, когда именно — население в основном восстановило свои потери. К 1550 или 1570 году людей стало *приблизительно* столько же, сколько было двумя веками раньше. Пьер Шюню говорит по этому поводу о компенсации, о возмещении ущерба, о возвращении к исходному равновесию. Это не просто стилистический прием, но отправная точка для объяснения. Значит, вполне возможно, что возврат к равновесию произошел сам собой, под воздействием живой, спонтанной силы, которую сдерживали смуты и бедствия предшествующей эпохи.

Но что это за живые силы? Вот в чем вопрос. Не так уж важно знать, достигло население прежнего уровня или нет, достигло оно его полностью или не совсем, произошло это в 1550 году, в 1600 или даже позже. Поскольку мы точно не знаем, а часто даже и приблизительно не представляем себе, какова численность населения по соседству с этими датами, вопрос остается открытым ¹²⁹. На самом деле споры идут не о росте населения, ибо никто не сомневается, что он имел место, — но о движущей силе этого роста. Гноившаяся с 1350 по 1450 год рана зажила, зарубцевалась. Люди восторжествовали над историей. Быть может, причина в том, что на Францию стали реже обрушиваться бедствия (чума, эпидемии, недород, голод), быть может, в том, что появились новые источники пищи (неиссякаемые рыбные промыслы Ньюфаундленда, прибалтийское зерно, недавно вошедшая в обиход гречиха), быть может, дело в общем подъеме экономики (всякая рана в XVI веке, любил повторять Дж. Хэмилтон — и то же самое говорит Ги Буа ¹³⁰ — заживала сама собой). Наконец, свою роль сыграл приток драгоценных металлов из Америки, который оживил верхние слои экономики и, вероятно, затронул всю их толщу.

б) С 1600 по 1750 год. Начиная с 1600 года население растет медленно, почти незаметно; кривая его роста в течение полутора веков держится на одном уровне. В то же время темпы экономического развития замедляются, новые технические изобретения не появляются, на Францию обрушивается цепь испытаний — пять крупных периодов голода и эпидемий, охватывающих всю страну: 1630—1631 годы, 1640—1652, 1661—1662, 1693—1694, 1709—1710 годы ¹³¹. Последний кризис оставил по себе страшную память, но нет никаких оснований считать, что предыдущий — 1693—1694 годов — не был еще более глубоким. Но они не привели к значительному уменьшению населения.

Кризис 1640—1652 годов, который начался еще до Фронды (1648—1653) и продолжался почти до самого ее окончания, немало способствовал усугублению жестокой распри. Я полагаю, что невзгоды этих лет сильнее сказались на населении нашего королевства, чем религиозные войны, которые не мешали процветанию Франции. Экономическая обстановка во времена Фронды ужасна. Городам приходится открывать свои ворота и впускать крестьян, которые спасаются от солдат, грабящих их в поисках съестных припасов: в Реймсе окрестные крестьяне, «укрывающиеся в городе» вместе со своими коровами, каждый вечер перед закрытием городских ворот покидают стены города, чтобы под покровом темноты пробраться к себе на ферму и принести корм скоту, и возвращаются только под утро, «к открытию ворот»¹³². Так происходит не только в Реймсе, но и в Корби, в Сен-Кантене, в Перонне... И вот результат: города заполнены незваными гостями, деревни разорены и безлюдны, урожай погиб.

От этих невзгод страдают все: взрослые, дети, даже еще не родившиеся младенцы (голод часто нарушает гормональные циклы у женщин: это было отмечено, например, во время блокады Ленинграда в последнюю войну). Эмманюэль Леруа Ладюри говорит в этой связи о мальтузианском ритме жизни. Детская смертность делает свое черное дело. Как пишет Пьер Губер, «из каждых двух мальчиков только один вырастал в зрелого мужчину»¹³³. Смерть стоит в центре обыденной жизни, как церковь в центре деревни¹³⁴. Достигает ли в те времена средняя продолжительность жизни хотя бы тридцати лет?

Если верить в симметрию, то в середине XVII века должна была бы произойти катастрофа, рождаемость должна была бы уменьшиться так же резко, как в 1350 году: одни и те же предпосылки приводят к одним и тем же следствиям. Но процесс не повторяется в точности. Крушения не происходит. Общая картина (ибо в разных областях дела обстоят по-разному, иногда даже на какое-то время возникают противоположные тенденции, например, в Шербуре и Эльзасе или Провансе)¹³⁵ — это картина «необычайной стабильности, со своими приливами и отливами», иногда сильными, но уравнивающими друг друга¹³⁶. Похоже, равновесие устанавливается вокруг демографического оптимума: всякий раз, как он оказывается превышен (норма рождаемости по-прежнему высокая), происходит кризис и уносит «сотни тысяч несчастных». После чего устанавливается явный перевес рождаемости над смертностью. «Потолок населения в конечном счете держится на относительно постоянном уровне. Он прошел через все испытания: эпидемии чумы, голод, Фронду, потом долгую войну за испанское наследство (впрочем, я не

считаю последствия этой войны такими уж трагическими). Не поколебало его и изгнание протестантов (Францию покинуло от 200 000 до 300 000 человек) после принесшей столько бедствий отмены Нантского эдикта (1685 г.)

Отчего установилось это относительное равновесие? Здесь действовало несколько причин, впрочем, весьма различных в различных регионах, хотя бы из-за неравномерного распределения новых культур, завезенных из Нового Света. Картошка и маис окончательно привились только в XVIII, а то и в XIX веке. Но одни регионы освоили новые культуры раньше, другие позже. На юго-западе маис появился очень рано: около 1640 года он уже встречается на рынках Тулузы и Кастиль-нодари¹³⁷; в конце века он так широко распространился в Беарне, что «занял первое место среди культур интенсивного типа»¹³⁸. Разве он не является здесь «пищей простолюдинов?» Так же и в Комминже, где он одновременно является пищей сельскохозяйственного рабочего, сырьем для пива и кормом для свиней и гусей.

Такую же роль, какую на юго-западе играет маис, в Бретани начинает играть гречиха: она становится пищей простых людей. Наверно, именно поэтому Бретань становится экспортером зерна и вывозит его в течение всего XVII века¹³⁹.

На востоке Франции для гречихи почти не осталось места, там главенствует картофель. В Дофинэ и Эльзасе около 1660 года, в Лотарингии в 1680 году картофель, который уже давно растет в огородах, начинают сажать на полях¹⁴⁰. В конце XVII века его выращивают в Эльзасе столько, что с него решают брать десятину. В следующем столетии, начиная с 1740—1750 годов, на пятьдесят лет раньше, чем во всей остальной Франции, в этих регионах начнут вместо зерна все шире употреблять в пищу «готовый хлеб», не сильно сократив при этом посевы пшеницы: картофель, не требующий много навоза для удобрения, занимает поля под паром. Отныне все пахотные земли обрабатываются каждый год. Для Этьенна Жюйяра «это повсеместное распространение картофеля [ибо он постепенно становится достоянием всей Франции] означает конец регулярных недородов»¹⁴¹.

Другая причина благоденствия Франции, как и всей Европы, заключается в притоке серебра — белого металла — из Нового Света. Историки долгое время считали, что поступление серебра прекратилось или, во всяком случае, сильно сократилось начиная с 1600 года — к таким выводам пришел в результате своих новаторских изысканий Джефферсон Хэмилтон¹⁴². Последующие работы Пьера и Юетты Шоню доказывали, что это произошло после 1610 года¹⁴³. Недавно Мишель

Морино, основательно изучив голландские газеты тех времен, установил, что это случилось еще позже: в 1650 году¹⁴⁴. Значит, перерыв был довольно коротким: в самом деле, горнодобывающая промышленность Нового Света вновь оживится в 1680-х годах, таким образом, прогресс Америки, несмотря на все неблагоприятные условия, застыл всего на тридцать лет.

Если придерживаться этих дат — 1650—1680 — как возможного рубежа, то возникает соблазн разделить наш период надвое, по одну и по другую сторону этого тридцатилетия. Предшествующие полвека — 1600—1650 — экономическое положение было не блестящим, но вполне благополучным. Затем наступили более мрачные времена — 1650—1750, — которые протянулись дольше, чем царствование Людовика XIV (1661—1715).

Начало XVII века, вероятно, не было периодом глубокой депрессии, как его часто называли. Иначе как объяснить, если обратиться конкретно к Франции, что после своего второго и окончательного прихода к власти (1624 г.) Ришелье увеличивает, удваивает и утраивает налоги? Невозможно так сильно завернуть налоговые гайки, если национальный продукт (то есть число налогоплательщиков и сумма их доходов) не растет или по крайней мере не держится на довольно высоком уровне.

Материальное положение Франции в целом ухудшается начиная со времен Фронды (1648—1653). Цены сильно колеблются. Так, Пьер Губер показал, сколь причудлив цикл с 1656—1657 годов до 1667—1668 годов, названный «циклом прихода к власти», — его кривая поднимается и опускается почти вертикально¹⁴⁵. Однако эти скачки в некотором роде приводят к тому же, что и многолетний недород: крестьянин, как улитка, забивается в свою скорлупу — любимый образ Витольда Кула¹⁴⁶ — и выходит из нее только тогда, когда все утихает или кажется, что утихло. Цены и правда опускаются не скоро, но всегда ли «фаза В» неблагоприятно сказывается на уровне жизни простых людей? Если подсчеты Фрэнка Спунера верны, валовой национальный доход в 1701—1760 годах держится на одном уровне — между 1200 и 1500 миллионов ливров¹⁴⁷. Население к 1700 году насчитывает около 20 миллионов человек: это выше уровня великого могущества, который Карл Юлиус Белох в начале XX века определял в 17 миллионов жителей¹⁴⁸.

в) С 1750 по 1850 год. Относительно этого бурного столетия, рассеченного надвое превратностями Революции и Империи (1792—1815), мы располагаем более достоверными сведениями, чем отно-

сительно предыдущих периодов, и сведения эти становятся год от года все более точными. Кроме того, в нашем распоряжении замечательный путеводитель по демографическим вопросам¹⁴⁹ и основополагающие труды¹⁵⁰.

Мы не будем вдаваться в подробности (в частности, вступать в споры о ценности и правилах использования документов). Мы не будем слишком четко разграничивать периоды: слишком быстрый рост населения в 1743—1770 годах, перенаселение, ставшее заметным в 1770—1778 годах, вновь появившиеся кризисы в 1779—1787 годах (но кризисы неявные, сглаженные, если сравнивать их с кризисами XVII века), наконец, после эпохи Революции и Империи — рост населения, незначительный, но все-таки рост: население продолжает увеличиваться до 1850 года (хотя и гораздо медленнее, чем во всех других странах Европы: с 1801 года до 1851 года население Франции увеличилось на 30 процентов, между тем как в Европе оно выросло на 50 процентов, а в Англии на 100 процентов).

В этом отношении, как и во многих других, в разных регионах дело обстоит по-разному, но цифры позволяют судить о том, что население Франции пребывает в относительно добром здравии: в 1789 году во Франции насчитывается 26,3 миллиона жителей¹⁵¹, в 1801 году — 27,3 миллиона, в 1806 году — 29,1 миллиона, в 1821 году — 30,5 миллиона, в 1826 году — 31,9 миллиона, в 1831 году — 32,6 миллиона, в 1836 году — 32,5 миллиона, в 1841 году — 34,2 миллиона, в 1846 году — 35,4 миллиона, в 1851 году — 35,8 миллиона жителей. Этот взлет, приостановившийся между 1831 и 1836 годами (холера 1834 г.), кажется исключительно важным явлением.

Право, разве это не удивительно? Разве не довольно оснований для всеобщего истощения? Кризис королевской власти, недород 1788 и 1789 годов, которые способствовали свержению королевского строя, плюс цепь испытаний, которая начинается с объявления Францией войны Австрии в апреле 1792 года и не прекращается до 1815 года: эмиграция (приблизительно 180 000 человек), потери в сражениях (1 200 000 человек) плюс 400 000 убитых во время жестоких вандейских схваток. Все это вкупе с перераспределением состояний, новыми перспективами восхождения по общественной лестнице, переворотом в умах, новыми законами образует множество факторов, отразившихся на демографической ситуации, и их последствия продолжают сказываться и после 1815 года¹⁵².

Однако население Франции, судя по всему, преодолело неблагоприятное стечение обстоятельств. Оно пережило трудные годы Рестав-

рации, Июльской монархии и недолговечной Второй Республики (1848—1852). Тут нас снова ждет сюрприз. Ибо историки признали, что с 1817 по 1851 год кривая экономического цикла Кондратьева идет вниз, то есть эти три режима характеризует постоянное и даже прогрессирующее ухудшение экономического положения вплоть до глубокого кризиса 1847—1848 годов, являющегося классическим примером «кризиса Старого порядка», который, проистекая, так сказать, из развала сельского хозяйства, способен подорвать изнутри всю экономику¹⁵³. Этот кризис — вероятно, последний кризис старого типа, он обозначает рубеж. Впоследствии, когда Франция станет промышленной державой, ее постигнут другие кризисы различной природы, но наше население вновь преодолет все преграды и трудности.

Для сторонников традиционного направления в истории столетие 1750—1850 неоднородно, ибо в политическом отношении его разделяет падение Старого порядка, а в экономическом — первые шаги промышленной революции. Историки-демографы, наоборот, приходят к выводу, что с эпохи Людовика XV до принца-президента Луи-Наполеона, будущего Наполеона III, судьба населения Франции представляет собой единое целое. Следуя им, можно утверждать, что конец XVIII века уже до некоторой степени тяготеет к современности и что начало XIX века очень многим обязано Старому порядку. Один историк, Андре Ремон, имел привычку во время наших бесед, проходивших сравнительно недавно, повторять, что Гизо был человеком прошлого века, имея в виду, что тот был человеком XVIII века, — просто для Ремона прошлым веком был век XVIII. Что же касается меня, то я полагаю, что у народонаселения своя история и события и уроки обычной истории не связаны с ней напрямую: исторические события накладываются на нее, но если и нарушают ее ход, то ненадолго.

Какой причиной или причинами объясняются демографические процессы, совершившиеся до 1850? Изменение численности населения следует рассматривать в полном объеме (1450—1950 и позже). И правда, это обширная проблема, ибо доминанта не вызывает никакого сомнения: имел место общий подъем. Но каковы его причины, общие и частные?

Эти причины связаны в первую очередь с болезнями и питанием. Важно то, что в 1720 году чума исчезает из Франции, что начиная с 1450 года население нашей страны болеет ею реже, что оно приспособилось, научилось сопротивляться хвори. Оспа медленно, но верно отступает,

а в XIX веке исчезает вовсе, гигиена в этом столетии значительно улучшается, в медицине, во всяком случае после 1850 года, происходят коренные изменения, улучшается стационарное лечение, после второй мировой войны разворачивается система социального обеспечения... Это очень важные даты, очень важные процессы.

Но не следует ли, во вторую или даже в первую очередь, указать на такие же коренные изменения в режиме питания? У немцев есть выражение, ставшее пословицей: «Что ты ешь, то ты есть». Так вот, человек питается все лучше и лучше. Эволюция идет медленно, но верно, она обеспечивает повышение или поддержание уровня жизни населения. Да, прогресс нетороплив, но ведь Франция, как и вся Европа, по сути своей страна сельскохозяйственная; поля, посевы, излишки сельскохозяйственной продукции образуются не вдруг. До 1200 года во Франции одно посеянное зерно приносило три зерна урожая, между 1300 и 1500 годом — 4,3 зерна, а между 1500 годом и 1820 годом — 6,3 зерна. Эти показатели, которые я привожу, опираясь на заслуживающие полного доверия расчеты Б. Х. Сливхера Ван Бата, кажутся нам очень низкими, но все же за три века они выросли более чем вдвое¹⁵⁴. Они говорят о глубинных процессах, которые, несомненно, многое объясняют. Вдобавок, как мы уже говорили, в Европе неожиданно появляются и все шире распространяются культуры, завезенные из Нового Света, — кроме того, все больше продуктов питания доставляют из-за границы: в Марсель давно уже привозят пшеницу из стран Средиземноморья (в XIX веке на смену зерну из стран Леванта и Северной Африки придет украинское зерно); со второй половины XVI века начинают поступать пшеница и рожь из Прибалтики, рыба из Северного моря и еще больше из Ньюфаундленда: в конце XVIII века пшеница и бочки с мукой прибывают из США. При этом учтите, что жизнь во Франции при Старом порядке, несомненно, была более дешевой и, следовательно, более зажиточной, чем у ее главных соседей¹⁵⁵.

Результатом всех этих улучшений явилось увеличение средней продолжительности жизни, иными словами, старение населения. Демографы, по всей видимости, должны считать началом этих преобразований, которые продолжались, становясь все глубже и глубже, до наших дней, 1750 год. Сегодня кое-кто так тревожится по поводу этих перемен, словно победа над смертью не стала главным и во многих отношениях самым отрадным явлением современности. Нам говорят — стоит ли относиться к этому серьезно? — что завтра трудоспособного населения окажется недостаточно, чтобы прокормить стариков. Но ведь завтрашняя промышленность не будет похожа на сегодняшнюю. Кроме того, нет

никакой уверенности в том, что численность трудоспособного населения уменьшится, а пенсионный возраст останется без изменений.

Мне кажется, существует тенденция считать, что Европа эксплуатировала бедные, менее развитые народы и была в привилегированном положении. Что она жила за счет этих привилегий, этих преимуществ, что она черпала в них свое величие. Я не хочу сказать, что в общем и целом такое объяснение неверно. Но его необходимо уточнить.

Экспансия Европы, начавшаяся крестовыми походами и вновь оживившаяся в эпоху Великих географических открытий, привела к регулярной и массовой эксплуатации не вдруг. Миграции европейцев в другие части света долгое время были весьма редкими. Более того, если подсчеты Поля Бэроша верны (а я думаю, что они верны), уровень жизни в Европе еще в 1800 году был ненамного выше, чем уровень жизни в других крупных регионах мира, например в Китае¹⁵⁶. И только триумф промышленности возвышает Европу, обеспечивает ей привилегированное положение. Ведь промышленная революция — плод сложных и поздних преобразований в экономике, в технике, в обществе, а также в сельском хозяйстве, все больше становящемся на научную основу и приобретающем все большую эффективность; переворот в сельском хозяйстве имеет особую важность, а между тем многие страны Третьего мира так и не совершили его, ибо это возможно только стараниями нескольких поколений крестьян. Короче говоря, выходит, что Европа, в том числе и Франция, развивались прежде всего за счет своих собственных ресурсов. Эта поправка несколько оправдывает нас с точки зрения морали. Успех был плодом победы над собой.

III

ПРОБЛЕМЫ ПОСЛЕДНЕГО ВРЕМЕНИ: УСПЕХИ МЕДИЦИНЫ, ПАДЕНИЕ РОЖДАЕМОСТИ, ИНОСТРАННАЯ ИММИГРАЦИЯ

Не думайте, что в эпоху, которую с полным основанием можно назвать *современной* и которая началась после 1850 года, все, в отличие от прежних времен, просто и ясно. В нашем распоряжении в сто раз больше данных. Но они слишком часто заслоняют от нас общую картину.

С 1850 года по 1985 год население Франции, производство Франции, национальный доход Франции, наследственное имущество и благосостояние французов все время росли. Год от года становилось все больше машин, все больше шоссежных дорог, все больше железных дорог, все больше доменных печей, все больше железа, чугуна, стали, сукна, хлопчатобумажных тканей, шелка, все больше студентов в наших университетах и все больше жителей в нашей стране... Уровень жизни повысился. Валовой доход страны, как и доход *pro capite* *, неуклонно росли. Даже в самых отсталых регионах нашей страны оплата труда лесорубов, угольщиков, пильщиков все время повышалась ¹⁵⁷. Я не хочу сказать, что все к лучшему в этом лучшем и справедливейшем из миров: даже в Париже народные массы слишком часто живут в нищете. Но происходит заметное улучшение — несмотря на все тревоги и испытания, в которых не было недостатка.

Я думаю, нет нужды слишком долго распространяться об этом прогрессе, о нашей принадлежности к привилегированной части человечества — к населению индустриальной Европы, — тем более что читатель может обратиться к сопровождающим нашу книгу графикам и таблицам, которые неопровержимо свидетельствуют о темпах этого развития. Оставив в стороне эти скучноватые материи, мне будет легче выделить три существенные, на мой взгляд, проблемы, которые приближают нас к пониманию современной эпохи.

1. Каковы чудодейственные улучшения, которые, благодаря медицине и прогрессу в обществе и в экономике, у нас на глазах изменили биологические условия жизни населения Франции и других высокоразвитых стран?

* На душу населения (*лат.*).

2. Какую роль играет в нашем обществе широкоизвестное распространение противозачаточных средств, которые столько ругают?

3. Как определить растущую и внушающую по ряду причин тревогу роль иностранной иммиграции в балансе населения Франции сегодня и, главное, завтра?

Но прежде чем пойти дальше, я хочу сказать, чтобы пояснить свою мысль:

1. Что на последующих страницах я не предлагаю от имени неустоявшейся истории, которая только что развернулась или еще разворачивается у нас на глазах, *решение* проблем, которые стоят перед нами. Я не политический деятель, не ответственное лицо, не моралист. Если бы решение зависело от меня, то я бы постоянно имел в виду: от того, что *нужно сделать*, до того, что *можно сделать* в конкретных обстоятельствах,— огромное расстояние, и часто бывает так, что сделать почти ничего нельзя. Франции, увы, предстоит не столько строить свою судьбу, сколько нести свой крест. Я об этом заранее сожалею.

2. Не доверяйте тому, что подскажет вам ваша *совесть*, потому что она в этих спорах заинтересованная сторона. Настоящее требует научного наблюдения. Но по нашей собственной вине *объективное* настоящее имеет тенденцию прятаться. Тем более что общественные «науки» несовершенны и рискуют еще долго оставаться таковыми.

Как же тогда устранить моральные соображения? Они спонтанно, логически видоизменяют само поле наблюдения. В математике морали нет, это очевидно. В физике есть всего несколько опасных зон — зато очень опасных. В биологии мораль вечно ворчит и не собирается молчать. В общественных науках дело обстоит еще хуже: здесь мораль охотно возвышает голос, особенно если вы имеете неосторожность заниматься актуальными вопросами или прогнозами на будущее. Заниматься прошлым еще куда ни шло! Но в сегодняшней или завтрашней истории каждый считает себя специалистом. Нравственность, наши моральные соображения вмешиваются во все. Мне тоже не удастся вовсе от них избавиться. Но я все-таки попытаюсь не дать им воли.

Медицина и здравоохранение. Несомненно, нет истории более увлекательной, чем история медицины. Несомненно и то, что нет истории более сложной, более запутанной, более трудной для описания. Вероятно, все дело в том, что, как я уже не раз говорил, не бывает истории частной или частичной — будь то история медицины или любой другой науки,— которая не затрагивала бы обширного пласта всеобщей истории.

Многие врачи думают сегодня, что нет ни смысла, ни практической пользы изучать прошлое медицины. Они не понимают, зачем нам знать, что было до 1945 года и еще раньше. Однако открытие пенициллина, которое назревало уже десятки лет, было сделано Александром Флемингом в 1929 году; гепарин, натуральное противосвертывающее средство, «которое сильно продвинуло вперед исследования и лечение сердечно-сосудистых заболеваний, был открыт в Швеции» во время второй мировой войны...¹⁵⁸ Но все это уже стало частью недавней истории, а пропасть между вчерашней и сегодняшней медициной действительно огромна и вдобавок делается с каждым днем все глубже.

Когда-то, читая лекции в Коллеж де Франс, я страстно увлекся работами Амбруаза Паре (около 1509—1590). Я думал, что хирургические инструменты мало изменились с XVI века до наших дней. На первый взгляд, так и есть, но даже почти одинаковые инструменты, будь то простой скальпель, теперь используют совершенно по-другому, как указывает Жан-Шарль Сурниа, хирург и вдобавок сведущий историк медицины. «Самый простой жест хирурга,— пишет он,— например, надрез кожи, сегодня делается не так, как во времена Гиппократы: нынешний скальпель не то, что тогдашнее лезвие, у него не такое острие, не такая ручка; [нынешний] хирург лучше знает анатомию, это позволяет ему следить за тем, как лезвие проникает в органы, и избежать лишней потери крови, он внимательно наблюдает за движением инструмента. Следовательно, он держит свой инструмент не так, как Абулькасси, не так, как Амбруаз Паре, наверно, даже не так, как Фарабейф в середине прошлого столетия. Его ладонь, предплечье, плечо, все тело находятся в другом положении»¹⁵⁹. Что касается современных инструментов, употребляющихся в оперативной хирургии и микрохирургии и все время совершенствующихся, то они сложны и точны, как никогда.

Но это никак не отменяет того факта, что история медицины, неиссякаемый поток идей и дел являются неотъемлемой и полезной частью общей истории. Как лечили людей? Как изучали тело, болезни, здоровье? Как власти, в частности власти городов, осуществляли охрану здоровья, следили за состоянием и улучшением медицинского обслуживания? Все это играло очень важную роль в истории обществ.

Кроме того, долгая история медицины, пронизывающая всеобщую историю, которая разворачивается одновременно с ней, выявляет некоторые черты и структуры, присущие любой медицине, включая современную. Тот, кто прочтет прекрасные книги Джорджа Кангилхэма, философа и историка естественных наук, узнает, что нынешняя медици-

на, которая считает себя ни больше ни меньше как наукой, занимающейся экспериментированием, все еще полна априорных понятий, точь-в-точь как во времена витализма Мари-Франсуа-Ксавье Бишá (1771—1802); снова прибегнув к удачному выражению профессора Сурниа, их можно назвать мифами. Впрочем, мифы — если даже они в самом деле являются таковыми — нынче быстро сменяют друг друга, и изучение механизмов жизни и деятельности клетки идет вперед семимильными шагами.

Перелом, фундаментальный сдвиг произошел в середине XIX века. За несколько лет в науке был совершен полный переворот. Как замечает профессор Жан Бернар, медицинская помощь «стала по-настоящему эффективной только в середине XIX века, когда всего за шесть лет (1859—1865) были сделаны фундаментальные открытия Дарвина, Пастера, Менделя, Клода Бернара, которым предстояло положить начало современной медицине и той революции в биологии, которая совершается у нас на глазах»¹⁶⁰. К именам, которые называет Жан Бернар, добавим по меньшей мере еще одно имя: Франсуа Мажанди (1783—1855), который был учителем и предшественником Клода Бернара в Коллеж де Франс. Сразу после Французской революции, которая своей сокрушительной силой развалила старый Медицинский факультет, Мажанди душой и телом предался всепоглощающим поискам нового, а это повлекло за собой бесконечную и беспощадную полемику со всеми коллегами. В изучении медицины и физиологии он опирался на уже сложившиеся науки, которыми были в то время физика и химия. Благая мысль: так он стал основателем экспериментальной медицины. Этот подвиг обеспечивает ему особое место в цепи ученых новаторов, так же как Эваристу Галуа (1811—1832), его младшему современнику, гениальному математику, убитому на дуэли в двадцатилетнем возрасте и успевшему сформулировать перед смертью современную теорию алгебраических уравнений.

Судя по всему, Мажанди — равно как и Клод Бернар (1813—1878) — лучше всех понимали, что живут в новую, революционную для медицины эпоху. Эмиль Литтре (1801—1881) говорил о Мажанди после его смерти: «Он был чужд, даже враждебен всякой истории. Старые методы, способ рассуждения, способ экспериментирования, тенденции — все казалось ему недостойным внимания серьезного ученого. Он не искал корни науки в предыдущих эпохах»¹⁶¹. Того же мнения придерживался и Клод Бернар; он категорически заявлял, что «нынешняя наука непременно выше, чем наука прошлого, и нет ни малейшего повода связывать успехи современной науки с познаниями старых наук.

Их теории непременно ошибочны, ибо они не содержат в себе фактов, открытых после них, и потому не могут иметь никакой практической пользы для современных наук»¹⁶².

Попытаемся понять эти несправедливые утверждения: Мажанди и Бернар страстно и настойчиво берутся за создание медицинской науки, основывающейся на чистом эксперименте. Революционеры в полном смысле этого слова, они борются против «Старого порядка», которому подчиняется все вокруг — учреждения, больницы, наука, образование... Впрочем, пройдет еще немало времени, прежде чем совершенная ими революция будет оценена по достоинству — такова судьба всякого коренного переворота. Тем более что его основы — физика, химия, биология — сами находятся в стадии становления, развиваются неровно, рывками, переживая свои победы и поражения. Новая медицина будет складываться медленно, будет осознать себя не спеша, вначале благодаря клинической, потом благодаря лабораторной медицине. И эта медицина станет эффективной только после того, как государство и Министерство здравоохранения обеспечат ей свою помощь и поддержку.

В мою задачу не входит анализировать медленное вызревание революции, которая сама по себе не менее, если не более важна, чем современное освоение космоса, — этому посвящены прекрасные книги. Я хочу только вскользь сказать о влиянии этих чудес на жизнь пятидесяти четырех миллионов человек, которые насчитывает последняя перепись населения в 1982 году. Влияние это проявилось уже давно. В ноябре 1949 года, когда я начал преподавать в Коллеж де Франс, я был не так уж молод, но многие мои студенты были гораздо старше меня; я говорил им: «Нет никакого сомнения, что во времена Франциска I, основателя Коллеж де Франс, такое собрание слушателей и лекторов, как наше, было совершенно невысказано. Чудо недавней истории — неожиданное увеличение продолжительности жизни». Уменьшение смертности — это действительно, как писал недавно Альфред Сови, «победа над таким заклятым врагом, как смерть»¹⁶³.

Я не хочу сказать, что эта победа одержана благодаря одной лишь медицине, здесь тысяча причин: развитие коммуникаций, международное соревнование, массовый выпуск чудодейственных лекарств, прививки, открытие в 1831 году хлороформа и его применение начиная с 1847 года, лучи X, лазер, успехи электроники, оптики, заморозка, пересадка органов, операции на открытом сердце, лечение сердечно-сосудистых заболеваний, непрекращающаяся борьба с раком... Согласимся, что война с болезнями на всех фронтах — то есть спасение жизни милли-

онов и миллионов людей — гораздо важнее для рода человеческого, чем наши жалкие политические войны, даже самые разрушительные.

Факты таковы: средняя продолжительность жизни у нас сегодня составляет 71 год для мужчин и 79 лет для женщин. Около 1900 года средняя продолжительность жизни мужчин была 46 лет ¹⁶⁴.

Это обязывает нас присмотреться к нашим перспективам, о которых мы обычно толком не задумываемся, ибо исходим в своих рассуждениях только из одной точки зрения, забывая о том, что будущее есть скрещивание линий, взаимодействие, порой самое неожиданное, разнонаправленных движений. В 1942 году некий демограф предсказывал, что через сорок лет во Франции будет 29 миллионов жителей, а нас нынче 54 миллиона. Другой демограф объявляет сегодня, что к 2100 году — если ничего не случится — нас останется 17 миллионов. Нас к этому времени уже не будет, и мы не сможем убедиться в его ошибке, но в том, что он ошибся, сомнений нет. Нас уверяют также, что если все пойдет и дальше так, как идет, то скоро у французов не хватит рабочей силы, чтобы платить пенсию старикам. Но не значит ли это судить о завтрашнем дне так, словно вокруг ничего не происходит, и представлять его себе как две капли воды похожим на сегодняшний или вчерашний? Замечает ли нынешнее правительство, живущее проблемами, которые уже устарели, борющееся с безработицей, что «есть противоречие между постоянным ростом процента стариков [в обществе] и наивной идеей снизить пенсионный возраст»? Это замечание я мимоходом краду у Альфреда Сови ¹⁶⁵.

Действительно, все координаты завтрашней экономики и будущего общества надо определять понятиями старыми и в то же время совершенно новыми. Завтра «молодежью» будут называть не тех, кому меньше тридцати лет, как называют сегодня, а тех, кому меньше сорока, потом тех, кому меньше пятидесяти... Средняя продолжительность жизни будет уже не 71 год, а 80, 90 лет... Кто знает! И перед этим обществом будущего фантастическим образом встанет проблема свободного времени, досуга. Понадобится специальная служба, занимающаяся единственно тем, чтобы развлекать публику, увеселять ее, спасти от безделья, что еще больше увеличит число людей, занятых в сфере обслуживания, хотя их и без того слишком много. Если станут шире использовать роботов и поручать им все более разнообразную работу, то у так называемого занятого населения появится больше свободного времени. Прав ли Джон Нейсбит, называя этих роботов «иммигрантами из завтрашнего дня»? ¹⁶⁶

Падение рождаемости. Сегодня все высокоразвитые страны находятся в биологическом прорыве. Они страдают серьезной, хронической, поистине неизлечимой болезнью. Добровольное ограничение рождаемости влечет за собой или знаменует подлинную демографическую катастрофу. В сочетании с увеличением продолжительности жизни оно вызывает быстрое старение наших обществ и опасную диспропорцию между трудоспособным и нетрудоспособным населением, которая все время усиливается. Поэтому везде в Европе, в том числе и во Франции, применение противозачаточных средств вызывает бурные протесты, мрачные прогнозы и беспрестанное осуждение. Представим читателям обвиняемого, вернее, обвиняемых: противозачаточные средства, действительно, — набор мер, которые так или иначе снижают рождаемость. Среди них: прерванный половой акт (*coitus interruptus*); *implexus restrictus* (ласки и объятия без извержения семени), презервативы, так называемые естественные способы (метод Огино и другие), спермициды, наконец, таблетки — они особенно распространились у нас после 1960 года и произвели настоящую революцию в нравах. Стоит ли включать в этот список целомудрие, безбрачие, поздние браки, содомию? В противоположность складывающейся привычке, я не стану с бухты-барухты причислять к противозачаточным средствам детоубийство, какое практиковалось в Китае, и аборт — их последствиями, безусловно, не следует пренебрегать, но все же это не противозачаточные средства, а скорее уж противозародышевые.

Раньше прирост населения ограничивала детская смертность. Сегодня этот бич исчез (Франция в этом отношении стоит в начале почетного списка)¹⁶⁷, но некогда он был настоящим бедствием, усугублявшимся из-за подкидышей, еще более хилых, чем другие дети. «В Экс-ан-Провансе с 1 января 1722 года по 31 декабря 1767 года из 4844 детей, поступивших в приют Сен-Жан (то есть по одному ребенку каждые три дня)... выжили только 2224», то есть меньше половины¹⁶⁸. И таких примеров тысячи! Историк Пьер Шоню, непримиримый противник закона, разрешившего во Франции аборт, который был принят в январе 1975 года и вступил в силу 31 декабря 1979 года, неустанно выступает против него по радио, по телевидению, в своих статьях и книгах. В своих обвинениях он доходит до того, что говорит: «Прежде детская смертность с завидным упорством уничтожала детей после их рождения, нынче люди научились убивать детей еще до того, как они родились на свет».

Конечно, предохранение от беременности появилось не вчера, это не новейшее изобретение. Но лишь недавно оно стало эпидемией, лишь

недавно оно охватило, пронизало, дезорганизовало всю Европу, произвело переворот в нравах. Причем во Франции эта революция произошла раньше, чем в других странах. Ее следы обнаруживаются еще в середине XVIII века. Не может быть, чтобы современники не замечали ее, не представляли себе ее последствий. На этом пути мы опередили другие страны Европы на доброе столетие.

Это опережение оказалось пагубным для населения Франции. Оно продолжало увеличиваться, но уже медленнее, меж тем как соседние народы росли и росли, более того, с развитием промышленности население европейских стран стало расти еще быстрее. Мы теряли свой удельный вес в европейском содружестве. В 1800 году Франция, насчитывавшая более 27 миллионов жителей (против 18 миллионов англичан и 24,8 миллиона немцев), была — не считая огромной России — самой многонаселенной страной в Европе; французы составляли 15,7 процента населения континента; в 1850 году эта цифра упала до 13,3 процента, а к 1900 году — до 9,7 процента. Так что Франция дорого заплатила за то, что так рано попала в переделку, из которой так до сих пор и не выбралась, ибо не сумела (да и не очень-то старалась) это сделать. Правда, такая же незадача постигла и другие европейские народы, лишь только это поветрие докатилось до них. Им также не удалось избежать снижения рождаемости.

Не следует ли отсюда, что Франция утратила свое могущество не на полях сражений — 15 июня 1815 года, проиграв битву при Ватерлоо, — но гораздо раньше, в царствование Людовика XV, когда она добровольно ограничила естественный прирост населения? В XIX веке, объясняет Альфред Сови, страны Западной Европы развивались параллельно: общество, политика, промышленность, медицина и т. д. шли почти в ногу с разрывом всего в несколько лет. И только в одном отношении одна из стран резко отличалась от соседей: Франция на сто лет раньше других «предприняла сокращение молодежи, [и это] в тот самый момент, когда происходил старт важнейшего соревнования за право мирового господства». Все последующее развитие Франции проходит под влиянием этого события, которое произошло... в XVIII веке ¹⁶⁹.

Поэтому важно наметить контуры этого преждевременного развития, отыскать его причины. И прежде всего воспользоваться свидетельствами современников, экономистов и «демографов», появившихся еще до того, как появилось само слово (его придумали только в 1853 году).

Экономист и, как мне кажется, талантливый литератор, Анж Гудар говорит, что дурное воздействие в его время оказывало стремление к

роскоши: «Одна и та же любовь к достатку и удобствам движет сегодня Францией холостяков... людей, которые исчезают с лица земли, унося с собой все свое потомство... Считается позором, если муж не может вывезти жену в свет с подобающим блеском; отсюда следует вывод, что приличнее не жениться вовсе. Невозможно представить себе, сколько свадеб расстраивается всякий день из-за отсутствия позолоченной кареты, из-за недостатка лошадей, слуг, гонцов, лакеев»¹⁷⁰. Более того, «дружная семья отнюдь не стремится иметь много детей, плодовитости боятся и прямо или *косвенно* стараются ей помешать... роскошь заставляет большинство людей смотреть на многодетность как на своего рода бесчестье. Чем человек богаче, тем важнее для него иметь как можно меньше детей»¹⁷¹. Хуже всего то, что «зараза [роскоши] распространяется и постепенно охватывает бедный люд, на чьем труде зиждется все здание гражданского Общества»¹⁷². Это суждение, эти слова написаны в 1756 году, в то время, когда начиналась так называемая Семилетняя война (1756—1763) и когда Людовику XV оставалось сидеть на троне еще восемнадцать лет.

В 1758 году один аббат с юга, Жан Нови де Кавейрак, пишет о людях, которые «без сожаления отказываются от сладостного имени отцов... одни обуздывают свои желания, другие *обманывают природу*»¹⁷³. В 1763 году Тюрмо де Ла Морандьер, «демограф-любитель», отмечает прогресс противозачаточных мер: супружеские пары теперь хотят иметь только одного ребенка либо не иметь вовсе. Эта «*профанация таинства брака*», эта «подлая экономия распространилась постепенно как эпидемия», и духовники подтвердят, что ею охвачены все слои общества, богатые и бедные¹⁷⁴. Шевалье де Серволь, в свой черед, обличает в 1770 году вредные для здоровья последствия этого «отвратительного поведения», с которым религия безуспешно боролась¹⁷⁵. Столь же категоричен и Моо, чья репутация известна. В 1778 году он пишет: «Не только богатые женщины... считают, что необходимость продолжения рода — *бабушкины сказки*; эти *пагубные секреты*, не ведомые ни одному животному, кроме человека... уже проникли в сельскую местность; природу обманывают даже в деревнях»¹⁷⁶. В Нормандии в 1782 году, если верить отцу Фелину, члену конгрегации Святого Жана-Эда, который трудился там «во спасение душ в городах и весях», «преступление подлого Онана... очень велико и весьма распространено среди супругов... особенно когда они не хотят иметь много детей, но при этом не желают лишиться себя удовольствия, которые дает им супружеская близость; эта пагубная склонность свойственна и богатым и бедным, резоны у них разные, но преступление одинаково. Они редко

сознают свою вину, поэтому большинство из них, как это ни прискорбно, обречены на проклятие»¹⁷⁷. Через несколько лет, в 1788 году, Мессанс обличал «расчет» (то есть поступок, который предполагает принятие решения и ответственность за него), «который побуждает человека иметь только одного или двоих детей; ложное величие, которое побуждает [его]... иметь множество слуг, множество гостей за столом, вместо того чтобы быть окруженным детьми; и самый большой грех, который довершает все,— истреблять то, что тобою же и посеяно»¹⁷⁸. Тревога охватывает даже правительство: в 1785 году Неккер боится, как бы испорченность нравов не привела к тому, что смертность превысит рождаемость.

Эти свидетельства не оставляют никаких сомнений. Предохранение от беременности распространяется, приобретает сторонников, передается как болезнь; самое употребительное средство — прерывание полового акта. Но традиционная схема распространения противозачаточных мер, быть может, чересчур все упрощает: она предполагает, что «пагубные секреты», открытые и опробованные высшими классами, были переданы сначала зажиточным классам, потом народным массам городов и городков и, наконец, сельским жителям, с запозданием «приобщившимся к культуре». «Появление противозачаточных средств в деревне,— говорит нынешний историк,— это венец испорченности, изобретенной городом»¹⁷⁹. Но так ли «невинны» и несведущи были сельские жители, как нам пытаются изобразить?

Исследование Ги Арбелло, касающееся пяти населенных пунктов департамента Верхняя Марна, которые расположены в окрестностях Жуэввиля, показывает, что в этих деревнях в XVII веке дети рождались, в зависимости от рода занятий родителей, либо после жатвы, либо после сбора винограда¹⁸⁰. Первый ребенок, чье рождение зависит от даты свадьбы,— это еще куда не шло. Но разве не заметно, что и младшие дети просто-напросто запланированы? Легко себе представить, что это планирование заключается в предохранении от беременности, а не в целомудрии,— ибо известно, что в то же самое время в Нижней Нормандии, области, где «очень рано выяснилось, что в семьях мало детей»¹⁸¹, духовенство регулярно осуждает противозачаточные средства. В том числе и в деревнях: в 1650 году в епархии Кутанс миссионерская организация обнаруживает, что «постыдный грех совершался там в самых чудовищных формах и с крайним невежеством... так что [часто они даже] не подозревали, что совершают грех»¹⁸².

При таких условиях никого не удивит запоздалое (1754 г.), но подаваемое как общее место замечание лже-шевалье Джона Николса —

на самом деле это был француз родом из Ле-Мана, который укрылся под чужим именем, чтобы свободно говорить о том, что происходит во Франции и в Англии. «Что касается пахарей, — утверждает он, — то в деревнях среди них царит невероятная нищета, меж тем как в городах царит такая же невероятная роскошь. Именно на землепашцев тяжелее всего давит бремя государственных налогов. Пахарь, не имеющий даже самого необходимого, боится иметь много детей, это для него несчастье. Страх полной нищеты удерживает многих от женитьбы: и даже в этом сословии детей в семьях стало меньше»¹⁸³.

Недавние исследования демографов и историков, проведенные по методу и критериям Луи Апри (на основе церковно-приходских книг), показали, что и городские, и сельские жители стали рождать меньше детей. Эти исследования позволяют определить примерную плодовитость замужних женщин по тому, какими были — регулярными или нерегулярными — перерывы между рождением их детей. Вот некоторые результаты: французы начали ограничивать рождаемость рано, гораздо раньше, чем другие народы Европы. Историки могут объяснять это как им угодно, но не подлежит сомнению, что Французская революция — эпоха если не возникновения, то стремительного развития контрацепции.

Так, в Мелане, маленьком городке на Сене, в сорока семи километрах от Парижа, до 1740 года 90 процентов супружеских пар, похоже, не ограничивали или почти не ограничивали число детей; остальные 10 процентов были либо бездетными, либо имели мало детей. Начиная с 1740 года число этих последних увеличивается и к 1764 году доходит до 17 процентов, а это означает, что часть остальных супружеских пар также начинает использовать противозачаточные средства; с 1765 года по 1789 год к контрацепции прибегает уже почти четверть общего числа супружеских пар. Однако великий перелом наступает только около 1790 года: пропорция бесплодных или регулярно применяющих меры против зачатия супружеских пар подскакивает с 24,1 до 46,5 процента между 1790 годом и 1814 годом и с 46,5 до 59,4 процента между 1815 и 1839 годом¹⁸⁴.

Так обстоит дело не только в Мелане, но и во многих других местах. Но можно ли распространить наш вывод на Францию в целом? Вряд ли. «В Руане, — пишет Ж. П. Барде, — взятие Бастилии не ускорило распространения противозачаточных средств, которые широко применялись уже почти целое столетие»¹⁸⁵. Убедительно аргументируя свои утверждения, он говорит: «В 1670 году в Руане было по восемь детей [в семье], в 1800 году — не больше четырех. Руанцы меньше чем за полтора столетия приобрели удивительное мастерство в «пагубных секретах». Как им удалось за четыре или пять поколений вполнину

уменьшить свое потомство? Демографический анализ не обнаруживает противозачаточных рецептов, но позволяет высказать некоторые соображения о типах контрацепции»¹⁸⁶.

Наоборот, в Иль-де-Франсе, в деревнях Бомон-ле-Нонен, Маршеру и Ле-Мениль-Терибюс (сейчас коммуны департамента Уаза, округа Бове)¹⁸⁷ к контрацепции, похоже, начинают прибегать только в конце XVIII века. Так же и в Шатийон-сюр-Сен, где снижение рождаемости отмечается между 1772 годом и 1784 годом¹⁸⁸, в то время как в Сенгенан-Мелантуа, близ Лилля, в особом, маргинальном, внешнем районе Франции, этот процесс, еще более запоздалый, поначалу очень медленный, наберет силу только в середине XIX века. И Вандея даже около 1830 года почти не затронута «мальтузианской революцией»¹⁸⁹.

В этом нет ничего удивительного, ибо разные области по-разному реагируют на одни и те же явления. Одни и те же обстоятельства не обязательно приводят к одним и тем же последствиям. Те или иные объяснения, которые априори кажутся очевидными, в одном месте подтверждаются, а в другом — нет. Так, в Бретани, как и в Нормандии, «простолюдины пользуются уравнительным наследственным правом» и проявляют «внимательную заботу о ребенке»¹⁹⁰ — два мотива, которые обычно побуждают семьи уменьшить число своих отпрысков. Но не похоже, чтобы в Бретани царили такие же мальтузианские нравы, как в соседней Нормандии.

В самом деле, чем шире круг исследуемых фактов, тем сложнее их интерпретировать. Нужно учитывать множество факторов: в каком возрасте женятся родители, кормит ли женщина сама или отдает ребенка кормилице, род занятий, общественное положение, культурный уровень, который, как мы видели, определяет даже форму семьи, право или обычай, регулирующий наследование (они в разных провинциях разные), наконец, эффективность проповедей Церкви, весьма озабоченной этой проблемой. Всякая попытка общего объяснения скорее всего окончится неудачей: в разных местах и в разные эпохи дела обстоят по-разному. Общее объяснение годится, только если заранее допускает и учитывает различия и разлад. Пусть так. Но тем не менее стоит попытаться понять, откуда взялось предохранение от беременности, которому суждено было распространиться по всему миру, и почему французы освоили его гораздо раньше, чем другие народы.

Напомним, что не следует, как это часто делают, сваливать все на век Просвещения или на бурные неустойчивые годы Французской революции. Речь идет не об открытии, которое распространилось, как распространяются обыкновенно культурные достоинства или поветрия.

Не будем также думать, что противозачаточные средства были изобретены, как иногда утверждают, французской аристократией эпохи Людовика XIV или Людовика XV, что дурной пример был подан герцогами и пэрами или современниками госпожи де Севинье, весьма озабоченной тем, чтобы ее дочь не рожала слишком часто¹⁹¹.

Контрацепция уходит корнями в глубь веков. Так, по словам историков, добровольное снижение рождаемости нанесло роковой удар великому государству греков; в Риме, начиная с блистательной эпохи Августа, детей становится все меньше и меньше. В Библии Онан — фигура, символизирующая прерывание полового акта. Епитимьи, столь частые в эпоху Средневековья, начиная с VI века, наводят на мысль, что «пагубные секреты» преспокойно существовали в лоне западной цивилизации от века. Я с радостью присоединился бы к Ж. П. Барде¹⁹², который пишет, что невозможно представить себе общества, совершенно чуждые контрацепции, а в обществах, которые принято считать таковыми, всегда есть «пары с подозрительными привычками». Что же касается мнения Филиппа Арьеса, который полагает, что коль скоро в XVII веке среди сельских жителей очень мало незаконнорожденных детей, значит, до брака молодежь блюла невинность, ибо противозачаточные средства были неведомы и даже немыслимы до недавних времен, то мне, так же как и Ж. Л. Фландрену, это мнение кажется ошибочным. Тем более что, по общему мнению, проститутки, вечные просветительницы в области секса, сплошь и рядом применяли противозачаточные средства. Разве, говоря о женщинах, которые рожают запросто, Монтень не пишет о «веселых девицах, то и дело избавляющихся от своих детей, как уже рожденных, так и еще не рожденных»¹⁹³. И слово «девица» имеет здесь свой современный уничижительный смысл, потому что противопоставлено дальше «почтенной супруге Сабина».

Впрочем, коль скоро Церковь так упорно и порой небезуспешно борется против этого посягательства на священные узы и конечные цели христианского брака, коль скоро исповедники бьют тревогу по этому поводу и спрашивают у епископов, как им обходиться с грешниками, значит, здесь есть проблема и угроза для супружеской четы, как ее понимает Церковь.

Позиция Церкви. Идеальный образ христианского брака еще не так давно был настолько далек от того, что мы могли бы вообразить сегодня, что следует сказать о нем несколько слов. Брак не имеет никакого отношения к влюбленности и уж тем более к физической любви. Всякое

страстное чувство, читаем мы в текстах XVI века, оскверняет супружеское ложе. Тот, кто со своей супругой «предается плотским утехам» так рьяно, что, даже не будь она ему женой, «он хотел бы иметь с ней дело», тот «ведет себя по отношению к своей жене не столько как муж, сколько как распутник, тот совершает прелюбодеяние». Брак был задуман единственно для того, чтобы «охранить себя от греха [каковой заключается в стремлении к наслаждению] и иметь потомство, которое можно воспитывать в любви и страхе Божьем»¹⁹⁴. Цель «святого брака» — иметь «потомство, которое будет вечно благословлять Господа»¹⁹⁵, «рождать детей и пестовать их во славу Божию»¹⁹⁶. Горе тому, кто забывает это непреложное правило. Катехизис епархии Мо во времена, когда епископом там был Боссюз, учит, что главный грех в браке — «избегать деторождения, что является мерзким преступлением», если, конечно, причиной бездетности не является целомудрие, которое блюдут по обоюдному согласию. Это мерзкое преступление, осуждаемое Церковью, — смертный грех, и совершивший его должен понести наказание.

Не следует полагать, что так смотрят на брак лишь благочестивые ханжи. Монтень держит речи¹⁹⁷, которые одобрил бы его духовник, о браке как «священном и благочестивом союзе», о необходимости изгнать из семейной жизни всякую «распущенность и разврат». «Эти бесстыдные ласки, на которые толкает нас первый пыл страсти, не только исполнены непристойности, но и несут в себе пагубу нашим женам. Пусть лучше их учит бесстыдству кто-нибудь другой. Они и без того всегда готовы пойти нам навстречу».

Любопытная есть фраза в этом поучении — я ее подчеркнул. Вне брака, например при адюльтере, бесстыдство, «вольности» вполне естественны. Иначе говоря, церковь настаивает на том, что между миром брака, семейного порядка, достоинства, и другим миром — миром внебрачных отношений, где можно дать волю животным инстинктам, должна пролегать пропасть. Сексуальная жизнь подразделяется на две разновидности: распутную и благонравную, и что допустимо в одной, то в принципе непозволительно в другой. Брантом, такой снисходительный к непристойным соленым шуткам, которые он пересказывает с удовольствием и сочувствием, тоже напоминает, что в «нашем Священном Писании... мужу и жене не обязательно так уж сильно любить друг друга... любовью похотливой и распущенной, тем более что, всем сердцем предаваясь плотским утехам, [они] так много об этом помышляют и так заняты этим, что обращают на самих себя любовь, которую должны питать к Богу»¹⁹⁸. В другом месте он говорит о «мерзостях», которые «пятнают» брак. Но те же самые мерзости — например, необычные

позы во время любовных утех — кажутся ему прелестной игрой, когда они ловко изображены на дне чаши, которую подносят молодым придворным дамам: «Попробуйте, попытка — не пытка, а всякий умный человек хочет испробовать все»¹⁹⁹.

Удивительное дело: то, что предосудительно в браке, не столь уже предосудительно, чтобы не сказать нормально, вне брака. И еще удивительнее то, что позиция Церкви и позиция общества здесь полностью совпадают.

Брантом, например, без ханжества и лицемерия говорит о том, что иные дамы считают своим долгом использовать при адюльтере прерванный половой акт, «ибо не хотят подсовывать своим мужьям чужих детей и почитают, будто они не оскорбляют мужей и не наставляют им рога, коль скоро роса не проникла внутрь... Таким образом, они вполне благонаравны»²⁰⁰. Вывод звучит для нас иронией, но в конечном счете он полностью совпадает с позицией Церкви: при адюльтере, блуде или инцесте избегать зачатия значит смягчать грех. Такой подход оставался в силе во всех церковных документах, начиная со средневековых епитимий, где наказание за блуд или адюльтер удваивается и утраивается, если в результате появляется незаконнорожденный ребенок, и кончая дискуссиями казуистов и исповедников XVII века, которые приходят к заключению, что во всех преступных любовных связях незавершенный акт приносит меньше зла, смягчает грех.

Казуисты занимали эту сверхтерпимую позицию, ибо исходили из более чем несостоятельного понимания греха. Но на той же сверхтерпимой позиции, без сомнения, стояли и священники, которые просто-напросто заботились о том, чтобы уменьшить число незаконнорожденных. Во всяком случае, эта позиция не могла не способствовать тому, что в конечном счете две области сексуальной жизни, искусственно разделенные: брачная и внебрачная — сблизилась. Тот же самый отец Фелин, который был напуган распространением «отвратительного преступления Онана», утверждает в 1782 году, что супружеские пары, которым Церковь и тогдашняя медицина предписывали не зачинать детей, пока женщина кормит грудью, избегали долгого воздержания с помощью тех же мер, что и дамы, нарушающие супружескую верность у Брантома, и с таким же рвением²⁰¹.

Но вскоре супружеская чета отвергнет всякое вторжение Церкви в свою интимную жизнь. Так завершится медленное разложение христианского брака, наступит конец культурного равновесия, произойдет разрыв с прежним порядком, вызревавший постепенно, как все подобные изменения.

В принципе, взгляд Церкви на контрацепцию остался прежним. Но взгляды на сей счет большинства католиков изменились. В 1842 году это уже можно было считать свершившимся фактом. Ле-манский епископ Бувье вынужден признать, что «почти никто из молодых пар не хочет иметь много детей, но при этом они не в силах воздержаться от супружеской близости. Вопрос духовника о том, каким образом они исполняют свои супружеские обязанности, обыкновенно приводит их в большое смущение, и, выслушав наставления священника, они не воздерживаются от полового акта, но и не могут решиться на неограниченное продолжение рода... Все охотно соглашаются, что супружеская неверность и прерывание беременности — большие грехи. Но они скорее готовы совершить смертный грех, чем соблюдать целомудрие в браке, либо подвергаться риску породить многочисленное потомство»²⁰².

Постепенное снятие этого запрета начиная с конца XVIII века ведет к усилению контрацепции. Но констатация этого факта не объясняет причины, по которым люди отказываются иметь детей. В XVI веке «большинство людей, и притом самые здоровые среди них, считают, что иметь много детей — великое счастье» (Монтень)²⁰³. Почему двумя веками позже потомство становится обременительным? И почему это поразительное и очевидное стремление к снижению рождаемости раньше всего обнаруживается именно во Франции? Вот в чем, судя по всему, главная проблема для историка.

Французский случай. По-видимому, априори следует отвергнуть всякое объяснение, которое не учитывает своеобразия Франции и ее отличий от других стран Европы. Так что не надо говорить, будто раннее падение рождаемости происходит от того или иного уровня экономического развития Франции: она находится в таких же условиях, как и ее соседи. Не надо говорить, что Франция изобрела контрацепцию: ее изобрели давным-давно, и способы ее были хорошо известны народам Европы. Не стоит отстаивать и ту точку зрения, что в XVIII веке французы стали больше любить детей и стремились иметь их меньше, чтобы уделять им больше внимания. Ведь именно в конце XVIII века у нас резко возросло число брошенных детей.

Я вижу только два возможных объяснения: первое принадлежит Альфреду Сови²⁰⁴, и я еще недавно выступал против него, второе — мне самому. Впрочем, эти объяснения можно примирить, не противопоставляя друг другу, ибо они различны: одно культурное, другое экономическое, вернее, демографическое; и поскольку в этих областях все неужи-

данно, Альфред Сови на сей раз выступает не как демограф, но как сторонник культурного — я чуть не написал «идеалистического» — объяснения.

Для Альфреда Сови падение рождаемости во Франции — следствие освобождения наших людей от запретов, наставлений и давления Церкви. Церковь хочет иметь власть над телом для вящей власти над душами. Драма XVIII века, судя по всему, была как бы реваншем Реформации. Два столетиями раньше Франция стояла перед выбором: Рим или Лютер, вернее, Рим или Кальвин; она выбрала Рим, но поплатилась за свой выбор. Как аукнулось, так и откликнулось. Может ли откликнуться по прошествии веков? Сегодня, привыкнув к работе с материалом долгой временной протяженности, я говорю: да, конечно, может. Например, я отмечаю, что еще позже Фердинанд Бюиссон²⁰⁵ и некоторые другие представители нашей светской школы, по сути дела, возрождали Реформацию. Точно так же, как, что ни говори, подспудно исходил из нее Второй Ватиканский Собор.

И все же Реформация ли это, Реформация ли в точном смысле этого слова? Не будем забывать, что светское образование появляется у нас еще в XVI веке в новых школах, основанных во множестве энтузиастами из числа привилегированной в общественном и культурном отношении элиты, которую изучал Жорж Юппер. Этой элите удастся ненадолго вывести образование из-под опеки Церкви, покуда иезуиты в конце XVII века не заберут его решительно в свои руки. Однако создатели новых школ не принадлежали к числу протестантов. Они не поддались искушению. На мой взгляд, они воплощают то, что можно назвать оригинальной чертой Франции — ее колебание между Реформацией и Контрреформацией: элита, о которой я говорю, во всяком случае наиболее просвещенная ее часть²⁰⁶, гуманисты, «вольнодумцы», старалась избежать как одной, так и другой. Оригинальной чертой культурной Франции была эта нерешительность, это колебание взад-вперед, этот поиск особого пути. Проповедь независимого ума от Монте-ня до Вольтера и дальше обусловила поражение Церкви, нанесла ей незаживающую рану. Я думаю, все это оказало влияние на отношение французов к контрацепции.

Кроме того, я думаю, что Франция, чья территория ценилась и была густо заселена с давних времен, почти хронически страдала *перенаселенностью*. Именно это утверждают Марсель Рейнар и его коллеги, помогавшие ему составлять третье издание большого труда «Общая история народонаселения мира» (1968 г.). Вообще говоря, понятием «перенаселение» следует пользоваться сдержанно и осторожно. О перенаселении

можно говорить тогда, когда возникает несоответствие, опасное несоответствие между численностью населения и количеством продовольственных запасов. В 1789 году Франция, насчитывавшая 26 миллионов жителей и имевшая плотность населения чуть больше 50 человек на 1 кв. км,— страна перенаселенная. Меж тем как Англия, которая насчитывала тогда 8 миллионов жителей и имела плотность населения, немного превышавшую плотность населения во Франции, не являлась перенаселенной страной. Ее валовой национальный доход *grosso modo* * равен валовому национальному доходу Франции; это значит, что ее доход *pro capite* **, доход ее жителей гораздо выше, чем доход наших соотечественников. Население Англии сталкивается с менее жестким ограничением, его рост встречает преграду в некотором роде эластичную; оно, как покажет будущее, может рассчитывать на высокопродуктивное сельское хозяйство, на развивающуюся промышленность, на индустриальные города, которые растут и становятся аккумуляторами, моторами. Французские города, наоборот, превращаются в эпоху Революции в сломанные моторы, которые снова заработают только в эпоху Консульства и Империи. В решающий момент, в 1789—1790-е годы, когда просвещенные правители, давно уже малочисленные, исчезают вовсе, народ впадает в нищету, начинаются экономические трудности. Падение рождаемости происходит в условиях, которые способствуют ему, ибо повседневная жизнь становится все тяжелее. Во время войн Империи к этому, вероятно, прибавится разруха, тревога за жизнь. Эдгар Кине²⁰⁷ рассказывает о неуверенности этого поколения в завтрашнем дне; так, например, его весьма образованные родители сочли, что нет смысла давать сыновьям образование, ибо были уверены, что тем суждено погибнуть в молодом возрасте на поле брани. Разве могут подобные тревожения благоприятствовать повышению рождаемости?

Два замечания напрашиваются сами собой. Марсель Рейнар и его сотрудники полагают, что перенаселение возникает во Франции в XVII веке. Я думаю, это происходит раньше, еще в XVI веке, во времена, когда Франция «набита битком» — слова Брантома, которые я уже цитировал. Так что перенаселение, теснота, какой не было нигде в Европе, существует давно. Контрацепция была ответом на эту гнетущую нужду, как прежде поздние браки или безбрачие, распространенные, в частности, на юге Франции, где глава семейства имел непререкаемый авторитет и мог навязать свою волю детям.

* В общих чертах, приблизительно (лат.).

** На душу населения (лат.).

Второе и последнее замечание: в первой половине XIX века население Франции выросло на 30 процентов, меж тем как население Англии выросло на 100 процентов, а Европы в целом — на 50 процентов. Все дело в том, что Франции в начале XIX века приходится нелегко — она медленно, постепенно, с трудом преодолевает свое отставание в промышленности. И как раз тогда, когда следовало бы поощрять рождаемость, авторитетные лица выступили в защиту мальтузианских привычек, существующих в стране. Пальма первенства принадлежит здесь ученому Жану-Батисту Сею, этому Малле-Исааку от политической экономии: «Похвально копить деньги, а не плодить детей», — заявляет он ²⁰⁸.

Подведем итог нашим рассуждениям: является ли слово «контрацепция» лучшим для обозначения процесса, драмы, которая пронизывает живую историю Франции? В повседневной жизни нашей страны речь шла просто-напросто о разложении традиционного христианского брака в том виде, в каком его хотела видеть Церковь, — разложению медленном, долго назревавшем: история культуры, несмотря на несколько блистательных примеров, свидетельствующих об обратном, в глубинном своем течении не знает стремнин. То, что произошло между концом XVIII века и началом XIX века, это *mutatis mutandis* * то, что произошло и все еще происходит на наших глазах, — распад супружеских отношений, которые были социальной нормой. На сей раз люди отказываются сочетаться браком перед лицом господина мэра, отказываются от всех этих церемоний, уже лишенных торжественности и пышности, но все же предполагающих соблюдение всех норм, правил и приличий, которые диктует закон, — закон, то есть общество. Как же общество будет выходить из положения, каким образом удастся ему приручить, покорить свободный брак? Культура ускользает от власти времени, только освобождаясь от некоторых пережитков: христианский брак, гражданский брак... Что станет ей в тягость завтра?

Новая проблема: иностранная иммиграция. Мне повезло: я всю жизнь исповедовал веротерпимость. Это для меня естественно. Но я не ставлю этого себе в заслугу. Например, я, что называется, открыл для себя еврейский вопрос только в Алжире, в 1923 году. Мне было больше двадцати лет. Затем я десять лет жил все в том же Алжире, на мусульманской земле, и научился уважать и понимать арабов и кабилов. Позже, в 1935 году, в Бразилии, где я преподавал несколько лет, я

* С соответствующими изменениями (*лат.*).

столкнулся с неграми — и словно окунулся в атмосферу романа «Унесенные ветром». Наконец, я знаю почти все европейские страны и подолгу и с удовольствием жывал в них, чувствуя себя как дома.

Веротерпимость и еще раз веротерпимость! Без нее невозможно грезво исследовать мощную волну пролетарской иммиграции, которая обрушилась на нас сегодня. И пытаться понять, почему на сей раз она вырастает в проблему, меж тем как Франция поколениями принимала и поглощала волны эмигрантов, которые обогащали ее материально и культурно.

Возможность ассимиляции, готовность к ней — вот, я думаю, главное условие для безболезненной иммиграции.

Это касается всех, кто в одиночку или кучками захотели стать французами: политические беженцы, спасающиеся от фашизма итальянцы, уцелевшие во время гражданской войны испанцы, русские белогвардейцы, художники, ученые и интеллектуалы всех направлений и взглядов. Этим иммигрантов Франция радушно приняла, и они быстро влились в нашу культуру. Их уже невозможно отличить от коренных французов. И часто самыми большими успехами Франция обязана именно этим приемным детям. Мария Склодовска (1867—1934) родилась в Варшаве, вышла замуж за Пьера Кюри, в 1898 году вместе с ним открыла радий, а в 1911 году стала лауреатом Нобелевской премии; Пабло Пикассо (1881—1973) родился в Малаге, Амедео Модильяни (1884—1920) — в Ливорно, Марк Шагал — в 1887 году в Витебске, Эжен Ионеско — в 1912 году в Слатине (Румыния); Хаим Сутин (1895—1944) родился в Литве и довольно долго жил в Серё, где оставил по себе добрую память; у него была замечательная привычка пробовать кисти на своей одежде: результат был незабываемый. Право, список выдающихся иностранцев, которые пожелали жить в нашей стране, вышел бы слишком длинным. Они дороги нам не только потому, что отблеск их славы падает на нас, но еще и потому, что они согласились стать французами, как мы, и стоять в одном ряду с самыми известными из наших соотечественников, потому что они внесли свой вклад в нашу разностороннюю культуру.

Но для статистики важны крупные волны иммиграции: итальянцы в конце прошлого столетия, русские белогвардейцы после 1917 года, поляки, заселившие шахты и фермы на Севере около 1920 года, евреи, бежавшие из насеровского Египта и независимого Алжира (где они в 1871 году по декрету Кремье получили французское гражданство), алжирцы европейского происхождения, которых встретили в 1962 году без особой радости; их было больше миллиона: мужчины, женщины,

дети; конечно, это были французы, и они вернулись домой, но, потеряв все, они чаще всего оказывались брошены на произвол судьбы, как иммигранты. Наконец, большая волна рабочих-иммигрантов шестидесятых — семидесятых годов.

Массовая иммиграция пришла к нам сравнительно поздно; в 1851 году, накануне Второй Империи, иностранцы составляют меньше 1 процента населения, около 1872 года их становится 2 процента. 40 процентов иммигрантов — бельгийцы, работавшие в ту пору в городах, в шахтах и на свекловичных полях севера; следом за ними идут итальянцы. Ассимилировались эти иностранцы, близкие соседи, довольно быстро, тем более что закон от 26 июня 1889 года облегчил натурализацию. К 1914 году «число иностранцев равнялось примерно 1 100 000 [человек], что составило почти 3 процента от общей численности населения»²⁰⁹.

Сразу после первой мировой войны и даже прежде, чем она закончилась, во Францию, где не хватало рабочих рук (ибо трудоспособное население, молодые люди, полегли на полях сражений), хлынула вторая волна иммигрантов, на сей раз из стран Средиземноморья, прежде всего из Северной Африки, вошедшей (1830, 1881—1883, 1911) в нашу колониальную империю. В 1931 году в стране иностранцев уже 2 700 000 человек — это 6,6 процента населения Франции. Кризис тридцатых годов и вторая мировая война привели к снижению этого числа: в 1946 году в стране осталось только 1 700 000 иностранцев (то есть 4,4 процента населения).

Начиная с 1956 года быстро нарастает третья волна. В 1976 году иммигрантов насчитывается приблизительно 3 700 000 (7 процентов всего населения). В этой массе 22 процента португальцев, 21 процент алжирцев, 15 процентов испанцев, 13 процентов итальянцев, 8 процентов марокканцев, 4 процента тунисцев, 1,5 процента турок, 2,3 процента негров из Черной Африки (все проценты даются по переписи населения 1975 года). Эти иммигранты в большинстве своем взрослые, крепкие люди (смертность среди них заметно ниже, чем среди коренных французов); что же касается рождаемости, то тут они впереди: у выходцев из трех стран Магриба 5—6 детей в семье, у португальцев 3,3, у испанцев 2,5, у итальянцев 2. «В среднем в 1975 году этот показатель [рождаемости] составлял 3,32 у иностранцев в целом против 1,84 у французов и 1,93 у всего населения Франции». Но как только эти иностранцы приживаются во Франции, рождаемость у них, насколько можно установить, «падает параллельно с падением рождаемости у коренных французов»²¹⁰.

В эпоху экономического кризиса 70-х годов третья волна иммиграции достигла своего потолка. «Идет ли речь о временной перемене направления, в котором происходит миграция, или о коренном пересмотре самого понятия? Изучение демографической ситуации в мире заставляет думать, что в 1974 году наступила лишь временная пауза»²¹¹.

Во всяком случае, иммиграция, как мне кажется, впервые поставила перед Францией «колониальную» национальную проблему, которую на сей раз приходится решать в пределах самой Франции. Это влечет за собой политические последствия, которые затушевывают сложный феномен взаимоотношения, которое невозможно отрицать, как невозможно и не скорбеть о нем. Удастся ли хотя бы разграничить проблемы?

Экономические проблемы. Иностранцы составляют у нас, как везде в Европе, 10 процентов *активного населения*. Не вызывают ли нынешний экономический кризис и безработица некоторую враждебность французских рабочих по отношению к ним? Конечно, такое случается. Но гораздо реже, чем позволяет предположить лозунг одной из политических партий: «1 500 000 безработных — значит, 1 500 000 иммигрантов лишние!»

Дело в том, что иностранцы в подавляющем большинстве выполняют черную работу, непрестижную и низкооплачиваемую, которую в девяти случаях из десяти не хотят выполнять французские рабочие. Что же делать? Выслать их? Но тут сразу обнаружится, что безработные, в основном французы, отнюдь не рвутся занять освободившиеся рабочие места... Это приводит меня на память слова архиепископа Валенсианского, сказанные в 1610 году, когда из Испании хотели выслать неугодных морисков: «А кто же будет тащить нам обувь?»²¹² Выслать наших иностранцев? Но тогда кто же будет прокладывать дороги, выполнять самую тяжелую работу на фабриках, черную работу на стройках? Наши соотечественники станут выполнять такую работу, только если им будут постоянно увеличивать заработную плату. Недавно были изменены условия труда парижских мусорщиков: им улучшили оборудование, сократили рабочий день и увеличили заработную плату — в результате заметно вырос процент коренных французов, занятых на этих работах.

Иммиграция как источник занятости людей на низкооплачиваемых работах существует во всяком капиталистическом обществе. То, что происходит во Франции, происходит и в других развитых странах Европы. Даже в перенаселенной Бельгии неблагоприятную работу выпол-

няют марокканцы, хотя сами бельгийцы едут на заработки во Францию. Итальяцы уже больше ста лет регулярно переселяются в Соединенные Штаты и в Южную Америку и до сих пор охотно едут на работу в Германию или Швейцарию, но при этом на рыбных промыслах в Сицилии трудятся тунисцы, ливийцы, эритрейцы... Так же обстоит дело в США, в Канаде, в промышленно развитых областях Южной Америки и Австралии — неквалифицированная рабочая сила, «голые мускулы»²¹³, набирается либо за границей (внешний пролетариат, о котором пишет Тойнби и который можно эксплуатировать даже издали)²¹⁴, либо внутри страны. Не так ли обстоит дело и в крупных промышленных центрах Советского Союза, где на заводах работают люди некоренной национальности?

На самом деле, иностранная иммиграция довольно точно воспроизводит *внутренние* передвижения населения во Франции в XIX веке и даже в начале XX века. Промышленность тех времен нашла своих пролетариев — с которыми обращались более жестоко, чем обращаются ныне, — в лице иммигрантов из сельской местности. Позже их постепенно вытеснили иностранцы — теперь уже они стали выполнять самую тяжелую работу в промышленности. Они же на первых порах частично заполнили бреши, образовавшиеся в деревне (поляки и украинцы на севере и в Эне около 1925 года). Опустошения второй мировой войны и подъем в течение «славного тридцатилетия» привели к тому, что рабочую силу пришлось набирать за границей.

Рабочие-иностранцы часто живут весьма убого. Чтобы удостовериться в этом, достаточно, увы, заглянуть в трущобы, подвалы, бидонвили... Эти бидонвили, которые еще недавно, в 1939 году, располагались на линии бывших парижских укреплений, отодвинулись за ближние пригороды до таких далеких постов, как Мант-ла-Жоли. В департаменте Верхняя Сена в 1980 году насчитывается 220 000 иммигрантов, то есть 15 процентов населения... Один из них, пятидесятишестилетний каменщик из Алжира Мохаммед Неджаи, проживший тридцать пять лет во Франции, говорит: «После того, как я построил столько домов для французов, было бы справедливо дать мне наконец бесплатную квартиру»²¹⁵. Но разве муниципальное жилье, кстати, отнюдь не бесплатное, рассчитано на семьи, где восемь-девять детей? Могут ли эти семьи «жить, как буржуа»? Для них следовало бы строить коттеджи; их и строят — один вместо сотни или даже тысячи. Кто не помнит гуманных заявлений Жака Шабан-Дельмаса, главы правительства при Жорже Помпиду, обещавшего разрушить бидонвили, словно при настоящем положении дел эти благие намерения осуществимы. Вы разрушаете

один бидонвиль, хорошо, но чуть дальше тут же появляется другой. Они растут как «макумбос» или «фавеллас» в Бразилии. Тем более что начало третьей волны иммиграции в 1956 году застало Францию врасплох — она была не готова принять иностранцев. Пришлось как-то изворачиваться, но безуспешно и в ущерб для вновь прибывших.

Так что стоит ли сейчас, когда происходит экономический спад, обвинять этих рабочих в том, что они получают свою долю пособий по безработице? Упрекать в том, что своей высокой рождаемостью они способствуют дефициту социального обеспечения? Эти обвинения, вероятно, несправедливы. Но даже будь они обоснованны, все равно *так ставить вопрос не следует*. Иммигранты, давно живущие в нашей стране, внесли свой вклад в развитие экономики Франции, в обуржуазивание части нашего пролетариата, в повышение общего уровня жизни. И если всем нам приходится за это платить тем или иным образом, пусть даже небольшим уменьшением нашей покупательной способности, то это вполне справедливо ²¹⁶.

Проблема расизма. Несчастье заключается в том, что экономический кризис разжигает расовый конфликт. Он особенно обостряется в областях, где две плотные этнические группы, например французы и выходцы из Северной Африки, сталкиваются лицом к лицу, живя бок о бок в одинаковой нищете, но при этом не смешиваются и отстаивают, часто силой, свои национальные особенности.

Старая, вечно живая проблема. Она происходит от «инакости», то есть от чувства присутствия другого, чужого человека, который отрицает ваше собственное «я», вашу личность до такой степени, что эта рознь, истинная или мнимая, вызывает с одной и с другой стороны тревогу, презрение, страх, ненависть... Неужели для нашего существования нам необходимо противопоставлять себя *другому*? Национализм разобщил, разъярил Европу. Нам, французам, случалось ополчаться на испанцев, англичан, немцев... И эти господа платили нам взаимностью. Красный воротничок на мундирах прусских офицеров в 1815 году означал, по их словам, «кровь французов», *Franzosen Blut*. А самое жестокое выражение, какое изобрела национальная рознь, это, наверно, презрительное *speak white* — говорите же, как белые люди, — так говорили англичане жителям французской Канады, причем не в шутку, а всерьез.

Все это кажется вам смешным? Но всякая эпоха несет с собой воз нечистот, глупостей, предрассудков, которые современники разделяют, даже не всегда отдавая себе в этом отчет. Вот почему книга Натаниэля

Вейля «Карл Маркс — расист»²¹⁷ забавляет, но не убеждает. Вейль читает письма и труды Маркса таким образом, что тот предстает «защитником рабства»: «Без рабства,— пишет он,— Северная Америка, страна наиболее быстрого прогресса, превратилась бы в патриархальную страну» (фразу эту, кстати, можно понимать по-разному). Кроме того, Маркс у Вейля — колониалист, отстаивающий превосходство белых над небелыми. В 1849 году, когда «американцы» отбирают у мексиканцев Калифорнию, он пишет: «Ничто в истории не совершалось без насилия... Можно ли сетовать на то, что Калифорния отобрана у этих ленивых мексиканцев, которые не знали, что с ней делать?» Но что это значит, по сути дела? Что невозможно жить в ту или иную эпоху и полностью избежать ее влияния, даже когда ты Маркс. Его рассуждение не проникнуто расизмом, но все же отдает ему дань. Ведь не мог же он жить в Лондоне, этом средоточии империи, и не заразиться его настроением.

А вы думаете, что сегодня в нашей стране нет расизма? Думаете, он не прячется под спудом, не вырывается на поверхность, как пузырьки, которые поднимаются со дна и проходят через всю толщу воды, чтобы лопнуть на свободе, на воздухе?

В таких случаях я люблю приводить примеры, ссылаясь на подлинные происшествия, которые случаются каждый день. Один из друзей пеняет мне на это, считая это научной ошибкой. Но я уверен в своей правоте, и если читатель хочет нас рассудить, я предлагаю его вниманию два-три случая, которые произошли со мной лично. Эти мелкие происшествия, невольным участником которых я был, имеют по крайней мере то преимущество, что не относятся к разряду страшных случаев.

Я живу в Париже, в XIII округе. В моем квартале много иммигрантов, приехавших из Африки и из Азии. Как-то после обеда мы с женой спокойно идем по нашей улице и подходим к месту ее пересечения с другой, круто спускающейся с горы улицей. Внезапно я замечаю, что по этой второй улице мчится нам наперерез негритянский подросток лет пятнадцати — шестнадцати ростом метр восемьдесят, не меньше, на роликовых коньках. На полной скорости он разворачивается прямо на тротуаре, чуть не сбив нас с ног, и уносится прочь. Я возмущенно бросаю ему вслед два-три слова. Любитель роликовых коньков уже успел укатить довольно далеко, но он тут же возвращается, осыпает меня градом ругательств и восклицает в сердцах: «Дайте же нам жить!» Я не верю своим ушам, но он повторяет фразу. Выходит, я, старикашка, нарочно преградил ему путь, а мое возмущение не что иное, как

расистская агрессия! В утешение я говорю себе, что юный конькобежец белой расы, быть может, вел бы себя не лучше. Десять лет назад я бы, наверно, просто надавал ему как следует.

Другая история. Как-то раз я ехал в такси, принадлежавшем компании, клиентом которой я являюсь уже пятнадцать лет. Я знаком с шофером — он родом с Мартиники, крупный, плотный, как вашингтонские шоферы-негры. Путь неблизкий. Он рассказал мне, что подрабатывает, играя по вечерам в оркестре, что он женат на француженке и у них трое детей. «Очень красивые дети,— добавил он.— Один из сыновей, дантист, женился на финке. И представьте себе, у меня беленькая внучка!» — хохочет он. Я плохо пересказал эту сцену, которая очень меня порадовала, ведь счастливый иммигрант — такая редкость! Возвращаясь вечером в другом такси — его вела молодая женщина, служащая в той же компании, — я к слову рассказал ей о нашем разговоре. Не тут-то было! Она стала сердиться, бранить шоферов-иностранцев. Я знаю ее мужа, он тоже шофер, и знаю, что у них нет детей. Почему? Они и детей ненавидят так же, как иностранцев? И тут мне захотелось, чтобы последнее слово осталось за мной: «Если бы у вас были дети, то сегодня в Париже было бы меньше шоферов-иностранцев».

Последний случай, быть может, имеет значение только для меня. Молодая алжирка, француженка во втором поколении, студентка, говорит по радио — вы, может быть, слышали ее выступление сами, — о том, как ей грустно, о том, какое у нее плохое настроение, о том, как ей тяжело живется. Она так безупречно чисто, так красиво говорит по-французски (все-таки у французской школы есть достоинства!), что у меня, как ни странно, вдруг возникает радостное чувство: мне кажется, что хотя бы для этой девушки удача не за горами.

Но оставим эту импрессионистическую манеру. Наверно, каждый из нас может вспомнить случаи такого рода, доказательства расизма, всегда проявляющегося с обеих сторон; происходит взаимоотталкивание, питающееся самой этой взаимностью. И если антисемитизм у нас сильно ослабел со времен Эдуара Дрюмона (1844—1917), автора мерзкого памфлета «Еврейская Франция» (1866 г.), тревожит то, что он разгорается с новой силой, как тлеющий огонь, вместе с расизмом, который проявляется во Франции по отношению к другим иностранцам, труднее ассимилирующимся и все более и более многочисленным. Отсюда каждодневные трения, отсюда опасности.

Однако кто во Франции говорит о «расе»? Выходцы из стран Магриба принадлежат к белой расе, а в наших южанах есть примесь сарацинской, испанской, андалузской крови... «Поглядим на толпу в ме-

тро [парижском] или на улицах таких городов, как Лион, Марсель, Лилль, Гренобль,— говорит социолог Огюстен Барбара²¹⁸.— Многообразие лиц и человеческих типов обличает разнородность этого населения и в то же время смехотворность лозунгов, которые призывают «выгнать иностранцев вон». Население Франции — полотно, сотканное из разных этнических групп, жителей разных регионов, собравшихся вместе, к которым, благодаря различным иммиграциям, происходящим более столетия, присоединились иностранцы из европейских и других, более далеких стран²¹⁹. Столько «иммигрантов», начиная с доисторического периода и до недавнего времени, сумели незаметно раствориться в массе французов, что можно в шутку назвать всех французов потомками иммигрантов. Не подстерегает ли разноликую Францию опасность стать еще более разноликой?

Проблема культуры. Остается последняя проблема, единственная подлинная, единственная, которая тревожит: проблема культуры. К ней, как ни к какой другой проблеме, подходят слова Бернара Стази: «В нелегких спорах об иммиграции больше всего не хватает объективности»²²⁰. Здесь тоже слова «интеграция», «ассимиляция», «слияние», смысл которых безбожно абсолютизируют, заслоняют реальное положение дел.

Культурные контакты никогда не бывают простыми. Доказательство тому — еврейская проблема. Я помню историка, бывшего некогда профессором в Страсбурге. Его спрашивают, еврей ли он. Он не моргнув глазом отвечает: «Я не еврей, я француз». Мне хочется крикнуть: bravo! Но Серж Костер более точен, когда пишет недавно в анкете: «Моя родина — Франция, мой родной язык — французский, мои привязанности здесь. Но это не мешает мне питать к Израилю [имеется в виду государство Израиль], хотя это и не моя страна, негасимую любовь»²²¹. Как-то году в 1958-м я обедал у Липпа с Рэмоном Ароном. Рэмон Арон рассказал мне какой-то случай из своей жизни и объяснил, что как еврей он должен был поступить так-то и так-то. Я ответил ему: «Но, Рэмон, какой же вы еврей, вы — лотарингец» (его семья, как и семья его знаменитого родственника Марселя Мосса, родом из Лотарингии). Я не помню, улыбнулся ли мой собеседник, но я хорошо помню, что он промолчал. И правда, сталкиваясь с различными культурами, которые ему поначалу чужды, сын Израиля умеет ассимилировать их совершенно, даже раствориться в них, по-прежнему сохраняя внутреннюю культуру, которой он дорожит, от которой он если и отрывается, то лишь до известной степени.

Однако евреев всего 14 миллионов, и они рассеяны по всему свету (во Франции их 600 000, самое большое число после США). Как получилось, что блистательные успехи диаспоры, которыми полна их история: в XVII веке в Польше, в XV — в Италии, в XVI — в Испании, в XVIII — в Германии, сегодня — в США, Бразилии, Франции... нигде не привели к простому слиянию? Почему евреи, в отличие от многих других иммигрантов, не исчезли ни на одной из бесчисленных земель, где они находили пристанище и подолгу жили?

Быть может, — предположил недавно один журналист ²²², — все дело в том, что «всякий раз... как группа евреев вступает на путь ассимиляции, происходит какое-нибудь потрясение, которое отбрасывает их назад, к истокам, к прошлому, полному боли и гонений, к гетто». Если бы я встретил Рэмона Арона до 1933 года, как бы он говорил со мной? Думаю, иначе. После гитлеровской резни какой еврей, даже шокированный в глубине души некоторыми проявлениями израильского национализма, станет осуждать его вслух?

Поездка Жискара д'Эстена на Ближний Восток в 1980 году, его сочувствие палестинцам вызвали в прессе новый взрыв интереса к проблеме. «Еврейская трибуна» грозила лишить правительство своей поддержки, в ответ на что посыпался град ругательств и обвинений самого антисемитского толка. По счастью, интеллигенция с обеих сторон призывала к здравому смыслу. Но эпизод сам по себе знаменательный.

По сравнению с историей маленького еврейского народа, сумевшего едва ли не чудом пережить все гонения и сохранить свою самобытность, ассимиляция первых компактных групп иммигрантов в нашей стране покажется чрезвычайно быстрой. Однако начало было трудным и даже ужасным. В 1896 году на нашей территории было только 291 000 итальянцев, но они сконцентрировались на юге: 10 процентов в департаменте Вар, 12 — в Буш-дю-Рон, 20 — в Приморских Альпах... И этих «итальяшек» публично обвиняли в том, что они едят французский хлеб, всячески притесняли. Местные жители устраивали жестокие избиения, вели себя как расисты, в Алесе были даже случаи линчевания ²²³. Через тридцать лет всеобщая враждебность обратилась на поляков, особенно многочисленных на севере Франции, вдвойне изолированных вследствие языкового барьера и обособленной жизни. И в том, и в другом случае католическая вера не объединяет, а, наоборот, разобщает людей. Французы насмеются над докерами-неаполитанцами в Марселе, которые крестятся во время работы — поэтому их прозвали «кристо». Религиозные обычаи поляков, например обычай целовать руку священнику, вызывают у жителей севера насмешки. И сама Церковь воздвигает

трудности на пути этих иностранцев, которые хотят, чтобы священниками были их соотечественники: а иначе, говорят они, как же нам исповедоваться? ²²⁴ Короче говоря, все префекты в один голос утверждают: «Поляки не способны к ассимиляции!» Но дети ходят в школу, и это играет огромную роль. А взрослые участвуют в профсоюзной жизни, вступают в политические партии (итальянцы — в коммунистическую партию). Начиная со второго поколения, в крайнем случае — с третьего, интеграция становится полной. Сегодня только фамилии да некоторые семейные традиции напоминают людям об их иностранном происхождении. И создается впечатление, что для испанцев, португальцев и итальянцев последней волны иммиграции, если оставить в стороне тех, кто, выйдя на пенсию, возвращается со своими сбережениями на родину, процесс быстрой ассимиляции тоже уже начался.

Тогда почему сегодня среди обосновавшихся у нас мусульман, в большинстве своем выходцев из стран Магриба, наблюдается противоположное явление? Дети иммигрантов во втором поколении оказались в затруднительном положении отверженных, которые и сами отвергают ассимиляцию, иногда удававшуюся их отцам и дедам. Препятствия серьезные: взаимное недоверие, страхи, расистские предрассудки, вдобавок глубокое различие верований и нравов; соседство и столкновение культур, не способных слиться воедино. Ситуация отчасти такая же, как в США, где, несмотря на сильную притягательность *American way of life* *, культурные проблемы существуют. Но у нас положение гораздо более напряженное и неустойчивое, чем в США, потому что мы страна старая, а родина наших гостей — страна не менее старая и вдобавок расположенная близко от нас, рядом с нами. Туда можно добраться всего за несколько часов: приехать в наш аэропорт, долететь до аэропорта Мэзон-Бланш — и вот уже наш африканский рабочий шагает по дорогам родной Кабилии, погружается в свое детство, юность, счастье или тоску. Америка далеко: один только Атлантический океан надежно отделяет иммигрантов от их родных мест. Из Америки возвращаются домой, только если нажили состояние, да и то не всегда! Уже Эрнан Кортес, подойдя к берегам Мексики, сжег свои корабли.

Я ничего не имею против синагог и православных церквей в нашей стране. Я ничего не имею против мечетей, которые строятся во Франции, которых становится все больше и которые посещает все больше народу. Но ислам не только религия, это очень активная культура, это образ жизни. Юную африканку ее братья увезли домой и посадили под замок

* Американский образ жизни (англ.).

только за то, что она собиралась замуж за француза; сотни французенок, которые вышли замуж за североафриканцев, после развода лишились своих детей — отцы забрали их и отправили в Алжир, ибо считают, что они одни имеют право на детей,— все это не просто происшествия, они указывают на главное препятствие, с которым сталкиваются иммигранты из Северной Африки: полное несходство культур. Во Франции иммигранты имеют дело с правом, законом, которые не признают их собственного права, основанного на высшем законе — вере в Коран. Родительская власть, положение женщины, несомненно, являются главными проблемами, потому что они затрагивают фундаментальную основу общества: семью. Каждый год заключается в среднем 20 000 смешанных браков. Две трети из них впоследствии распадаются²²⁵, ибо удачный смешанный брак предполагает отказ одной, если не обеих сторон, от родной культуры. Но ведь без межнациональных браков интеграция невозможна.

Отсюда метания, страдания выходцев из стран Магриба во втором поколении, которые тяжело переживают наш экономический кризис и враждебность, с какой относятся к ним в больших городах. Многие из них имеют право называть себя французами, поскольку родились на нашей территории, но из верности своим соотечественникам или из чувства протеста отказываются от французского гражданства и подогревают в своей душе надежды на возвращение, сами не очень-то в него веря и в глубине души его не желая.

Эти страдания иногда ведут к смерти, и бывают смерти, в которых есть доля вины каждого из нас. Молодой североафриканец брошен в тюрьму в Клерво, там он кончает жизнь самоубийством, оставив странную записку: «Я подышаю каждый день. Мне страшно больно. Меня словно рак точит. Я покидаю вас, полный ненависти и любви, которой я был лишен, любви, которую я хотел подарить». Даже если Тахар Бен Желлун²²⁶ приукрасил это послание, все равно — какой крик души!

Другие жертвы: «Одинокие в городе, находящемся в центре Франции, без работы, без жилья, вдали от родного неба, вдали от родной земли, [два вьетнамца] не нашли в себе мужества жить. Это двойная смерть. Мы [мы, французы, обязанные проявлять радушие] не имели права допустить это»²²⁷.

Как ни прискорбны эти происшествия, воистину трагические, они не идут ни в какое сравнение с судьбой, уготованной североафриканцам, служившим во вспомогательных войсках. Подумайте только, здесь, во Франции, их больше 400 000, и наша статистика не включает их в число

иммигрантов, потому что им предоставлено французское гражданство в награду за услуги, оказанные французской армии во время алжирской войны. После переговоров в Эвиане они бежали во Францию, спасаясь от резни. И вот они здесь, одни раскиданы по всей стране так же, как иммигранты, но их сторонятся, и прежде всего выходцы из Алжира, видящие в них «коллорабационистов и предателей»; другие до сих пор живут в лагерях в Биасе (департамент Ло и Гаронна), в Сен-Морис-л'Ардуаз (департамент Гар), «к которым следует добавить тридцать шесть поселений, разбросанных по лесистым областям Лозера, Лимузена, Вогезов...»²²⁸. Они живут в тесных бараках на скромную пенсию, которую выплачивает им армия, и рожают много детей, чтобы получить на них пособие и таким образом скопить немного денег... Ни они сами, ни даже их дети не могут вернуться в Алжир. Их заманили щедрыми посулами. Пришло время исполнять обещания. Мы в ответе за их судьбу, каковы бы ни были причины их верноподданнических чувств по отношению к Франции, с которой они более или менее добровольно связали свою судьбу. Признаюсь, что никакое зрелище так меня не потрясает. Однако в данном случае слезами горю не поможешь.

Но только ли Франция виновата? Как всегда, виновата не одна она. Так, разве уроженцев стран Магриба, волею судьбы надолго застрявших во Франции и пообвыкшихся здесь, а еще больше их детей, которые родились в нашей стране, так уж радушно встречают на родине, когда они приезжают туда погостить или возвращаются насовсем? Выслушаем исполненные тревоги слова одного двадцатилетнего алжирца, студента Лилльского университета: «Не знаю, вернусь ли я в Алжир или останусь во Франции. Кажется, будто сделать выбор просто, но на самом деле это не так, ведь это все равно, что выбирать между своей правой ногой и своей левой ногой... У себя на родине мы оказываемся иностранцами, и нам дают это почувствовать. В приютившей нас стране мы иностранцы, потому что у нас нет французского гражданства [этот студент родился в Алжире] и потому что у нас смуглая кожа»²²⁹.

Беры (прозвище, данное иммигрантам во втором поколении) действительно чувствуют себя неуютно и во Франции (независимо от того, приняли они французское гражданство, на которое имеют право, или нет), и в Алжире, где они наполовину иностранцы. Почему? Иногда тому виной их зазнайство, желание пустить пыль в глаза соседям, когда они приезжают домой на каникулы, их одежда, автомобили... Иногда также их собственное презрение: «Там,— говорит один из них, вернувшись во Францию,— жрать нечего. Прямо как в Средние века»²³⁰. Другой жалуется: «Здесь скучно, развлечься негде, да еще родные

следят за каждым твоим шагом»²³¹. Но еще больше беры раздражают тем, что они, не всегда осознанно, оскорбляют местные нравы и обычаи. Хассан, который несколько раз побывал в Париже, но не переселился туда окончательно, потому что считает, что «среди иммигрантов жизнь... очень паршивая», говорит: «У нас есть традиции, и мы их чтим. А там, знаешь ли, человек теряет свое лицо... Молодежь, которая родилась там, во Франции, полностью утратила уважение к традициям... я так не могу... им плевать на родителей... Я даже в шестьдесят лет буду слушаться отца и мать». Короче говоря, «как сказал один алжирский психиатр, [иммигранты опасны, ибо] несут в себе опасность модернизации, социальной эволюции»²³².

Иммигранты не согласны с такой точкой зрения, они высказывают свои претензии. «Часто на улице,— говорит одна молодая алжирка,— мужчины замечают вслух: это иммигрантка, и все только потому, что я не опускаю глаза, проходя мимо них»²³³. Чего только не приходится делать, чтобы тебя приняли обратно в родную общину! Джамель, двадцатидвухлетний юноша, вся семья которого осталась во Франции, вернулся на родину один, потому что он «не может жить в другом месте», потому что он чувствует себя кабиллом «до мозга костей». Он студент медицинского института в Тизи Узу. «Первые недели были трудными, и мне приходилось лезть из кожи вон, чтобы другие студенты не чурались меня... пока меня еще называют эмигрантом, но в конце концов это пройдет... Через несколько лет я стану врачом и буду работать в паршивом казенном диспансере. Все здесь оставляет желать лучшего... Но я верю в мой народ, я мечтаю, чтобы все сдвинулось с мертвой точки, и хочу этому способствовать»²³⁴.

Но у кого есть столько мужества, столько пыла? Амар, родившийся в Сен-Море, дважды пытался вернуться на родину. Но у него ничего не вышло. «Я ошибся, только и всего. Как-нибудь переживу. Власти твердят нам о возвращении, но все это пустой звук. Они не хотят даже палец о палец ударить, чтобы нам помочь, чтобы нас принять. Нет даже курса арабского языка, и нас все время держат за иммигрантов или парижан»²³⁵.

Но, вероятно, алжирское правительство так же бессильно справиться с этими раздорами, как и наше. В 1983 году один молодой служащий министерства планирования высказывает свое мнение. Он беспощаден по отношению к иммигрантам, этим «ростовщикам», которые возвращаются в Алжир только после того, как «сколотят состояние на валютных спекуляциях» и образуют «новую буржуазию, самодовольную и ни на что не годную». Но он не согласен с «принудительным возвращением»,

не согласен с тем, чтобы «девушке, родившейся во Франции, навязывали брак с почти не знакомым человеком», когда она приехала на летние каникулы. «Есть,— говорит он,— реакции неприятия, которые невозможно понять. Например, в институте с иммигрантами никто не общается, их сторонятся. Над ними смеются, а на девушек смотрят просто как на проститутку. Что касается иммигрантов во втором поколении, их, как правило, хватает лишь на несколько недель. Это досадно, потому что нам нужны эти новые, отличные от нас люди. Осуждать расизм во Франции — дело хорошее. Но насаждать его здесь — просто невыносимо»²³⁶.

Стоит ли в этих условиях удивляться, что недавние дебаты выявили два почти противоположных течения в самом лоне мусульманских общин Франции?

Первое продолжает бороться за возвращение к истокам, к Корану, к «искупительному исламу». По мнению Дрисса Эль Язами, «только религия может объединить нас, выходцев из стран Магриба, даже детей военнослужащих вспомогательных войск», только религия может сохранить магрийскую «личность» перед лицом французской²³⁷. Но не превращается ли это «перед» в «против»? Не превращается ли оно в совет французам мусульманского вероисповедания отказываться от избирательного бюллетеня как от своего рода культурного предательства? В источник конфликтов между долгом, как его понимает ислам, и обязанностями, как их толкует французское гражданское право, в отношении развода, прав родителей и т. п.?

Не в том ли состоит роль религии, что она, особенно в обществе, включающем много культур или имеющем много корней, обязана оставаться личной верой, индивидуальной моралью? В 1980 году, во время дебатов, о которых я говорил выше, Лео Амон, призывая противников к благоразумию, говорил о долге всех «французов иудейского вероисповедания». Это, как мне кажется, долг каждого человека, желающего жить среди народа, у которого, как у нашего народа, нет официальной религии. «Право на отличие,— пишет он,— кончается там, где оно грозит развалить «общину». В современном обществе всякий человек имеет различную принадлежность — религиозную, философскую, профессиональную, культурную, национальную.

Но поскольку государство у него на этой земле только одно, он может иметь всего одно гражданство. Это обеспечивает каждому человеку полноту прав, обществу — единство... Если бы я так не думал, если бы я чувствовал себя гражданином Израиля, для меня было бы непостижительно там не жить...»²³⁸.

Короче говоря, надо выбирать. К этому призывает другое направление, которое обнаруживается, в частности, в спорах вокруг избирательного бюллетеня. Белькасем, 26 лет, генеральный секретарь ассоциации алжирских рабочих во Франции, объясняет: «Известно, что 90% выходцев из стран Магриба останутся во Франции. Нашим лозунгом должно стать: мое будущее здесь, значит, я иду на выборы»²³⁹. Слиман Тир, экономист, 29 лет, создатель магрибского центра Работа — Наука — Культура в Рубэ, без колебаний заявляет, что для большей части иммигрантов «реальность сегодня — это Франция», идея же возвращения в Африку — «миф», «бегство от реальности». Иммигрантам следует принимать участие в политической жизни, голосовать, приобщаться к «культуре, чтобы прийти к новому гражданству». А для этого «надо сделать выбор. Слишком много молодежи застряло, не решаясь сделать выбор»²⁴⁰.

«Этот выбор — первая развилка, у которой определяется весь дальнейший путь,— говорит, в свою очередь, Жан-Франсис Эльд в том же номере «Эвенман».— Молодые беры начинают понимать, что избирательное право дает гораздо больше надежд, чем трусливое отступление к Корану или мечта о возвращении». Они начинают думать о том времени, когда «беры, много беров своим трудом добьются успеха, станут учителями, хирургами, бизнесменами, депутатами, мэрами...» и смогут изменить «отношения с основной массой населения»²⁴¹.

Дай Бог, чтобы он оказался прав! Когда этот день настанет, это будет победой уроженцев Магриба, а следовательно, и нашей победой, победой нашего общего дела. Тем более что успехи интегризма в мире грозят поражением самым искренним крестовым походам за веру. Франция, конечно, не перестала быть христианской страной, но стала терпимой в отношении веры, страсти утихли. Мы, французы, давно покоńczyли с религиозными войнами, и все же несколько столетий, прошедшие после их окончания, еще не изгладили из нашей памяти их жестокость. Кому же хочется, чтобы на нашей земле разгорелись новые религиозные войны?

ПРИМЕЧАНИЯ

И ССЫЛКИ НА ИСТОЧНИКИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

- ¹ Robinson J. *Hérésies économiques*. 1972. P. 229.
- ² Bois G. *Crise du féodalisme*. 1976. P. 16.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

- ¹ Alfred Sauvy. *Письмо от 29 февраля 1980 г.*
- ² Chaunu P. *La France*. 1982. P. 33.
- ³ Leridon H., Levy M.-L. *Populations du monde: les conditions de la stabilisation*. // *Population et sociétés*. № 42. 1980, déc.
- ⁴ Goudar A. *Les Intérêts de la France mal entendus*. 1756. I. P. 255, 342.
- ⁵ Markale J. *Le Roi Arthur et la civilisation celtique*. 1976. P. 9.
- ⁶ Цит. по: Deleuze G., Guattari F. *Capitalisme et Schizophrénie, L'anti-Œdipe*. 1972. P. 169.
- ⁷ Lot F. *La fin du monde antique et le début du Moyen Age*. 1968. P. 11—13; 1983. P. 28—29.
- ⁸ Renfrew C. *Les Origines de l'Europe*. 1983. P. 29.
- ⁹ Newton I. *The Chronology of Ancient Kingdoms amended*. // *Œuvres complètes*. 1779—1785. Tome V. Цит. по: Renfrew C. *Op. cit.* P. 29.
- ¹⁰ Renfrew C. *Ibid.* P. 282.
- ¹¹ О радикальном пересмотре позиций ученых в этом вопросе см.: Renfrew C. *Ibid.* Главы III, IV, V и *passim*.
- ¹² Camps G. *La Préhistoire*. 1982. P. 125—140.
- ¹³ Camps G. *Op. cit.* P. 54.
- ¹⁴ *Ibid.* P. 55 sq.
- ¹⁵ Как замечает Андре Леруа-Гуран; цит. по: Camps G. *Op. cit.* P. 59.
- ¹⁶ Guilaine J. *La France d'avant la France. Du Néolithique à l'Âge de fer*. 1980. P. 14.
- ¹⁷ Delporte H. *Les premières industries humaines en Auvergne*. // *Préhistoire française*. 1976. I. *Les Civilisations paléolithiques et mésolithiques de la France*. P. 803. P.p. H. de Lumley.
- ¹⁸ Lumley H. de, Gagnière S., Barral L., Pascal R. *La grotte du Vallonet Roquebrune-Cap-Martin (Alpes-Maritimes)*. // *Bulletin du Musée d'Anthropologie préhistorique de Monaco*, 10, 1963. P. 5—20.
- ¹⁹ Bourdier F. *Préhistoire de la France*. 1967. P. 55 sq. *Préhistoire française*. I. *Op. cit.* *Хронологическая таблица*, p. 10.

- ²⁰ Известно, что в чрезвычайно давние времена целые континенты могли, дрейфуя, менять свое местоположение. Так, Индия некогда примыкала к Антарктиде, но в конечном счете натолкнулась к северу от экватора на Евразию и срослась с нею (этот процесс длился 50 миллионов лет).
- ²¹ Lumley H. de, Gagnière S., Barral L., Pascal R. *Art. cit.*
- ²² Pfizenmayer E. W. *Les Mammouths de Sibérie. La découverte des cadavres de mammouths préhistoriques sur les bords de la Berezovka et de la Sanga-Iourakh.* 1939. *Passim et p.* 17—21.
- ²³ Lumley H. de, Renaul-Miskovsky J., Miskovsky J.-C., Guilaine J. *Le cadre chronologique et paléoclimatique du Postglaciaire. // La préhistoire française. II. Les civilisations néolithiques et protohistoriques de la France, p.p. J. Guilaine.* *Op. cit.* P.3.
- ²⁴ Lumley M.-A. de. *Les Anténéanderthaliens dans le Sud. // La Préhistoire française, p.p. H. de Lumley. I. Les Civilisations paléolithiques et mésolithiques de la France.* 1976. P. 547.
- ²⁵ Abelanet J. *Le Musée de Tautavel.* 1982. P. 32—36.
- ²⁶ *Ibid.* P. 11, 25.
- ²⁷ Camps G. *Op. cit.* P. 157.
- ²⁸ *Ibid.* P. 380—381.
- ²⁹ *Ibid.* P. 381; Bourdier F. *Op. cit.* P. 223—224.
- ³⁰ Camps G. *Op. cit.* P. 162—176; Bourdier F. *Op. cit.* P. 208.
- ³¹ Liberman Ph. *L'évolution du langage humain. // La Recherche.* 1975. P. 751 sq.
- ³² Camps G. *Op. cit.* P. 173—174, 178.
- ³³ Bourdier F. *Op. cit.* P. 262.
- ³⁴ Leroi-Gourhan A. *L'art paléolithique en France. // Préhistoire française. Op. cit. I.* P. 741 sq.; Camps G. *Op. cit.* P. 203—207.
- ³⁵ Gaxotte P. *Histoire des Français.* 1951. I. P. 16—17.
- ³⁶ Camps G. *Op. cit.* P. 194.
- ³⁷ Camps G. *Op. cit.* P. 187—190; Bourdier F. *Op. cit.* P. 240—244.
- ³⁸ Bourdier F. *Op. cit.* P. 249—256.
- ³⁹ Camps G. *Op. cit.* P. 229—232.
- ⁴⁰ Ardrey R. *La Loi naturelle.* 1971. P. 390—391.
- ⁴¹ Guilaine J. *Op. cit.* P. 29.
- ⁴² *Ibid.* P. 29—30.
- ⁴³ Riquet R. *L'anthropologie préhistorique. // La préhistoire française, p.p. J. Guilaine. II.* 1976. P. 151.
- ⁴⁴ Guilaine J. *Op. cit.* P. 34.
- ⁴⁵ Guilaine J. *Op. cit.* P. 37.
- ⁴⁶ Riquet R. *Op. cit.* P. 140.
- ⁴⁷ Guilaine J. *Op. cit.* P. 40 sq.
- ⁴⁸ Так называются, с одной стороны, сооружения из огромных, поставленных стоймя камней — такие, как в Карнаке или в Стоунхендже (Англия), а с другой — могильные памятники с кровлей-навесом, такие, как на острове Лонг в Бретани; для их постройки используются мелкие камни.

- ⁴⁹ Guilaine J. Op. cit. P. 66—67.
- ⁵⁰ Guilaine J. Op. cit. P. 94 sq.
- ⁵¹ Guilaine J. Op. cit. P. 94.
- ⁵² Riquet R. Op. cit. P. 144.
- ⁵³ Guilaine J. Op. cit. P. 95—96.
- ⁵⁴ Guilaine J. Op. cit. P. 103.
- ⁵⁵ Статуэтка из слоновой кости, обнаруженная в пещере Пап в Брассанпуи (Ланды).
- ⁵⁶ Guilaine J. Op. cit. P. 104—105.
- ⁵⁷ Ibid. P. 129—130.
- ⁵⁸ Ibid. P. 131.
- ⁵⁹ Guilaine J. Op. cit. P. 149.
- ⁶⁰ В современных первобытных сообществах кузнец — это всегда фигура особая, его уважают и, как правило, побаиваются.
- ⁶¹ Guilaine J. Op. cit. P. 160—161.
- ⁶² Ibid. Op. cit. P. 167.
- ⁶³ Ibid. Op. cit. P. 174 sq.
- ⁶⁴ Ibid. P. 177.
- ⁶⁵ Rachet G. Op. cit. P. 38.
- ⁶⁶ Guilaine J. Op. cit. P. 203.
- ⁶⁷ Ibid. P. 241.
- ⁶⁸ Ibid. Op. cit. P. 241 sq.
- ⁶⁹ Ibid. P. 242 sq.
- ⁷⁰ Ibid. P. 248—250.
- ⁷¹ Правда, не так давно было высказано сомнение в том, что усыпальница принадлежит именно женщине.
- ⁷² Guilaine J. Op. cit. P. 254—255.
- ⁷³ Harmand J. Les Celtes au second Âge du fer. 1972. P. 16—17.
- ⁷⁴ Kruta V. Les Celtes. 1976. P. 68—70.
- ⁷⁵ Ibid. P. 34—35.
- ⁷⁶ Cunliffe B. L'Univers des Celtes. 1981. P. 14—15.
- ⁷⁷ Об удивительно цельной цивилизации Леванта во II тысячелетии до н. э. написано в книге: Culican W. Le Levant et la mer, histoire et commerce. 1967.
- ⁷⁸ Harmand J. Les Celtes au second Âge du fer. 1972. P. 15.
- ⁷⁹ Ibid. P. 40.
- ⁸⁰ Ibid. P. 42.
- ⁸¹ Michelet J. Histoire de France. 1876. I. P. 12.
- ⁸² Michelet J. Op. cit. I. P. 15.
- ⁸³ Vries J. de. La Religion des Celtes. 1963. P. 14.
- ⁸⁴ Hubert H. Les Celtes et l'expansion celtique jusqu'à l'époque de la Tène. 1950; Les Celtes depuis l'époque de la Tène et la civilisation celtique. 1950.
- ⁸⁵ Bloch G. La Gaule indépendante et la conquête romaine. // Histoire de France, p. E. Lavissee. 1911. II. P. 33.

- ⁸⁶ Vimal de Saint-Pal V.-F. *Le Celte, homme de cheval. // La Cavalerie celtique.* 1952.
- ⁸⁷ Harmand J. *Op. cit.* P. 80; Cunliffe B. *Op. cit.* P. 120.
- ⁸⁸ Werner K.-F. *Les Origines. // Histoire de France, p.p. J. Favier. 1984. I. P. 202.*
- ⁸⁹ Paillou P.-H. *L'Anti-César.* 1965.
- ⁹⁰ Harmand J. *Op. cit.* P. 88—89.
- ⁹¹ *Infra, tome III. Chapitre IV.*
- ⁹² *Dictionnaire archéologique des techniques. Editions de l'Accueil. 1964. II. P. 1008, статья «Транспортные средства».*
- ⁹³ Guillerm A. *L'Etat et l'espace de la guerre. 1982, машинопись. I. P. 37 sq, p. 49.*
- ⁹⁴ Bloch G. *Op. cit.* P. 43.
- ⁹⁵ Kruta V. *Les Celtes.* P. 112—115.
- ⁹⁶ *Ibid.* P. 105.
- ⁹⁷ *Ibid.* P. 102—103, 108—110.
- ⁹⁸ Bloch G. *Op. cit. // Histoire de France, p.p. E. Lavisse. II. P. 42.*
- ⁹⁹ Цит. по: Bloch G. *Op. cit.* P. 37.
- ¹⁰⁰ Bloch G. *Op. cit.* P. 95.
- ¹⁰¹ Grenier A. *Aux origines de l'économie rurale: la conquête du sol français. // Annales d'histoire économique et sociale. 1930. P. 32—33.*
- ¹⁰² Guillerm A. *Op. cit.* P. 66.
- ¹⁰³ Bonnaud P. *La ville: deux origines, deux filières. // Géographie historique des villes de l'Europe occidentale. Actes du colloque du 10—12 janvier 1981 à l'Université de Paris-Sorbonne. T. I. Villes et réseaux urbains. 1984. P. 29.*
- ¹⁰⁴ Martonne E. de. *Доклад, произнесенный в Сан-Паулу (Бразилия).*
- ¹⁰⁵ Renfrew C. *Les Origines de l'Europe. 1983. P. 165—168.*
- ¹⁰⁶ Riquet R. *L'anthropologie préhistorique. // La Préhistoire française, p.p. J. Guilaine. II. 1976. P. 150—151.*
- ¹⁰⁷ Lot F. *La France des origines à la guerre de Cent Ans. 5e éd. 1941. P. 8.*
- ¹⁰⁸ Renfrew C. *Op. cit.* P. 133 sq.
- ¹⁰⁹ Werner K. F. *Op. cit.* P. 71.
- ¹¹⁰ Nougier L.-R. *Le Peuplement préhistorique. 1950. P. 65.*
- ¹¹¹ Camps G. *Op. cit.* P. 310—311.
- ¹¹² Riquet R. *Op. cit.* P. 146.
- ¹¹³ Цит. по: Reinhard M., Armengaud A., Dupâquier J. *Histoire générale de la population mondiale. 1968. P. 43.*
- ¹¹⁴ Bloch G. *Op. cit.* P. 35.
- ¹¹⁵ Cavaignac E.— Цит. по: Reinhard M., Armengaud A., Dupâquier J. *Histoire générale de la population mondiale. 1968. P. 43. Авторы соглашаются с этой «достаточно обоснованной» цифрой (p. 43).*
- ¹¹⁶ Werner K. F. *Op. cit.* P. 167.
- ¹¹⁷ Bernard J., Ruffié J. *Hématologie géographique. 1966. I.— Цит. по: Bordeaux M. Voies ouvertes à l'histoire des coutumes par l'hématologie géographique. // Annales E. S. C. 1969. P. 1275 (в качестве примера см. карту на с. 1282).*

- ¹¹⁸ Fossier R. Histoire sociale de l'Occident médiéval. 1970. P. 22; Roblin M. Le Terroir de l'Oise aux époques gallo-romaine et franque. Peuplement, défrichement, environnement. 1978. P. 297.
- ¹¹⁹ Bloch G. Op. cit. P. 101.
- ¹²⁰ Guillerme A. Op. cit. P. 44.
- ¹²¹ Michelet J. Op. cit. I. P. 52.
- ¹²² Carcopino J. César. 1936. P. 707; Jullian C. Histoire de la Gaule. Ed. 1971. II. P. 437—447, 449—452.
- ¹²³ Bloch G. Les origines. La Gaule indépendante et la Gaule romaine. // Histoire de France, p.p. E. Lavissee. 1911. I. P. 101.
- ¹²⁴ Ibid. P. 104.
- ¹²⁵ Lot F. La Gaule. 1947. P. 170.
- ¹²⁶ Jullian C. Op. cit. P. 508—509.
- ¹²⁷ Werner K. F. Op. cit. P. 137.
- ¹²⁸ Guillerme A. Op. cit. P. 143.
- ¹²⁹ Laet S. J. Romains, Celtes et Germains en Gaule septentrionale. // Studia historica gandensia. 1964. P. 92.
- ¹³⁰ Ibid. P. 93.
- ¹³¹ Le Glay M. Les Gallo-Romains. // Histoire de France, p.p. G. Duby. 1970. I. P. 114.
- ¹³² Bouvier-Ajam M. Dagobert. P. 19; Lance P. La défaite d'Alésia. Ses causes dans la société celtique, ses conséquences dans la société française. 1978. P. 155 sq.
- ¹³³ Piganiol A. Histoire de Rome. 1962. P. 273.
- ¹³⁴ Michelet J.— Цит. по: George F. Histoire personnelle de la France. 1983. P. 91.
- ¹³⁵ Lance P. Op. cit., passim.
- ¹³⁶ Bonnaud P. Terres et langages. Peuples et régions. 1981. I. P. 37—39, 45. «Галльские наречия соотносились с латынью в эпоху Высокого средневековья приблизительно так же, (...) как окситанский язык (язык «ок») с французским начиная с XVI века и до наших дней». Florenne Y. Les peuples fidèles. // Le Monde. 1983, 21 juillet.
- ¹³⁷ Markale J. Le roi Arthur, op. cit. P. 24.
- ¹³⁸ Laet S. J. Art. cit. P. 91.
- ¹³⁹ Источник цитаты утерян.
- ¹⁴⁰ Lot F. Op. cit. P. 69.
- ¹⁴¹ Beloch K. J. Die Bevölkerung der Griechisch-Römischen Welt. 1886. P. 507.
- ¹⁴² См. выше, примечание 115.
- ¹⁴³ Beloch K. J. Die Bevölkerung im Altertum. // Zeitschrift für Social und Wissenschaft. 1899. II. P. 512, 619. Эта статья вышла на целых пятнадцать лет позже, чем работа, указанная в примечании 141.
- ¹⁴⁴ Fossier R. Histoire sociale de l'Occident médiéval. P. 51.
- ¹⁴⁵ Bechtel H. Städte und Bürger vom 13.— 15. Jahrhundert. // Wirtschaftsgeschichte Deutschlands. 1951. P. 256.
- ¹⁴⁶ Braudel F. Civilisation matérielle... 1979. I. P. 232; рус. пер.: Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв. М.,

1986. Т. I. С. 288. Здесь и далее ссылки даются на это издание (т. II — 1988; т. III — 1992).
- ¹⁴⁷ Lot F. *Op. cit.* P. 397.
- ¹⁴⁸ Fossier R., источник цитаты не найден.
- ¹⁴⁹ Vatinel J.-L. *Les Années terribles du IIIe siècle en Gaule.* 1978. P. 17.
- ¹⁵⁰ Musset L. *Les Gallo-Romains.* // *Histoire de France*, p.p. G. Duby. 1970. I. P. 159.
- ¹⁵¹ Piganiol A.— Цит. по: Fossier R. *Le Moyen Age. I. Les Mondes nouveaux (350—950).* 1982. P. 33.
- ¹⁵² Rouche M. *L'éclatement des mondes anciens.* // *Le Moyen Age*, *op. cit.* I. P. 107.
- ¹⁵³ Dockes P. *La Libération médiévale.* 1979; *Révoltes bagaudes et ensauvagement.* // *Sauvages et ensauvagés; analyse épistémologique, histoire économique.* N 19. 1980, mars. P. 145 sq.
- ¹⁵⁴ Rouche M. *Op. cit.* P. 108.
- ¹⁵⁵ Agache R. *Détection aérienne des vestiges protohistoriques, gallo-romains et médiévaux dans le bassin de la Somme.* // *Numéro spécial du Bulletin de la Société de Préhistoire du Nord*, N 7. 1970. P. 179—180.
- ¹⁵⁶ Fovet G. *Gallia.* Supp. 30. 1969.
- ¹⁵⁷ Agache R. *Archéologie aérienne de la Somme.* // *Numéro spécial du Bulletin de la Société de Préhistoire du Nord.* N 6. 1964. Ил. 32, рис. 103 и 104.
- ¹⁵⁸ Clavel M. *Béziers et son territoire dans l'Antiquité.* 1970. P. 606—607.
- ¹⁵⁹ Durvin P. *Essai sur l'économie gallo-romaine dans la région de Creil.* 1972. P. 9—16.
- ¹⁶⁰ Sidoine Apollinaire. *Lettres.* Ed. 1970. II. P. 46 et note 9.
- ¹⁶¹ Dubled H. *Quelques observations sur le sens du mot «villa».* // *Le Moyen Age.* 1953. 1—2. P. 1—9.
- ¹⁶² Durvin P. *Op. cit.* P. 68.
- ¹⁶³ Gachon L. *La Vie rurale en France.* Ire éd. 1967; 3e éd. 1976. P. 39.
- ¹⁶⁴ Rouche M. *L'éclatement des mondes anciens.* // *Le Moyen Age*, p.p. R. Fossier, *op. cit.* P. 57.
- ¹⁶⁵ *Ibid.* P. 59.
- ¹⁶⁶ Brugièrè M.-B. *Littérature et droit dans la Gaule du Ve siècle.* 1974. P. 321. Речь идет о Лампридии, друге Сидония Аполлинария, убитом собственными рабами; тот же Сидоний Аполлиний упоминает о похищении некоей женщины, которую затем продали в рабство на рынке города Клермона.
- ¹⁶⁷ Pernoud R. // *Histoire du peuple français*, p.p. L.-H. Parias. I. *Des origines au Moyen Age.* P. 29.
- ¹⁶⁸ Dockes P. *La Libération médiévale.* 1979. P. 118.
- ¹⁶⁹ Dockes P. *Révoltes bagaudes et ensauvagement*, *op. cit.* P. 152—154.
- ¹⁷⁰ Hubert H. *Les Celtes depuis l'époque de la Tène et la civilisation celtique.* 1950. P. 184.
- ¹⁷¹ Сальвиан в 420 г. удалился в Леренское аббатство, а позже, в 430 г., в Марселе был рукоположен в священники. Приведенный отрывок заимст-

- вован из его «De gubernatione Dei», где варвары, призванные Богом покарать римский мир, описываются как главная движущая сила возродившегося общества.
- ¹⁷² Цит. по: Fossier R. Histoire sociale de l'Occident médiéval, op. cit. P. 45.
- ¹⁷³ Bruguère M.-B. Op. cit. P. 53.
- ¹⁷⁴ Dockès P. Révoltes bagaudes et ensauvagement, op. cit. P. 237.
- ¹⁷⁵ Dhondt J. Le Haut Moyen Age (VIIe — XIe siècles). 1976. P. 27—28.
- ¹⁷⁶ Delbrück H. Geschichte der Kriegskunst in Rahmen der Politischen Geschichte. 1900. I. P. 472 sq.
- ¹⁷⁷ Pirenne H. Лекции, прочитанные в Алжире в 1931 г.
- ¹⁷⁸ Romier L. L'Ancienne France des origines à la Révolution. 1948. P. 45.
- ¹⁷⁹ Lot F. La civilisation mérovingienne. // Les Destinées de l'Empire en Occident de 395 à 888. Première partie: De 395 à 768. Histoire du Moyen Age, p.p. G. Glotz. 1940. P. 383.
- ¹⁸⁰ Dockes P. La Libération médiévale, op. cit. P. 109.
- ¹⁸¹ Источник цитаты утерян.
- ¹⁸² Fossier R. Histoire sociale de l'Occident médiéval, op. cit. P. 33 sq.
- ¹⁸³ Dufournet P. Pour une archéologie du paysage. 1978. P. 163.
- ¹⁸⁴ Folz R., Guillou A., Musset L., Sourdrel D. De l'Antiquité au monde médiéval. 1972. P. 94—99, 243.
- ¹⁸⁵ Fossier R. Histoire sociale de l'Occident médiéval, op. cit. P. 36.
- ¹⁸⁶ Vatinel J.-L. Les Années terribles au IIIe siècle en Gaule. 1969. P. 29.
- ¹⁸⁷ Collection des historiens de France. I. P. 275.— Цит. по: Levasseur E. La Population française. 1889. I. P. 107.
- ¹⁸⁸ Février P.-A. Le Développement urbain en Provence de l'époque romaine à la fin du XIVe siècle (archéologie et histoire urbaine). 1964. P. 212.
- ¹⁸⁹ Labrousse H. Toulouse antique. Des origines à l'établissement des Wisigoths. 1968. P. 571.
- ¹⁹⁰ Rüstow A. Ortsbestimmung der Gegenwart. II. Weg der Freiheit. 1952. P. 243.
- ¹⁹¹ Frezouls E. Etudes et recherches sur les villes en Gaule. // La Gallia romana. Actes du colloque de l'Academia Nazionale dei Lincei (Rome, 10—11 mai 1971). 1973. P. 164.
- ¹⁹² Bruguère M.-B. Littérature et droit..., op. cit. P. 391 sq.
- ¹⁹³ Fustel de Coulanges N.-D. La monarchie franque. 5e éd. 1926. P. 520.
- ¹⁹⁴ Bloch M. Le problème de l'or au Moyen Age. // Annales d'histoire économique et sociale. 1933. V. P. 18.
- ¹⁹⁵ Sabbe E. L'importation des tissus orientaux en Europe occidentale au haut Moyen Age. // Revue belge de philologie et d'histoire. 1935. XIV. P. 811, 1261.
- ¹⁹⁶ Ganshof F.-L. Notes sur les ports de Provence du VIIIe au Xe siècle. // Revue historique. 1938. 184. P. 128.
- ¹⁹⁷ Ashtor E. A Social and Economic History of the Near East in the Middle Ages. 1976.
- ¹⁹⁸ Bonnassié P. La Catalogne du milieu du Xe à la fin du XIe siècle. 1975. I. P. 379.
- ¹⁹⁹ Как мне кажется, другое правдоподобное объяснение этого процесса,

- выдвинутое в последнее время,— потепление климата, начиная с VIII века,— не дает нам верного представления о причинно-следственных связях.
- ²⁰⁰ Reinhard M., Armengaud A., Dupâquier J. Histoire générale de la population mondiale. 1968. P. 62, 64; Werner K. F. Les Origines. // Histoire de France, p.p. J. Favier. 1984. P. 360.
- ²⁰¹ Werner K. F. Op. cit. P. 302; Musset L. // Folz R., Guillou A., Musset L., Sordel D. Op. cit. P. 118—120.
- ²⁰² Musset L. Les migrations barbares. // Histoire de France, p.p. G. Duby. 1970. I. P. 165; Riche P. Les temps mérovingiens, VIe — VIIe siècles. // Ibid. I. P. 171.
- ²⁰³ Doehaerd R. Le Haut Moyen Age occidental. Economies et sociétés. 1971. P. 125—126, 223—224.
- ²⁰⁴ Ibid. P. 223.
- ²⁰⁵ Rouche M. L'éclatement des mondes anciens. // Le Moyen Age, p.p. R. Fossier, op. cit. P. 97.
- ²⁰⁶ Lemaignier J.-F. La France médiévale, institutions et société. 1970. P. 52.
- ²⁰⁷ Riché P. Op. cit. // Histoire de France, p.p. G. Duby. I. P. 170.
- ²⁰⁸ Genicot L. Aux origines de la civilisation occidentale, Nord et Sud de la Gaule. // Miscellanea L. Van der Essen. 1947. P. 1 sq.
- ²⁰⁹ Ibid. P. 89.
- ²¹⁰ Doehaerd R. Op. cit. P. 90 sq.
- ²¹¹ Regazzola T., Lefevre J. La Domestication du mouvement. Poussées mobilisatrices et surrection de l'Etat. 1981. P. 20.
- ²¹² Bloch M.— Цит. по: Le Mené M. L'Economie médiévale. 1977. P. 26.
- ²¹³ Pirenne H. L'instruction des marchands au Moyen Age. // Annales d'histoire économique et sociale. 1929. P. 18.
- ²¹⁴ Riché P. Op. cit. // Histoire de France, p.p. G. Duby. I. P. 170.
- ²¹⁵ Ibid. P. 180—181.
- ²¹⁶ Fossier R. Histoire sociale de l'Occident médiéval, op. cit. P. 52.
- ²¹⁷ Dhondt J. Le Haut Moyen Age (VIIIe — XIe siècles), traduction française. 1976. P. 73. О Верденском договоре см.: Бродель Ф. Что такое Франция. Кн. I. С. 274—277 и карту на с. 275.
- ²¹⁸ Dhondt J. Op. cit. P. 75.
- ²¹⁹ Madaule J. Histoire de France. I. 1943. P. 77.
- ²²⁰ То есть события, имеющего далеко идущие последствия: тем самым к нему присоединяется временной отрезок, который намного превосходит его собственную протяженность во времени.
- ²²¹ Curtius E. R. La Littérature européenne et le Moyen Age latin. 1956. P. 23.
- ²²² Jorga N. Histoire du peuple français, éd. en roumain. 1919. P. 93.
- ²²³ Bonnassié P. Op. cit. I. P. 131.
- ²²⁴ Fossier R. Le Moyen Age. I. Les Mondes nouveaux 350—950. P. 14; II. L'Éveil de l'Europe 950—1250. P. 7.
- ²²⁵ Dhondt J. Op. cit. P. 2—3.
- ²²⁶ Фиск — совокупность различных податей, собиравшихся во всех провин-

- циях Римской империи. Впоследствии этим словом стал обозначаться особый домен, принадлежащий государю или государству, и совокупность сборов с тех сеньорий, владельцем или сюзереном которых считался король.
- ²²⁷ Графы — управляющие в провинциях, наделенные административной, судебной, финансовой и военной властью. *Missi dominici* были созданы Карлом Великим для осуществления надзора за графами.
- ²²⁸ *Онёр* — в Каролингскую эпоху словом *honog* или *honor* обозначались земли, доходы или передача части налогов, которые король уступал как бенефиций своим основным чиновникам вместо жалования на время исполнения ими своих обязанностей.
- ²²⁹ См. выше: Бродель Ф. Что такое Франция? Кн. 1. С. 267. и Dhondt J. Op. cit. P. 55.
- ²³⁰ Ibid. P. 55.
- ²³¹ Ibid. P. 58.
- ²³² Gachon L. *La Vie rurale en France*. 3e éd. 1976. P. 42.
- ²³³ Rolland P. *De l'économie antique au grand commerce médiéval. Le problème de la continuité à Tournai et dans la Gaule du Nord.* // *Annales d'histoire économique et sociale*. 1935. VII. P. 245—284.
- ²³⁴ Lombard-Jourdan A. *Du problème de la continuité: y a-t-il une protohistoire urbaine de la France?* // *Annales E. S. C.* 1970. 4. P. 1127.
- ²³⁵ Klaveren J. van. *Die Wikingerzüge in ihrer Bedeutung für die Belebung der Geldwirtschaft in frühen Mittelalter.* // *Jahrbuch für Nationalökonomie und Statistik*. 1957. Bd. 168. H. 5/6. P. 405 sq.
- ²³⁶ Lombard M. *Mahomet et Charlemagne.* // *Annales E. S. C.* 1948. N 2. P. 197.
- ²³⁷ Rouche M. *La rénovation carolingienne.* // *Le Moyen Age*. I. *Les Mondes nouveaux 350—950*. 1982. P. 371.
- ²³⁸ Regazzola T., Lefevre J. Op. cit. P. 19.
- ²³⁹ Ibid. P. 23.
- ²⁴⁰ См., например, принадлежащее Рене Духару обширное собрание документов, относящихся к объему продаж, которые осуществлялись королевскими городами, а также отдельными сеньорами, монастырями и самими крестьянами: *Le Haut Moyen Age occidental*, op. cit. P. 224—230.
- ²⁴¹ Речь идет об *Edictum Pistense 864* года; см.: Boretius A., Krause V. *Capitularia regum Francorum*. II. P. 319. // *Monumenta Germaniae Historica*. 1890.
- ²⁴² Dhondt J. Op. cit. P. 194.
- ²⁴³ Ibid. P. 36, и в отношении протянувшихся на большие расстояния торговых связей — P. 152 sq.
- ²⁴⁴ Ibid. P. 172—190.
- ²⁴⁵ Ibid. P. 160 sq.
- ²⁴⁶ Doehaerd R. Op. cit. P. 103—109.
- ²⁴⁷ Мосарабы — испанские христиане в период господства в стране мусульман.
- ²⁴⁸ Полиптих — состоящий из многих разделов регистр, куда заносились

- официальные и достоверные данные об имуществе и доходах монастыря.
- ²⁴⁹ Russel J.— Цит. по: Reinhard M. // *Histoire générale de la population mondiale*. Op. cit. P. 64.
- ²⁵⁰ Beloch K. J. *Die Bevölkerung Europas im Mittelalter*. // *Zeitschrift für Socialwissenschaft*. 1900. P. 408.
- ²⁵¹ Rouché M. Op. cit. P. 460—461.
- ²⁵² О понятии «мир-экономика» см.: Braudel F. *Civilisation matérielle...* Т. III. P. 12 et sq. (Бродель Ф. *Материальная цивилизация...* Т. III. С. 14 и след.).
- ²⁵³ Pirenne H. *Histoire économique et sociale du Moyen Age*. Ed. 1969. P. 20.
- ²⁵⁴ Dhondt J. Op. cit. P. 183.
- ²⁵⁵ Dhondt J. Op. cit. P. 189.

ГЛАВА ВТОРАЯ

- ¹ Dhondt J. *Le Haut Moyen Age (VIIIe — XIe siècles)*. 1976. P. 186.
- ² Bois G. *Crise du féodalisme*. 1976. P. 299.
- ³ 70% в Нормандии, 64% в Верхнем Провансе, 70% в Шансоре, почти столько же в окрестностях Парижа. Эти цифры приводятся в книге: Bois G. Op. cit. P. 62—63, со ссылкой на: Baratier E. *La Démographie provençale du XIIIe au XVIe siècle*. P. 81, 59; Fierro A. *Un cycle démographique: Dauphiné et Faucigny du XIVe au XIXe siècle* // *Annales E. S. C.*, 1971. Septembre — octobre. P. 941—949; Fourquin G. *Les Campagnes de la région parisienne à la fin du Moyen Age*. 1964. P. 364—366.
- ⁴ Bois G. Op. cit. Часть третья: «Этапы кризиса».
- ⁵ Ср.: Werner K. F. *Les Origines* // *Histoire de France*. Sous la direction de J. Favier. 1984. Т. I. P. 432.
- ⁶ Ibid. P. 431.
- ⁷ Ibid. P. 433.
- ⁸ Ibid. P. 426. Начиная с XI века на севере Бургундии.
- ⁹ Фрисландия — древняя приморская страна; в 843 году по Верденскому договору была присоединена к королевству Лотаря, славились своими тканями и вела торговлю с дальними странами. Dhondt J. *Le Haut Moyen Age (VIIIe — XIe siècles)*. 1976. P. 143—144.
- ¹⁰ Perroy E. *La Guerre de Cent Ans*. 1945. P. 41.
- ¹¹ Аллод — наследственная земельная собственность, в отличие от бенефиция.
- ¹² Бенефиций «в конце XI века стал превращаться в феод (фьеф)». (Favier J. *Le Temps des principautés: de l'an Mil à 1515* // *Histoire de France...* Op. cit. 1984. Т. II. P. 22).
- ¹³ Pfister Ch. *Etudes sur le regne de Robert le Pieux (996—1031)*. 1885. P. 167—168.
- ¹⁴ Perroy E. Op. cit. P. 18.
- ¹⁵ Sigaut F. *Moulins, femmes, esclaves* // *Colloque Techniques, technologie et histoire dans l'aire méditerranéenne*. Aix-en-Provence. 1982. 21—23 octobre.

- ¹⁶ Werner K. F. Op. cit. P. 424; Dhondt J. Op. cit. P. 27.
- ¹⁷ Dhondt J. Op. cit. P. 24—25; Duby G. L'Economie rurale et la vie des campagnes de l'Occident médiéval. 1962. T. I. P. 100—102.
- ¹⁸ Об образовании этой биполярности см. также: Braudel F. Civilisation matérielle... Т. III. P. 78 sq. (Бродель Ф. Материальная цивилизация... Т. III. С. 92 и след.).
- ¹⁹ Ibid. P. 77, note 17. Там же. С. 91, примеч. 17.
- ²⁰ Russel J. C. Late ancient and medieval population // Transactions of the American Philosophical Society. 1958. P. 95 sq.; Цит. по: Abel W. Crises agraires en Europe (XIIIe — XXe siècle). 1973. P. 35—36.
- ²¹ Duby G., Mantran R. L'Eurasie: XIe — XIIe siècles. 1982. P. 18.
- ²² Russel J. C. Op. cit. P. 96.
- ²³ Abel W. Op. cit. P. 37.
- ²⁴ Duby G., Mantran R. L'Eurasie... Op. cit. P. 18—19.
- ²⁵ Ibid. P. 85.
- ²⁶ Thalamas A. La Société seigneuriale française 1050—1270. 1951. P. 46, note 18.
- ²⁷ Bloch M. Les Caractères originaux de l'histoire rurale française. 1976. T. I. P. 5, 9.
- ²⁸ Thalamas A. Op. cit. P. 43.
- ²⁹ Bloch M. Op. cit. T. I. P. 9.
- ³⁰ Badré L. Histoire de la forêt française. 1983. P. 27.
- ³¹ Morel E. En Champagne, le bois dont on fait les villages // Marie-France. 1982, octobre.
- ³² О важности использования лесов см. также: Braudel F. Civilisation matérielle... Т. I. P. 252. (Бродель Ф. Материальная цивилизация... Т. I. С. 292).
- ³³ Brunet P. Structure agraire et économie rurale des plateaux tertiaires entre la Seine et l'Oise. 1960. P. 430 sq.
- ³⁴ Мюльсен, старинная область Франции, между Марной и Урком.
- ³⁵ Орксау, маленький край в Бри.
- ³⁶ См. удивительную аэрофотосъемку Роже Агаша; на снимках видно, как располагались в древности галло-римские виллы и как вдоль их границ, иногда неправильных, строились деревни. Следовательно, зарождение их относится к тем временам, когда еще существовала эксплуатация. См.: Agache R. Archéologie aérienne de la Somme, recherches nouvelles // Bulletin spécial de la Société de Préhistoire du Nord. 1964, N° 6, figure 218; Agache R. Détection aérienne des vestiges protohistoriques gallo-romains et médiévaux dans le bassin de la Somme et ses abords // Ibid. 1970, N° 7, figure 637, figure Q, p. 210—211.
- ³⁷ Mireaux E. Une province française au temps du Grand Roi: la Brie. 1956. P. 70. sq.
- ³⁸ Brunet P. Op. cit. P. 434.
- ³⁹ Julien-Labruyère F. Paysans charentais, histoire des campagnes d'Aunis, Saintonge et Bas-Angoumois. 1982. T. I. P. 43.

- ⁴⁰ Bois G. Population, ressources et progrès technique dans un village du Mâconnais (X^e — XVIIIe siècles) // Des labours de Cluny à la révolution verte. Actes du Colloque «Population-ressources». 1985. P. 38.
- ⁴¹ Dhondt J. Op. cit. P. 115—117 et note p. 330.
- ⁴² Favier J. Histoire de France. T. II: Le Temps des principautés de l'an Mil à 1515. 1984. P. 58.
- ⁴³ Ср.: Braudel F. Civilisation matérielle... Т. III. P. 77, note 19 (Бродель Ф. Материальная цивилизация... Т. III. С. 91, примеч. 19).
- ⁴⁴ Там же. С. 91, примеч. 18.
- ⁴⁵ Favier J. Op. cit. P. 56.
- ⁴⁶ Bois G. Grise du féodalisme. 1976. P. 264.
- ⁴⁷ Werner K. F. Op. cit. P. 426—428.
- ⁴⁸ Ibid. P. 58.
- ⁴⁹ Ibid. P. 60.
- ⁵⁰ Chaunu P. Le Temps des Réformes. 1975. P. 77.
- ⁵¹ Philippe R. L'Énergie au Moyen Âge: l'exemple des pays d'entre Seine et Loire de la fin du Xe siècle à la fin du XVe siècle (thèse inédite). 1980. Т. I. P. 173.
- ⁵² Chedeville A. Chartres et ses campagnes, XIe — XIIIe siècles. 1973. P. 196.
- ⁵³ Ibid. P. 194.
- ⁵⁴ Средняя мощность одной мельницы равнялась шести лошадиным силам; таким образом, мощность двадцати тысяч мельниц равнялась 120 000 лошадиных сил, меж тем как тяговая сила одной лошади равняется $\frac{1}{7}$ лошадиной силе, а человека — 0,3 лошадиной силы; следует учитывать также, что человеку и лошади необходим отдых; с другой стороны, работа мельниц носит сезонный характер.
- ⁵⁵ Мнение Робера Филиппа в одной из наших дискуссий.
- ⁵⁶ Philippe R. Les premiers moulins à vent // Annales de Normandie, 1982, N° 2, juin. P. 100, note: «В 1802 году водяных мельниц было 66 000, а ветряных — 10 000; в 1896 году водяных и ветряных мельниц было в общей сложности 37 051, в 1921 году — 20 168».
- ⁵⁷ Bonnaud P. Op. cit. Т. I. P. 18.
- ⁵⁸ Даже если не соглашаться с сильно заниженным числом, которое называет Рассел и которое мы приводили выше (6 200 000 жителей), население Франции в начале XII века не могло превышать десяти миллионов, иначе говоря, активное население составляло в тот момент около двух миллионов. Если допустить, что 20 000 мельниц той эпохи эквивалентны 600 000 рабочих рук (см. выше и примеч. 54), придется предположить, что мельницы эти увеличили общую активность примерно на треть. Все это — лишь гипотезы, но они дают представление о порядке чисел.
- ⁵⁹ Свидетельство, полученное по чистой случайности в путешествии от участника описываемого события.
- ⁶⁰ Philippe R. L'Énergie au Moyen Âge. Op. cit. Т. I. P. 15.
- ⁶¹ Abel W. Op. cit., chapitre I, en particulier p. 49—51.
- ⁶² Chaunu P. Op. cit. P. 13.

- ⁶³ Delisle L. Etudes sur la condition de la classe agricole et l'état de l'agriculture en Normandie au Moyen Age. 1850— цит. по: Philippe R. Op. cit. P. 66.
- ⁶⁴ Подробнее об этом первом европейском мире-экономике см.: Braudel F. Civilisation matérielle... Т. III. P. 74—94 (Бродель Ф. Материальная цивилизация... Т. III. С. 87—107).
- ⁶⁵ Bourquelot F. Etudes sur les foires de Champagne. 1865. Т. I. P. 72—75; Bautier R.-H. Les foires de Champagne // Recueils de la Société Jean Bodin. Т. V. La Foire. 1953. P. 14.
- ⁶⁶ Bur M. Remarques sur les plus anciens documents concernant les foires de Champagne // Colloque Les Villes, contribution à l'étude de leur développement en fonction de l'évolution économique. Troyes, octobre 1970. 1972. P. 60.
- ⁶⁷ Dollinger Ph. Le chiffre de la population de Paris au XIVe siècle: 210 000 habitants ou 80 000 habitants? // Revue historique. 1956, juillet-septembre. P. 35—44.
- ⁶⁸ Perroy E. Op. cit. P. 16. Карл V (1356—1380) построит за городскими стенами квартал Маре.
- ⁶⁹ Georges Suffert fait le point avec Régine Pernoud: des cathédrales à recolorier // Le Point. 1983. 24—30 janvier. P. 112—122.
- ⁷⁰ Curtius E. La Littérature européenne et le Moyen Age latin. Traduction française. 1956. P. 68.
- ⁷¹ Ibid. P. 588—589. Майкл Блонпейн, именовавший себя также Мишелем де Корнуби, родом из Корнуэлла, учился в Оксфорде и в Париже.
- ⁷² Bortolotti L. Le Città nella storia d'Italia. 1983. P. 36.
- ⁷³ Fossier R. Le Moyen Age. 1983. Т. III. P. 55.
- ⁷⁴ Франсуа Симьян различает в циклических кризисах фазу А, фазу подъема, и фазу В, фазу спада.
- ⁷⁵ Fossier R. Op. cit. P. 21.
- ⁷⁶ Bois G. Grise du féodalisme. 1976. P. 10.
- ⁷⁷ Ibid. P. 11.
- ⁷⁸ Chédeville A. Chartres et ses campagnes, XIe — XIIIe siècles. 1973. P. 528.
- ⁷⁹ Fossier R. Op. cit. Т. III. P. 25.
- ⁸⁰ Belotte M. La Région de Bar-sur-Seine à la fin du Moyen Age. Thèse. 1973. P. 37.
- ⁸¹ Fossier R. Op. cit. Т. III. P. 44.
- ⁸² Philippe R. Op. cit. Т. I. P. 265.
- ⁸³ Bois G. Op. cit. P. 52.
- ⁸⁴ Ibid. P. 62.
- ⁸⁵ Ibid. P. 299.
- ⁸⁶ Vuitry A. Etudes sur le régime financier de la France avant la Révolution de 1789. 1883. Т. II. P. 295—299; цит. по: Bois G. Op. cit. P. 267.
- ⁸⁷ Viraben J.-N. Les Hommes et la peste en France et dans les pays européens et méditerranéens. 1975. Т. I. P. 55.
- ⁸⁸ С Ближнего Востока, где чума, в отличие от Европы, еще не исчезла (ср. примеч. 90).
- ⁸⁹ Viraben J.-N. Op. cit. Т. I. P. 309.

- ⁹⁰ В Османской империи чума продолжает свирепствовать, принуждая все средиземноморские порты к карантину; в один прекрасный день она, как и в Европе, полностью исчезнет, но произойдет это только около 1850 года. Panzac D. *La Peste dans l'Empire ottoman 1700—1850*. Thèse inédite. Aix-en-Provence. 1982.
- ⁹¹ Venette J. de. *Continuations de Guillaume de Nangis (1300—1368)*. Ed. 1844. Т. II; цит. по: Coulet N. *Le malheur des temps, 1348—1440 // Histoire de la France*. P. p. Georges Duby. 1971. Т. II. P. 11.
- ⁹² Biraben J.-N. *Op. cit.* P. 159.
- ⁹³ Coulet N. // Duby G. *Op. cit.* Т. II. P. 9.
- ⁹⁴ Basin T. *Histoire de Charles VII*. Ed. 1933. P. 88—89.
- ⁹⁵ Julien-Labruyère F. *Op. cit.* P. 132.
- ⁹⁶ Coulet N. // Duby G. *Op. cit.* P. 18.
- ⁹⁷ Froissart J. *Chroniques*. V (1356—1360); цит. по: Coulet N. *Op. cit.* P. 14.
- ⁹⁸ *Journal d'un bourgeois de Paris (1405—1449)*. Ed. 1881; цит. по: Coulet N. *Op. cit.* P. 32.
- ⁹⁹ *Ibid.* P. 9.
- ¹⁰⁰ Lefevre E. *La Population française*. 1891. Т. I. P. 179.
- ¹⁰¹ Coulet N. // Duby G. *Op. cit.* Т. II. P. 28.
- ¹⁰² Fossier R. *Op. cit.* Т. III. P. 65.
- ¹⁰³ Day J. *The Great Bullion Famine of the 15th century // Past and Present*. 1978. Mai. P. 3—54.; Day J. *The Question of Monetary Contraction in late Medieval Europe // Nordisk Numismatik Arsskrift*. 1981. P. 12—29.
- ¹⁰⁴ Bourquelot F. *Op. cit.* Т. I. P. 190.
- ¹⁰⁵ Lefevre A. *Les finances de la Champagne aux XIIIe et XIVe siècles // Bibliothèque de l'École des Chartes*. 1859. P. 69; цит. по: Belotte M. *Op. cit.* P. 156.
- ¹⁰⁶ Doehaerd R. *Les galères génoises dans la Manche et la mer du Nord à la fin du XIIIe et au début du XIVe siècle // Bulletin de l'Institut Historique belge de Rome*. 1938. P. 5—76.
- ¹⁰⁷ Braudel F. *Civilisation matérielle... Т. III*. P. 123. (Бродель Ф. *Материальная цивилизация... Т. III*. С. 138).
- ¹⁰⁸ Otte E. *La Rochelle et l'Espagne. L'expédition de Diego Ingenios à l'île des Perles en 1528 // Revue d'Histoire économique et sociale*. 1959. Т. I. P. 44.
- ¹⁰⁹ Braudel F. *Civilisation matérielle... Т. III*. P. 95. (Бродель Ф. *Материальная цивилизация... Т. III*. С. 108).
- ¹¹⁰ *Ibid.* P. 475—477; Там же. С. 486—488.
- ¹¹¹ *Ibid.* P. 95 sq.; Там же. С. 108 и след.
- ¹¹² Chaunu P., Suffert G. *La Peste blanche*. 1976. P. 57.
- ¹¹³ Spooner F. C. *The international Economy and Monetary Movements in France, 1493—1725*. 1972.
- ¹¹⁴ Braudel F. *La Méditerranée et le monde méditerranéen... Op. cit.* Т. II. P. 217.
- ¹¹⁵ Mols R., père. *Introduction à la démographie historique des villes d'Europe de XIVe au XVIIIe siècle*. 1955. Т. II. P. 516.

- ¹¹⁶ Mariéjol J.-H. La Réforme et la Ligue. L'Edit de Nantes (1559—1598) // Histoire de France. P. p. E. Lavissee. 1911. T. VI. P. 111 sq.
- ¹¹⁷ Goubert P. Beauvais et le Beauvaisis de 1600 à 1730. Contribution à l'histoire sociale de la France du XVIIe siècle. 1960. P. 30.
- ¹¹⁸ Levasseur E. Op. cit. T. I. P. 189.
- ¹¹⁹ Le Roy Ladurie E. Les Paysans de Languedoc. 1966. T. I. P. 149—150.
- ¹²⁰ Ibid. P. 163.
- ¹²¹ Ibid. P. 189.
- ¹²² Belotte M. Op. cit. P. 266.
- ¹²³ Ibid. P. 310.
- ¹²⁴ Harmelle C. Les Piqués de l'aigle. Saint-Antonin et sa région (1850—1940). 1982. P. 22.
- ¹²⁵ Brantôme. P. de. Oeuvres. Ed. 1779. T. IX. P. 249.
- ¹²⁶ Цит. по: Helleiner K. // The Cambridge Economic History of Europe. Ed. E. E. Rich et H. J. Habakkuk. 1967. T. IV. P. 24.
- ¹²⁷ Lütfi Barkan O.; цит. по: Braudel F. La Méditerranée et le monde méditerranéen... 1982. T. I. P. 363.
- ¹²⁸ Braudel F. Civilisation matérielle... T. I. P. 163 sq. (Бродель Ф. Материальная цивилизация... Т. I. С. 179 и след.).
- ¹²⁹ Вероятно, в разных регионах дело обстоит по-разному. Например, в Нормандии, как замечает Ги Буа, к 1550 году численность населения уменьшилась почти на четверть по сравнению с концом XIII века (Bois G. Op. cit. P. 71).
- ¹³⁰ Braudel F. Civilisation matérielle... Т. III. P. 69 (Бродель Ф. Материальная цивилизация... Т. III. С. 81—82). Ги Буа (Op. cit. P. 10) приводит очень интересный пример: в 1473 году бургиньоны разграбили север Нормандии; деревни были стерты с лица земли, посевы уничтожены, разруха царилла такая же, как столетием раньше, но на сей раз, в эпоху бурного экономического подъема, все было восстановлено всего за несколько лет.
- ¹³¹ Armengaud A. La Famille et l'enfant en France et en Angleterre du XVIe au XVIIIe siècle. 1975. P. 81.
- ¹³² Coquault O. Mémoires... (1649—1668). Ed. 1875. T. I. P. 34.
- ¹³³ Goubert P. Le régime démographique français au temps de Louis XIV // Histoire économique et sociale de la France P. p. F. Braudel et E. Labrousse. 1970. T. II. P. 37.
- ¹³⁴ Fourastié J. De la vie traditionnelle à la vie tertiaire // Population, 1959. № 3. P. 418.
- ¹³⁵ Armengaud A., Dupâquier J., Reinhard M. Histoire générale de la population mondiale. 1968. P. 175—176.
- ¹³⁶ Ibid. P. 195.
- ¹³⁷ Braudel F. Civilisation matérielle... Т. I. P. 136. (Бродель Ф. Материальная цивилизация... Т. I. С. 180).
- ¹³⁸ Histoire de l'Aquitaine. P. p. Ch. Higounet. 1971. P. 303.
- ¹³⁹ Croix A. La Bretagne aux XVIe et XVIIe siècles. 1981. T. I. P. 44—45.

- ¹⁴⁰ Braudel F. *Civilisation matérielle...* Т. I. P. 141 et notes 233 et 234 (Бродель Ф. *Материальная цивилизация...* Т. I. С. 186 и примеч. 233 и 234).
- ¹⁴¹ Juillard E. *La Vie rurale dans la plaine de Basse-Alsace. Essai de géographie sociale.* 1953. P. 213—215.
- ¹⁴² Hamilton J. *American Treasure and the Price Revolution in Spain.* 1934.
- ¹⁴³ Chaunu P. et H. *Séville et l'Atlantique 1504—1650.* 1955—1960.
- ¹⁴⁴ Morineau M. *Incroyables Gazettes et fabuleux métaux. Les retours des trésors américains d'après les gazettes hollandaises (XVIe—XVIIIe siècles).* 1985.
- ¹⁴⁵ Goubert P. *Beauvais et le Beauvaisis...* Op. cit. P. 382 et note 77.
- ¹⁴⁶ Kula W. *Théorie économique du système féodal...* 1970. P. 48.
- ¹⁴⁷ Spooner F. *The International Economy and Monetary Movements in France 1493—1725.* 1972. P. 306.
- ¹⁴⁸ Beloch K. J. *Die Bevölkerung Europas zur Zeit der Renaissance // Zeitschrift für Sozialwissenschaft.* 1900. P. 774, 786.
- ¹⁴⁹ Armengaud A., Dupâquier J., Reinhard M. Op. cit. P. 241—271, 328—339.
- ¹⁵⁰ Pouthas Ch.-H. *La Population française pendant la première moitié du XIXe siècle.* 1956; Goubert P. *Les fondements démographiques // Histoire économique et sociale de la France...* Op. cit. 1970. T. II. P. 9—84; Armengaud A. *Le rôle de la démographie // Histoire économique et sociale de la France...* Op. cit. 1976. T. III. P. 161—238.
- ¹⁵¹ Armengaud A., Dupâquier J., Reinhard M. Op. cit. P. 252.
- ¹⁵² Armengaud A. Op. cit. // Braudel F., Labrousse E. *Histoire économique et sociale de la France.* 1976. T. III. P. 173.
- ¹⁵³ Labrousse C. E. *La Crise de l'économie française à la fin de l'Ancien Régime et au début de la Révolution.* 1944.
- ¹⁵⁴ Slicher van Bath B. H. *Yield Ratios 810—1820.* 1963. P. 16.
- ¹⁵⁵ Gascon R. *La France du mouvement: les commerces et les villes // Histoire économique et sociale de la France...* 1977. T. I. P. 238; здесь приводится цитата из «*Картины Франции в 1510 году*» Н. Макиавелли.
- ¹⁵⁶ Bairoch P. *Les grandes tendances des disparités économiques nationales depuis la révolution industrielle // Regional and International Disparities in Economic Development since the Industrial Revolution. 7e congrès international d'histoire économique.* 1978. P. 43—45.
- ¹⁵⁷ Poussereau L. M. *Changements survenus depuis un siècle dans la condition des bûcherons et des ouvriers forestiers du département de la Nièvre // Bulletin de la Société scientifique et artistique de Clamecy.* 1927. P. 36—54.
- ¹⁵⁸ Sournia J.-Ch. *Histoire et médecine.* 1982. P. 236.
- ¹⁵⁹ Ibid. P. 235.
- ¹⁶⁰ Bernard J.; цит. по: *Le 28e Congrès d'histoire de la médecine, tromper la mort // Le Monde.* 1982. 8 septembre.
- ¹⁶¹ Littré E. // *Journal des débats.* 1856; 18 juin; цит. по: Sournia J.-Ch. Op. cit. P. 237.
- ¹⁶² Bernard C. *Introduction à l'étude de la médecine expérimentale; цит. по: Sournia J.-Ch. Op. cit.* P. 236.

- ¹⁶³ Sauvy A. Préface // *Demain le Tiers-Monde: population et développement. Numéro spécial de la Revue Tiers Monde*. 1983. [Т.] XXIV, № 94. Avril — juin. P. 236.
- ¹⁶⁴ Sauvy A. *La Population*. 1963. P. 66.
- ¹⁶⁵ Sauvy A. Notes de lecture // *Le Monde*. 1982. 14 septembre.
- ¹⁶⁶ Naisbitt J. Megatrends; цит. по: Duquesne J. Spécial 1983—2000, l'agenda du futur // *Le Point*. 1983. 7 novembre. P. IV.
- ¹⁶⁷ В 1980 году детская смертность во Франции составляла десять человек на тысячу; таким образом, мы занимали восьмое место в мире после Швеции, Японии, Финляндии, Швейцарии, но перед Соединенными Штатами и Германией (*Population et Sociétés*. 1982. Août. № 160). В 1985 году цифра эта снизилась до 8,3 человека на тысячу (*Ibid.* № 200).
- ¹⁶⁸ Valran G. Misère et charité en Provence au XVIIIe siècle. 1899. P. 22—23.
- ¹⁶⁹ Sauvy A. *Histoire économique de la France entre les deux guerres*. Op. cit. 1974. Т. II. P. 340—341.
- ¹⁷⁰ Goudar A. Op. cit. 1756. Т. I. P. 271, 275.
- ¹⁷¹ Auffray J. Le Luxe considéré relativement à la population et à l'économie. 1762. P. 29—30.
- ¹⁷² Goudar A. Op. cit. P. 96.
- ¹⁷³ Novi de Caveirac J. Paradoxes intéressants sur la cause et les effets de la révocation de l'Edit de Nantes, la dépopulation et la repopulation du Royaume, l'intolérance civile et rigoureuse d'un gouvernement... 1758. P. 253.
- ¹⁷⁴ Turmeau de La Morandière D.-L. Appel des étrangers dans nos colonies. 1763. P. 21.
- ¹⁷⁵ Cerfvol, chevalier de. *Législation du divorce*. 1770. P. 62—63.
- ¹⁷⁶ Moheau M. *Recherches et considérations sur la population de la France*. 1778. Ed. 1912. P. 258.
- ¹⁷⁷ Féline, père. *Catéchisme*. 1782. P. 11; цит. по: Gouesse J.-M. En Basse-Normandie au XVIIe et XVIIIe siècles: le refus de l'enfant au tribunal de la pénitence // *Annales de démographie historique*. 1973. P. 255—256.
- ¹⁷⁸ Messance M. *Nouvelles Recherches sur la population de la France*. 1788. P. 27.
- ¹⁷⁹ Bardet J.-P. Rouen aux XVIIe et XVIIIe siècles, les mutations d'un espace social. 1983. Т. I. P. 263.
- ¹⁸⁰ Arbellot G. Cinq Paroisses du Vallage, XVIIe — XVIIIe siècles. Etude de démographie historique. 1970. P. 225.
- ¹⁸¹ Gouesse J.-M. Op. cit. P. 231.
- ¹⁸² *Ibid.* P. 251.
- ¹⁸³ Nickolls J. (pseudonyme de Plumard de Dangeul). Remarques sur les avantages et désavantages de la France et de la Grande-Bretagne par rapport au commerce et autres sources de la puissance des Etats. 1754. P. 18—19.
- ¹⁸⁴ Dupâquier J., Lachiver M. La contraception en France ou les deux malthusianismes // *Annales E. S. C.* 1969, № 6. P. 1401.
- ¹⁸⁵ Bardet J.-P. Op. cit. P. 265.
- ¹⁸⁶ *Ibid.* P. 272.

- ¹⁸⁷ Ganiage J. Trois Villages d'Ile-de-France au XVIIIe siècle // I. N. E. D. 1963. Cahier № 40. P. 131.
- ¹⁸⁸ Chamoux A., Dauphin C. La contraception avant la Révolution française: l'exemple de Châtillon-sur-Seine // Annales E. S. C. 1969, № 3. P. 662—684.
- ¹⁸⁹ Deniel R., Henry L. La population d'un village du Nord de la France, Sainghin-en-Mélantois de 1665 à 1851 // Population. 1965. № 4. P. 563—602. О Вандее см.: Flandrin J.-L. Les Amours paysannes (XVIe — XIXe siècles). 1975. P. 242.
- ¹⁹⁰ Gouesse J.-M. Op. cit. P. 232 et note 6.
- ¹⁹¹ Sévigné, marquise de. Lettres. Ed. Pléiade. 1953. T. I. P. 432, 433, 450; ср. также: La Prévention des naissances dans la famille, ses origines dans les pays modernes. Cahier d'INED. 1960. № 35. P. 156—159.
- ¹⁹² Bardet J.-P. Op. cit. P. 264.
- ¹⁹³ Montaigne M. de. Les Essais. Ed. Pléiade. 1962. I, XIV. P. 58.
- ¹⁹⁴ Тексты XVI века цит. по: Flandrin J.-L. Op. cit. P. 83, 86.
- ¹⁹⁵ Святой Жан-Эд; цит. по: Gouesse J.-M. Op. cit. P. 253.
- ¹⁹⁶ Брикбек, сентябрь 1708 г.; цит. по: Gouesse J.-M. Op. cit. P. 258.
- ¹⁹⁷ Montaigne M. de. Op. cit. I, XXX. P. 196.
- ¹⁹⁸ Brantôme P. de. Les Dames galantes. Ed. M. Rat. [1917]. P. 25; цит. по: Flandrin J.-L. La vie sexuelle des gens mariés dans l'ancienne société: de la doctrine de l'Eglise à la réalité des comportements // Communications. 1982. P. 108—109.
- ¹⁹⁹ Brantôme P. de. Op. cit. P. 32, 27—28; цит. по: Flandrin J.-L. Contraception, mariage et relations amoureuses dans l'Occident chrétien // Annales E. S. C. 1969. № 6. P. 1383—1384 et note 4.
- ²⁰⁰ Brantôme P. de. Op. cit. P. 38—39; цит. по: Flandrin J.-L. Op. cit. P. 1385.
- ²⁰¹ Flandrin J.-L. L'attitude à l'égard du petit enfant et les conduites sexuelles dans la civilisation occidentale // Annales de démographie historique. 1973. P. 182 sq.
- ²⁰² Цит. по: Bergues H. La Prévention des naissances dans la famille. INED. 1960. Cahier № 35. P. 229—230.
- ²⁰³ Montaigne M. de. Op. cit. I, XIV. P. 62.
- ²⁰⁴ Sauvy A. Essai d'une vue d'ensemble // La Prévention des naissances dans la famille, ses origines dans les temps modernes. Op. cit. P. 389—390.
- ²⁰⁵ Buisson F. Souvenirs (1866—1916). 1916. P. 30—32.
- ²⁰⁶ Об этой группе, ее жизни и роли в обществе XVI века см. также: Huppert G. L'Idée de l'histoire parfaite. 1973; Bourgeois et gentilshommes. La réussite sociale en France au XVIe siècle. 1983. О создании новых школ в XVI веке см.: Huppert G. Public School France in Renaissance. 1984.
- ²⁰⁷ Quinet E. Histoire de mes idées. Autobiographie. [1878]. P. 78—79.
- ²⁰⁸ Цит. по: Reinhard M., Armengaud A., Dupâquier J. Histoire de la population mondiale. 1968. P. 336.
- ²⁰⁹ Levy M.-L. Les étrangers en France // Population et société. 1980. № 137, juillet-août. Данные, приведенные выше, заимствованы из той же статьи.
- ²¹⁰ Ibid.

- ²¹¹ Ibid.
- ²¹² Цит. по: Braudel F. *La Méditerranée...* Op. cit. Т. II. P. 129.
- ²¹³ Barbara A. *Un muscle seulement?* // *Le Monde*. 1980. 25 juillet.
- ²¹⁴ В 1984 году в США владельцы некоторых предприятий, выпускающих точные измерительные приборы, предпочитали снижать издержки производства за счет закупок за границей (чаще всего в Азии), вместо того чтобы нанимать на работу мексиканцев.
- ²¹⁵ Как пишет Жан Франсуа Дюпакье, «семья иммигрантов не хотят строить из себя буржуа... однако для семей, где восемь или девять детей, муниципальные квартиры — не выход из положения». (*Le Quotidien de Paris*. 1980. 27 mars).
- ²¹⁶ Так думает большинство французов: согласно опросу «Фигаро-Софр» (ноябрь 1985 г.), 90% считают нормальным, что эмигранты, платящие членские взносы, получают пособия по безработице и по многодетности, при этом 71% выступают за высылку из страны подпольных эмигрантов.
- ²¹⁷ Weyl N. *Karl Marx, raciste*. 1980.
- ²¹⁸ Цит. по: *Le Monde*. 25 juillet 1980.
- ²¹⁹ Это подтверждается биологическим исследованием, которое провел Национальный научно-исследовательский институт медицины и здравоохранения (INSERM). Было взято множество проб крови для определения не только группы крови, но и комбинаций генов. Исследование проводилось среди людей, чьи предки до третьего колена жили в данной местности, и показало «огромное разнообразие наших этнических корней», региональные различия которых, подчас поистине удивительные, свидетельствуют об очень древних миграционных течениях.
- ²²⁰ Stasi B. *L'Immigration, une chance pour la France*. 1984. P. 13.
- ²²¹ «Прав ли Бегин, обвиняя французов в антисемитизме?» — «Да», — отвечает Серж Костер, полагающий, что разговор об Израиле не может быть нейтральным» (см.: *Le Quotidien de Paris*. 1982. 12 août).
- ²²² *Un équilibre sans cesse remis en question* // *Le Quotidien de Paris*. 1980. 2 avril.
- ²²³ Dupâquier J.-F. *Quand les bougnoules étaient ritals...* // *L'Événement du jeudi*. 1985. 13—19 juin. P. 48—49; со ссылкой на: Duroselle J.-B., Serra E. *L'Emigrazione italiana in Francia prima del 1914*. Milan, 1978.
- ²²⁴ Dupâquier J.-F. *Quand les bougnoules étaient polaks...* // *L'Événement du jeudi*. 1985. 13—19 juin. P. 50—51.
- ²²⁵ Saymal J. *Si ma soeur épouse un Français, je la tue!* // *L'Événement du jeudi*. 1985. 13—19 juin. P. 40—41.
- ²²⁶ Ben Jelloun T. *Les jeunes et la mère amnésique* // *Le Monde*. 1980. 25 juillet.
- ²²⁷ Leclerc-Coutel G. *Ne pas mourir deux fois* // *Le Monde*, 1980. 25 juillet.
- ²²⁸ Anglade J. *La Vie quotidienne des immigrés en France de 1919 à nos jours*, 1976. P. 105 sq.
- ²²⁹ Débat: «Les immigrés parmi nous» // *Le Monde*. 1983. 19—20 juin.
- ²³⁰ Mongibeau J.-F. *L'album de voyage de petits maghrébins au Maghreb* // *Le Quotidien de Paris*. 1982. 7 septembre.

- ²³¹ Maigne J. Le double exil des immigrés qui choisissent le «grand retour» // *Libération*. 1983. 7 novembre (по результатам опроса кабиллов).
- ²³² Arezki M. Les émigrés, ces étrangers de l'intérieur // *Libération*. 1983. 9 novembre (по результатам опроса в Алжире).
- ²³³ Ibid.
- ²³⁴ Maigne J. Op. cit.
- ²³⁵ Ibid.
- ²³⁶ Ibid.
- ²³⁷ Dupâquier J.-F. L'Islam ou le bulletin de vote? // *L'Événement du jeudi*. 1985. 13—19 juin. P. 34—38.
- ²³⁸ Hamon L. Une seule appartenance // *Le Monde*. 1980. 23 mai.
- ²³⁹ Dupâquier J.-F. Op. cit. P. 37.
- ²⁴⁰ Dupâquier J.-F. Le pays réel, c'est la France // Ibid. P. 41.
- ²⁴¹ Held J. F. Comment faire des Français avec du Beur? // *L'Événement du jeudi*. 1985. 13—19 juin. P. 32—33.

СПРАВОЧНЫЙ АППАРАТ

СПИСОК-УКАЗАТЕЛЬ КАРТ (по алфавиту основных тем)

Акведуки

Римские акведуки в Лионе 77

Варвары

Нашествие варваров в III веке 81

Галлия

Галлия в царствование Дагобера 100

Галлия накануне римского завоевания 55

Городская сеть Римской Галлии 75

Дороги в Римской Галлии 73

Завоевание Галлии Цезарем (58—52 гг. до н. э.) 65

Кельтская Галлия во II веке до н. э. 47

Готический стиль

Распространение готического стиля 137

Дольмены

География распространения дольменов во Франции. V—III тысячелетия до н. э. 33

Животных изображения на скалах

Наскальные изображения животных (15 000—10 000 лет до н. э.) 24

Капетингов Франция 121

Каролингов империя 103

Кельтские завоевания (V—III вв. до н. э.) 48

Крестьянские сообщества

Первые крестьянские сообщества на территории Франции. VI—V тысячелетия до н. э. 29

Луэна бассейн

Население в бассейне Луэна: эпоха неолита и наши дни 59

Мамонты

Ареал распространения мамонта (15 000—10 000 лет до н. э.) 18

Мельницы

Старые мельницы на Эндре 132

Мир-экономика

Европейский мир-экономика в 1500 году 147

Римский мир-экономика 91

* Указатели к I и II книгам составлены А. Э. Мильчиным.

Неандертальцы

География распространения останков неандертальца (75 000—35 000 лет до н. э.) 23

Орудия труда

Постепенное усложнение орудий труда 21

Поселения разных эпох

Основные поселения эпохи раннего неолита во Франции. VI—IV тысячелетия до н. э. 34

Поселения IV—III тысячелетия до н. э. 35

Поселения бронзового века во Франции 40

Поселения раннего железного века (700—500 гг. до н. э.) 42

Почвы

Зоны лессовых и илистых почв в Европе 30—31

Франки

Экспансия франков 96—97

Чума

Распространение чумы (1347—1351) 143

Ярмарки

Города, связанные с ярмарками в Шампани (XII—XIII вв.) 135

СПИСОК ЦВЕТНЫХ РЕПРОДУКЦИЙ НА ВКЛАДКЕ

1. Лакомб. Рождение человека. 1892. Резьба по дереву. Париж. Музей Орсе. Фото Жиродона.— *Первая полоса вкладки.*
2. Братья Ленен (приписывается Матье Ленену). Танцующие дети. Париж. Частная коллекция. Фото Жиродона.— *Разворот второй — третьей полос вкладки.*
3. Ж.-Ф. Милле. Кормление с ложечки. 1860. Лилль. Музей изящных искусств. Фото Жиродона.— *Четвертая полоса вкладки.*
4. Монантей. Старый крестьянин-бретонец. 1834. Ле Ман. Музей Тессе. Фото Лоро-Жиродона.— *Пятая полоса вкладки.*
5. Погребальная процессия Виктора Гюго у Триумфальной арки. 1885. Париж. Музей Карнавале. Фото Лоро-Жиродона.— *Шестая полоса вкладки.*
6. Ж.-Б. Мартен. Бассейн Аполлона и Большой канал. Версаль. Большой Трианон. Фото Жиродона.— *Седьмая полоса вкладки.*
7. Тома Ноде. Большой Шатле. (деталь, изображающая торговцев). Париж. Музей Карнавале. Фото Лоро-Жиродона.— *Восьмая полоса вкладки.*
8. Пассаж панорам. Париж. Музей Карнавале. Фото Лоро-Жиродона.— *Девятая полоса вкладки.*
9. М. Люс. Восточный вокзал в снегу, 1917. Мант-ла-Жоли. Музей М. Люса. Фото Лоро-Жиродона.— *Разворот десятой — одиннадцатой полос вкладки.*
10. Пиньон. Мертвый рабочий. 1936. Частная коллекция. Фото Жиродона.— *Двенадцатая полоса вкладки.*

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Алфавитный порядок рубрик в указателе — «буква за буквой», т. е. по алфавиту букв независимо от того, сколько слов в их заголовках. Поэтому, например, *Ло и Гаронна* идет после рубрики *Лозер* (буква «и» — второе слово — стоит в алфавите после буквы «з»), а при порядке «слово за словом» первая рубрика опережала бы вторую, в которой первое слово содержит дополнительные к слову «Ло» буквы.

Инверсия применена только в подрубриках, когда в качестве первого слова заголовка использовано слово, по которому поиск маловероятен или затруднен, например: *населения численность*, а не *численность населения*; *Карла VIII поход*, а не *поход Карла VIII*. Ссылки на страницы с основными, наиболее существенными сведениями выделены полужирным шрифтом и выдвинуты на первое место, а ссылки к разделу «Примечания...» — курсивом.

Если название повторяется на странице несколько раз, у ссылки в индексе стоит цифра, обозначающая число повторов: 71₂ — на с. 71 название повторяется три раза в разных строках.

Вошли в указатель названия из подписей к картам, а также из заглавий произведений печати, описания которых даны в разделе «Примечания...» (ссылки на них с индексами — номерами примечаний и ссылок выделены курсивом). При этом у номеров с повторными ссылками на одно издание проставлена буква «п» — повторная.

Если название состоит из двух слов типа *Нижняя Нормандия*, то оно отражается и в рубрике названия полного объекта, т. е. в данном случае и в рубрике *Нормандия*.

На французском языке дублируются только названия французских географических объектов.

Принятые сокращения в подзаголовках рубрик и подрубрик или у ссылок на страницы:

в	— верхний (у индексов с номером примечания, если на странице два одинаковых номера)	н	— нижний
возв.	— возвышенность	о-в	— остров
деп.	— департамент	п (в индексе)	— повторная ссылка
дол.	— долина	пер.	— перевал
др.	— древний	пещ.	— пещера
креп.	— крепость	п-ов	— полуостров
		р.	— река
		чел.	— человек

- Аварик, или Бурж / Avaricum, ou Bourges** 54, 56
Аверон / l'Aveyron 37
Авиньон / Avignon 142
Авитак 82₂
Австразия 98, 99₂, 101, 102
Австралия 22, 186
Австрия 160
Агли / l'Agly, р. 20
Адриатика 49
Азия 18к, 86, 188, 216₂₁₄
Аквитания / Aquitaine 27, 34, 39₂, 50, 66, 83, 97, 99, 212₁₃₈
Аквитанская провинция Галлии 69
Алес / Alès 191
Алесия / Alésia 53, 54, 55, 61, 64, 67—68, 72₂, 202₁₃₂
Алжир 66, 72, 182₂, 183, 186, 193, 194₅, 195, 217₂₃₂
Алье / l'Allier, р. 108
Альпы / Alpes 16, 17₂, 29к, 29, 36, 39, 40к, 41, 44, 49, 66, 84, 101, 104₂, 148, 150₂, 191
Амальфи 133
Америка 80, 83, 112, 138, 150, 154, 156, 159, 186₂, 188, 192₄ *с.м. также* **Новый Свет**
Амстердам 154
Амьен / Amiens 136
Англия 27, 38, 53₂, 66, 69, 70, 71, 83, 98, 120, 123, 124₃, 129, 133, 136, 138, 155, 174, 181₂, 182, 199₄₈, 212₁₃₁, 214₁₈₃ *с.м. также* **Британния, Великобритания**
Антарктида 199₂₀
Антверпен 145
Апеннинский п-ов 136, 149
Аравия 112
Арденны / Ardennes 101
Арль / Arles 69, 99, 111
Арморика / Armorique 53₂, 98
Атлантида 72
Атлантика *с.м.* **Атлантический океан**
Атлантическая Луара / Loire Atlantique, деп. 36
Атлантический океан, Атлантика, 44, 45, 53, 57, 97, 99, 146, 150, 192, 213₁₄₃
Атлантическое побережье / côte Atlantique 31, 32, 39, 40к, 41 (**атлантический фасад Франции**)
Аугсбург 119
Афины 24
Африка 15 (**восточноафриканские австралопитеки**), 16, 112, 122, 138, 162, 184₂, 187, 188, 193, 197
Бавария 48к₂ (**баварский сектор**), 48 (**баварское пространство**), 49, 97
Баварские Альпы 17
Балеарские о-ва 138
Балканы 37 (**балканская Европа**), 43, 46, 49
Балтийское море, Балтика 45, 54, 74, 99
Барнене / Barnenez 32
Барселона 94, 148
Бар-сюр-Об / Bar-sur-Aube 133, 134₃
Бар-сюр-Сен / Bar-sur-Seine 140, 155₂, 210₈₀
Беарн / Béarn 142, 158
Безье / Béziers 82
Белгия, Белгийская провинция Галлии 69, 78
Бельгия 50, 147к, 185
Березовка 199₂₂
Биас / Bias 194
Бибракт / Bibracte 51, 52, 54₂, 56₂
Ближний Восток, 27, 109, 191, 210₈₈
Блэзуа / Blaisois 51
Бове / Beauvais 119, 136₂, 175, 212₁₁₇, 213_{145n}

- Богемия 38, 46
 Бомон-ле-Нонен / Beaumont-les-Nonains 175
 Борделэ / Bordelais 140
 Бордо / Bordeaux 82, 98, 128
 Бос / Beauce, плато 51
 Босфор 49
 Бразилия 182, 187, 191, 201¹⁰⁴
 Брассанпуи / Brassempouy 37, 52, 200⁵⁵
 Брей-дю-Па / Breuil-du-Pas 144
 Бреннер / Brenner, пер. 49, 148
 Бретань / Bretagne 27, 32, 33к, 36, 39, 41, 53₂, 57, 81, 98, 99, 158₂, 175₂, 199⁴⁸, 212¹³⁹
 Бри / Brîe, край 123, 126₂, 133 134, 208³⁵, 37
 Британния 66, 69, 70, 71
 Британские о-ва 17, 72
 Брюгге 148₂
 Булонь / Boulogne 70, 74, 99
 Бурбоннэ / Bourbonnais 125
 Бургундия / Bourgogne 11, 39, 41, 44 (бургундская крепость), 50, 97, 99₂, 108, 144, 207₈
 Бурж, или Аварик / Bourges, ou Avaricum 54, 56, 128
 Бур-сюр-Жиронд / Bourg-sur-Gironde 82
 Буш-дю-Рон / Bouches-du-Rhône 191
 Бьевра / la Bièvre, р. 125
 Вале, швейц. кантон 39
 Валенсия 148
 Валлоне / la Vallonet р. 16, 19, 198¹⁸, 21ⁿ
 Валуа / Valois, край 126
 Валь Кризон / Val Crison 125
 Вандея / Vendée 160 (вандейские схватки), 175, 215¹⁸⁹
 Вар / Var, деп. 27, 191
 Варфюзе Абанкур / Warfusée Abancourt 82
 Варшава 183
 Везер / la Vézère, р. 24
 Великобритания 18, 49 *см. также*
 Англия, Британния
 Венгрия 108
 Венеция 133, 146₂, 149₅
 Верден / Verdun 111
 Вердубль / le Verdoube, р. 20₂
 Верхний Прованс / Haute-Provence 207₃
 Верхняя Гаронна / Haute-Garonne, деп. 82
 Верхняя Луара / Haute-Loire, деп. 16
 Верхняя Марна / Haute-Marne, деп. 126, 173
 Верхняя Нормандия / Haute-Normandie 141
 Верхняя Сена / Haute-de-Seine, деп. 186
 Виго 53
 Византийская империя, Византия 112₄, 114, 122, 138, 139
 Викс / Vix 44₂, 45₃
 Вимё / Vimeu 125
 Витебск 183
 Внутреннее море, *то же, что* Средиземное море / la mer Intérieure 44, 92, 93
 Вогезы 101, 194
 Восток 112₂, 129, 138
 Восточная Африка 15 (восточно-африканские австралопитеки)
 Восточная Европа 27, 142, 154
 Восточная Римская империя 86, 91к, 122, 123
 Восточная Франция / l'est de la France 28, 147к
 Восточные Пиренеи / Pyrénées-Orientales 20₂
 Вторая империя 151
 Вуйе / Vouillé 95, 97к
 Вьенн / Vienne 69, 78, 128
 Вьетнам 145

Галатское государство 49

Галлия:

- ассимиляция ее 69
- германцев ею 68
- Бельгия 78
- варвары в ней 86—90
- в «догалльский» период 13, 43—44, 61—62
- в доисторический период 61—62, 63
- восточная 45 (восточная часть Галлии), 79 (восточная половина)
- в царствование Дагобера 100к
- городов возникновение 52
- деление ее Цезарем 50
- — на провинции 69
- жакерия в ней 80—86
- завоевание Римом, Цезарем 64—72, 45, 49, 55, 56, 65к
- Западная 84
- зарождение 27
- защита ее в IV—V вв. 92
- золотые монеты 114
- и Германия 106
- Каролингская 63, 101, 102₂, 109₂, 110—112, 113—114
- карта накануне римского завоевания 55
- карфагеняне в ней 44
- кельтская 47к, 50, 63, 64 *см. также* Галлия / независимая кельтский мир ее после романизации 72
- кельты 45, 48—51
- крестьянский мир в ней 51—52, 56, 85
- «культурный геноцид» 72
- латинские имена 70
- латифундии 122
- лес в ней 80
- литература о ней 202₁₂₂, 123, 124н, 125, 126н, 129, 130н, 131, 203₁₄₉, 156, 166, 204_{186н}, 191

Меровингская 95—102, 63, 109, 113

- Нарбоннская 61, 66, 74, 78
 - Нарбоннская провинция ее 69, 70, 78
 - население 56, 60—62, 64, 67, 74—76, 78, 95, 111—112
 - нашествие варваров 86—90
 - независимая 52, 53₃, 55к, 63, 64₂—66, 67 *см. также* Галлия / кельтская
 - оборона Алесии 55, 61, 64, 67—68, 72₂, 202₁₃₂
 - охрана границы 70
 - потоки товаров через нее 53, 56, 110
 - провинции 69
 - распад ее 86
 - религия франков — завоевателей ее 95
 - ремесленники ее 52
 - римская *см.* Галлия Римская
 - римская «Провинция» 55к, 66
 - сарацины 108
 - Северная 98₂, 99, 100, 206₂₃₃
 - склонение к северу 99
 - смешение кельтов с покоренными народами 50—51
 - судостроение 53
 - судьба, зависимость от судьбы Рима 90
 - торговый обмен с Левантом 92
 - Трансальпинская 66
 - упадок ее 79
 - Хлодвига 122
 - Цизальпинская 49, 66
 - чума 95
 - экономика 109—144, 90
 - этруски в ней 44
- Галлия Римская:
- беспорядки внутренние 78—79

- варваров вторжение 78—79, 86—90
- войны на границах 122
- городская сеть 75к, 78, 79, 97
- граница, падение ее 78—79
- границы 70
- длительность пути к гибели 79
- дороги 73к
- защита ее с севера 70
- конец ее 85
- крепости 54—55
- междоусобица 122
- мир-экономика 74
- мятежи 70—71
- населения численность 87, 111
- поражения от варваров 68
- поход на нее Рейнской армии 71
- при Клавдии 69
- рабовладельческий строй галло-римской виллы 122—123
- расцвет 72, 74—78
- романизация 72
- упадок ее 79, 89—90
- урбанизация ее 78
- христианства проникновение в нее 85—86
- этап истории Галлии 63
- Галльская империя 71₂
- Ганг 45
- Гар / Gard, деп. 194
- Гаронна / la Garonne, р. 39, 50₂, 75к
- Гасконский залив / golfe de Gascogne 148
- Гатинэ / Gâtinais, край 51
- Генуя 113, 133, 146, 148, 149₃
- Герговия / Gergovie 54, 64
- Германия 17, 39 (германские земли), 68, 76, 86, 88, 97к, 98, 104, 106₂, 136, 147к, 148, 150, 153, 155, 186, 191, 214₁₆₇
- Гибралтарский пролив 86, 148, 149, 150
- Голландия *см.* Нидерланды
- Гондар 131
- Гран-Сен-Бернар / Grand-Saint-Bernard, пер. 148
- Гренобль / Grenoble 190
- Дания 124
- Дельфы 49
- Дер / Der, край 126
- Дижон / Dijon 76
- Дофинэ / Dauphiné 125, 140, 158, 207₃
- Древний Рим (Рим в значении Др. Рима) 51, 53, 63, 64, 65, 66₃, 68₅, 70, 71₂, 83, 91к, 118₂, 122, 124, 176 *см. также* Римская империя
- Древняя Греция (Греция в значении Др. Греции) 43, 44, 45 (Большая Греция), 46
- Дром / Drôme, деп. 45
- Дунай 19, 28₂, 31, 31к, 49, 70, 91к, 97
- Дурокортор, или Реймс / Durocortorum, ou Reims 71
- Дуурстедде 110
- Дьепп / Dieppe 154
- Египет 24, 32, 46, 50, 68, 93, 111, 112, 149, 183
- Евразия 199₂₀
- Женевское озеро 66
- Живри / Givry 144
- Жиронда / la Gironde, р. 53
- Жуэвиль / Joinville 173
- Западная Европа 57, 142, 204₁₉₅
- Западная Римская империя 72, 90, 91к, 102, 104, 122
- Западная Франция / le Midi de la France 32 (запад Франции)
- Зейдер-Зе, р. 134

Иберийский п-ов 37, 38, 49, 147к

Ивлина / l'Iveline, p. 125

Израиль 190₃, 196, 216₂₂₁

Иллирия 46

Иль-де-Франс / Ile-de-France 78,
136, 175, 215₁₈₇

Индийский океан 74, 91к, 147к, 149

Индия 12, 74, 111, 154, 199₂₀

Ирак 22

Ирландия 49, 138

исламский Восток 112₂, 129 (Вос-
ток), 138 (страны Ислама) *см.*

также мусульманский Восток

Испания:

аллеманы, вылазки в нее 79

вестготская 68

войска из нее против Галль-
ской империи 71

города, преимущество в пери-
од 1350—1450 гг. 146

готическое искусство на ее се-
вере 136

граница распространения при-
шельцев из Центральной Ев-
ропы 44

дороги в нее через Прованс и
Лангедок 78

еврейская диаспора в ней 191

завоевание ее мусульманами 93

кельты в ней 49

латифундии 122

литература о ней 211₁₀₈

морисков высылка 185

мосарабы, уход из нее 111

мрамор пиренейский 98

мусульманская 111, 112

народы — провозвестники ее
возникновения 44

населения рост во 2-й пол.
XV в. 155

Нумансии оборона 55

памятники верхнего палео-
лита 24

— мегалитические 32

пограничная с Галлией 70

под властью Карфагена 53

покорение римлянами 55, 64,
67

поставщик драгоценных ме-
таллов из Америки 112

при Омейядах 113

путь древних римлян в нее
75к

Северная 18к (север Испа-
нии), 24к, 24 (сев. часть Испа-
нии), 136 (север Испании)

соприкосновение этрусков с
Галлией через нее 44

торговля Франции с нею 129

торговый обмен с нею дале-
ких земель 41

франки, вылазки в нее 79

христианская Реконкиста 138

чеканка золотых монет в ней
варварами 97

юго-западная 25

Италия:

войска из нее против
Галльской империи 71

готическое искусство на ее се-
вере 136

еврейская диаспора в ней 191

Карла VIII поход в нее 150

Карл Лысый в ней 104

карта 135

кельтами захват 49

латифундии 122₂

население 61, 124, 155

сарацины 108

Северная 37, 134, 136 (север
Италии), 146, 150₂

сообщение с Англией через
Гибралтар 148

чеканка золотых монет в ней
варварами 97

экономика 123, 133, 148—149

Южная 44, 49, 138

ярмарки рабов 74

- Ифрикия (нынешний Тунис) 66, 108
- Кабилля 192
- Кабиллон, или Шалон-сюр-Сон / Cabillonum, ou Chalon-sur-Saône 56
- Каденак / Carpenac 37
- Каденак-ле-О / Carpenac-le-Haut 36
- Кадис 112
- Калифорния 188₂
- Канада 186, 187
- Кан-де-Шато / Camp de Château, креп. 45
- Кане / Canet 82
- Канш / la Canche, р. 99, 110
- Кап Блан / Le Cap Blanc, стоянка др. чел. 24
- Карнак 199₄₈
- Каролингская империя / Empire Carolingien 102—105, 108
- Каролингская Франция / La France carolingienne 106
- Карфаген 50, 53₂, 66
- Кастельнодари / Castelnaudary 158
- Каталаунские поля / Camps Catalaunique 86
- Квентовик / Quentovic 99, 110
- Кельтия 54
- Кенаб, или Орлеан / Kenabum, ou Orléans 56
- Керси / Cuercy 37, 104 (Керсийский капитулярий)
- Киев 113
- Китай 12, 19, 111, 124, 163, 170
- Клерво / Clairvaux 193
- Клермон / Clermont 82, 108, 203₁₆₆
- Клюни / Cluny 127
- Клюнизуа / Clunyois 127
- Кобленц 70
- Комминж / Comminges 158
- Кон де л'Араго / Caune de l'Arago, пещ. 20
- Константинополь 98, 113, 122, 139
- Корби / Corbie 157
- Корбьеры / Corbières 29
- Коринф 45
- Корнуэлл 53, 210₇₁
- Корсика / Corce 138
- Косс / Causse 155₂
- Косские плато / les Causses 34
- Кот-дю-Нор / Côtes-du-Nord, деп. 36
- Краков 136
- Красное море 91к
- Крей / Creil 82
- Крит 32
- Кро-Маньон / Cro-Magnon, стоянка др. чел. 24
- Крюи / la Cruye, р. 125
- Крюи / Cruye, массив 125
- Кулен / Coulaines 107 (Куленский капитулярий)
- Куломье / Coulommiers 127
- Кутанс / Coutances, епархия 173
- Кьоджа 149
- Лагард-Фрейне / La Garde-Freinet 108
- Ла-Ложри / La Laugerie, стоянка др. чел. 24
- Ла-Мадлен / La Madeleine, стоянка др. чел. 24
- Ла-Манш / La Manche 53, 70, 211₁₀₆
- Ла-Мут / La Mouthe, стоянка др. чел. 24
- Лан / Laon 136
- Лангедок / Languedoc 37, 75к, 78, 87, 154, 155, 212₁₁₉
- Лангедок-Руссийон / Languedoc-Roussillon 39
- Лангр / Langres 67, 134
- Ланды / Landes 200₅₅
- Ланьи / Lagny 133, 134₃
- Ла Рошель / La Rochelle 148, 211₁₀₈

- Ласко / Lascaux, пещ., стоянка др. чел 23, 24
- Лас-Навас-де-Толоса 138
- Левант 28, 46, 92, 98, 134, 149, 162, 200⁷⁷
- Ле-Комбарель / Les Combarelles, стоянка др. чел. 24
- Ле-Ман / Le Mans 130, 174, 179 (леманский епископ)
- Ле-Марсей / Les Marseilles, стоянка др. чел. 24
- Ле-Мениль-Терибюс / Le Mesnil-Théribus 175
- Ле-Мутье / Le Moustier, стоянка др. чел. 24
- Ленинград 157
- Лепанто / Lépante 154
- Леренское аббатство / l'abbaye de Lerins 203¹⁷¹
- Лехфельд 108
- Ливорно 183
- Лилль / Lille 175, 190
- Лимузен / Limousin 140, 194
- Лион / Lyon 69₃, 76_{к2}, 78₃, 85, 87, 89₂, 128, 148, 152, 190
- Лионнэ / Lyonnais 139
- Лионская провинция Римской Галлии 69
- Лиссабон 148
- Лисья Нора / Trou des Renards, пещ. 16
- Литва 183
- Ло / Lot, деп. 37
- Ложа / la Loge, р. 125
- Лозер / Lozère 37, 194
- Ло и Гаронна / Lot-et-Garonne, деп. 194
- Ломбардия 142
- Лонг / Longue, о-в 199⁴⁸
- Лондон 17, 148₂, 188
- Лоссель / Laussel, стоянка др. чел. 24
- Лотарингия / Lorraine 43, 50, 153, 158, 190
- Луара / la Loire, р. 39, 42_к, 43, 51, 53, 85, 97, 98₂, 108, 209⁵¹
- Луэн / Loing, дол. 58к
- Лэ / Laye, р. 125
- Люз-де-Франс / Luz-de-France, р. 52
- Люксейское аббатство / l'abbaye de Luxeuil 99
- Лютеция, или Париж / Lutèce, ou Paris 89
- Маас / la Meuse, р. 78, 99
- Магриб 68, 93, 184, 189, 192, 193, 194, 196, 197₂, 216²³⁰
- Ма-д'Азиль / Mas d'Azil 25
- Майенн / Mayenne, деп. 36
- Майн, р. 134
- Майнц 79, 111
- Маконнэ / Mâconnais 209⁴⁰
- Малага 183
- Малая Азия 45, 46 (хеттская), 49, 50
- Мант-ла-Жоли / Mantes-la-Jolie 186
- Манш / Manche, деп. 36
- Марна / Marne, р. 48_{к2}, 49, 134₂, 154, 208³⁴
- Марокко 66, 74
- Марсель / Marseille 44, 53, 68, 85, 98, 99, 148, 162, 190, 191, 203¹⁷¹
- Мартиника 189
- Маршеру / Marcheroux 175
- Массалия / Massalia *то же, что Марсель* 44
- Медок / Médoc, край 11, 39
- Мексика 192
- Мелан / Meulan 174₂
- Мерзебург 119
- Милан 136, 146, 149
- Мо / Meaux 127, 177 (епархия)
- Мозель / la Moselle, р. 78
- Монморен / Montmaurin 20, 82
- Мон-Сени / Mont-Cenis, пер. 148
- Моравия 38
- Морбиан / Morbihan 53, 53 (морбианская торговля)

- Морван / le Morvan, массив 50
 Мориньи / Morigny 125
 Морлекс / Morlaix 32
 мусульманский Восток 138 *с.м. также* исламский Восток
 Мюльсьен / Multien, край 126, 208₃₄

 Нант / Nantes 108
 Нарбонн / Narbonne 98₂, 128
 Нарбоннская провинция Галлии 69, 70, 78
 Нарбонез / Narbonnais, замок 129
 Невер, или Новиодун / Nevers, ou Noviodunum 56
 Нейстрия 98, 99₂
 Неккар, р. 70
 Нигер 149
 Нидерланды 17, 38, 46, 99, 123, 134, 135к, 142, 146, 150, 150 (Голландия), 152
 Нижний Ангумуа / Bas-Angoumois 208₃₉
 Нижний Эльзас / Basse-Alsace 213₁₄₁
 Нижняя Нормандия / Basse-Normandie 173, 214₁₇₇
 Ним / Nîmes 69, 76, 111
 Ниневия 24
 Ницца / Nice 20
 Новиодун, или Невер / Noviodunum, ou Nevers 56
 Новый Свет 138₂, 158₂, 159, 162 *с.м. также* Америка
 Норвегия 22
 Нормандия / Normandie 39, 129, 133, 140₂, 141₂, 154, 172, 173, 175₂, 207₃, 210₆₃, 212₁₂₉, 130, 214₁₇₇
 Норужский проход / le seuil de Nauouze 34
 Нуайон / Noyon 128, 136
 Нумансия 55
 Ньевр / Nièvre, деп. 213₁₅₇
 Ньюфаундленд 156, 162

 Об / L'Aube, р. 134
 Овернь / Auvergne 82, 108, 145 (Овернский край), 198₁₇
 Одер, р. 44
 Оксфорд 210₇₁
 Они / Aunis 208₃₉
 Онис / Aunis, провинция 127
 Оранж / Orange 69
 Орксуа / Orchois, край 126, 208₃₅
 Орлеан, или Кенаб / Orléans, ou Cenabum 56, 98₂
 Орлеанэ / Orléanais, край 51
 Османская империя 155
 Отен / Autun 76, 85
 Оттоманская империя 211₉₀

 Палермо 93
 Палестина 22
 Пап / Pape, пещ. 200₅₅
 Париж / Paris 17, 19, 97, 98, 108, 111, 125, 134₂, 136₃, 140, 145₃, 152, 164, 174, 188, 189, 195, 207₃, 210₆₇, 71, 211₉₈
 Парижский бассейн / Bassin Parisien 17, 31, 31к, 36₂, 38, 40, 41, 87, 98, 134, 148
 Парижский регион / région parisien 145
 Пер / Pègue, креп. 45
 Перигор / Périgord 24
 Перонн / Péronne 157
 Персия 68, 74, 112
 Перш / Perche, возв. 51
 Пиза 133
 Пикардия / Picardie 140
 Пиренеи / Pyrénées 20₂, 36, 39, 49, 50, 67₂, 127, 140
 Плюскоульен / Plussulien 36
 По, р. 38, 49
 Польша 17, 146, 191
 Пон дю Гар / pont du Gard, виадук 69
 Понтье / Ponthieu 125
 Португалия 32

- Премонтре / Prémontgé, аббатство 127
- Прибалтийские страны, Прибалтика 138, 154₂, 162
- Приморские Альпы / Alpes-Maritimes 16, 29к, 191, 198₁₈
- Прованс / Provence 47к, 51, 75к, 78, 87, 97, 99, 108, 127, 139, 140, 145, 157, 204₁₈₈, 196, 207₃, 214₁₆₈
- Провен / Provens 133, 134₃, 136
- Пуату / Poitou 140
- Пуатье / Poitiers 102, 106, 129
- Пуи / Puy 120
- Равенна 90
- Реймс, или Дурокортор / Reims, ou Durocortum 71, 128, 134₂, 157₂
- Рейн 31, 31к, 36, 41, 43, 48к, 49, 50, 68, 70₄, 71₂, 74, 78, 79₂, 84, 87₂, 95₂, 97, 99, 133
- Рим 24, 49, 120, 180 (католическая столица)
- Римская империя 69₂, 72, 74₂, 76, 78 (Рим), 79, 80₂ (Империя), 82, 83, 83 (Империя), 86₃ (Империя), 90₆, 91к, 92₃, 122₂, 150, 206₂₂₆ см. также Древний Рим
- Рокбрюн / Roquebrune, коммуна 16
- Рокбрюн-Кап-Мартен / Roquebrune-Cap-Martin 198₁₈
- Рона / le Rhône, р. 34, 38, 39₃, 50, 53₂, 66, 75к, 78, 79, 148
- Рона — Сона, коридор / le couloir Rhône — Saône 44
- Россия 17, 109, 112, 113
- Руан / Rouen 53, 108, 152, 154, 174₂, 214₁₇₉
- Рубе / Roubaix 197
- Румыния 183
- Руссийон / Roussillon 29к
- Руэрг / Rouergue 142
- Рюзй / Rueil 125
- Савойя / Savoie 87
- Сайгон 145
- Санлис / Senlis 119, 136₂
- Сан-Паулу 201₁₀₄
- Санс / Sens 119, 136
- Сардиния 38, 138
- Саутгемптон 148₂
- Сахара 22, 74
- Священная Римская империя германская 104
- Севенны / Cévennes 37, 52
- Северная Америка 188
- Северная Африка 112, 122, 138, 162, 184, 187, 193
- Северная Галлия 98, 100, 206₂₃₃
- Северная Европа 25, 46, 74 (север Европы)
- Северная Италия 37, 134, 146, 150₂
- Северная Франция / France du Nord 28, 31 (северная половина Франции), 186 (север), 215₁₈₉
- Северное море 45, 54, 70, 74, 99, 146, 147к, 162, 211₁₀₆
- Севилья 112, 148, 213₁₄₃
- Севрская дол. / la vallée de Sèvres 125
- Сена / la Seine, р. 50₂, 53, 119, 126, 127, 134₃, 174, 208₃₃, 209₅₁
- Сен-Бертен / Saint-Bertin, аббатство 111
- Сенген-ан-Мелантуа / Sainghin-en-Mélantois 175, 215₁₈₉
- Сен-Гобенский лес / la forêt Saint-Gobain 127
- Сен-Готард, пер. 49, 148
- Сен-Дени / Saint-Denis 97, 125 (аббатство)
- Сен-Жермен-де-Пре / Saint-Germain-des-Près, аббатство 111
- Сен-Кантен / Saint-Quentin 157
- Сен-Мор / Saint-Maur 195
- Сен-Морис-л'Ардуаз / Saint-Maurice-l'Ardoise 194
- Сен-Реми / Saint-Rémi, аббатство 111

- Сен-Сернен / Saint-Sernin 129
 Сент-Антонен / Saint-Antonin 155,
 212₁₂₄
 Сентонж / Saintonge, провинция
 127, 144, 208₃₉
 Сен-Троpez / Saint-Tropez, пролив
 108
 Септимания / Septimanie 99
 Сера / Céret 183
 Сибирь 17, 18к, 19₂, 199₂₂
 Симплон / Simplon, пер. 148
 Сиракузы 93
 Сирия 68, 93, 111, 112
 Сицилия 38, 50, 93₂, 108, 138,
 186
 Скандинавские страны 112, 113
 Скандинавский п-ов 17, 99 (Скан-
 динавия), 113 (Скандинавия)
 славянские страны 138
 Слатин 183
 Советский Союз 186
 Соединенные Штаты Америки
 (США) 186₂, 191₂, 192₂, 214₁₆₇,
 216₂₁₄
 Солилак / Solilhac 16
 Солонь / Sologne 125, 140
 Сомма / Somme, деп. 82, 203₁₅₇,
 208₃₆
 Сомма / la Somme, р. 80, 95, 203₁₅₅,
 157
 Сона / la Saône, р. 40, 53, 75к, 78
 Средиземное море / la Méditerranée
 28, 43, 46, 90, 91, 92, 93₄, 101,
 122₄, 123, 133, 138₂, 147к *см.*
также Внутреннее море
 Средиземноморье / Méditerranée
 19, 27, 29к, 29, 32, 39 (средизем-
 номорский юг), 39, 48, 49, 83, 94,
 99, 106, 108, 109, 112, 122, 154,
 162, 184
 Средний Восток 21, 27, 38, 149
 Стонхендж 199₄₈
 Страсбург / Strasbourg 129, 190
 Суассонн / Soisson 95, 128
 Суассонэ / Soissonnais, край 126,
 127
 Судан 113 (суданский золотой по-
 рошок)
 США (Соединенные Штаты Аме-
 рики) 186₂, 191₂, 192₂, 214₁₆₇,
 216₂₁₄
 Съена 136₂
 Тахо, р. 38
 Терра Амата / Terra Amata 20
 Тертри / Tertry 101, 102, 106₂,
 Тизи Узу 195
 Толбиак / Tolbiac 95
 Тотавель / Tautavel 20
 Трех братьев пещера / la grotte des
 Trois-Frères 25
 Трир 76, 78
 Труа / Troyes 119, 126, 133, 134₃,
 138
 Тулуза / Toulouse 76, 89, 129, 158,
 204₁₈₉
 Тунис, или Ифрикия 66, 108
 Тур / Tours 128
 Тюрингия 97
 Уаза / Oise, деп. 175, 202₁₁₈
 Уаза / l'Oise, р. 82, 126, 127,
 154, 208₃₃
 Украина 162 (украинское зерно)
 Урк / l'Ourcq, р. 208₃₄
 Уэльс 98, 138
 Фе / Fay, дол. 58к
 Финистер / Finistère 36, 53₂
 Финляндия 214₁₆₇
 Флоренция 113, 146, 149
 Фокея 45
 Фон-де-Гом / Font de Gaume, сто-
 янка др. чел. 24
 Форез / Forez 140
 Фос / Fos, бухта 98
 Фосиньи / Faucigny 207₃
 Фрисландия 110, 207₉

- Хеттское царство 43
«Хиросима» фр. 116, 141 (нормандская)
- Центральная Азия 108
Центральная Европа 31к, 36, 38₂, 41, 44, 46₂, 50, 57, 70, 86
Центральная Франция / Centre-Ouest 40
Центральный Массив / Massif Central 16, 23к, 29, 32, 39, 40, 50, 87, 89, 97, 145
- Черная Африка 184
Черное море 113₂, 149₂
- Шалон-на-Марне / Châlons-sur-Marne 119, 128 (Шалон), 134₂, (Шалон)
Шалон-сюр-Сон, или Кабиллон / Chalon-sur-Saône, ou Cabillonum 56
Шампань / Champagne 11, 43, 50, 123, 126, 133—138, 146, 146 (шампанские ярмарки), 150, 208₃₁, 210_{65, 66}, 211₁₀₅
Шансор / Champsaur 207₃
Шаранта / Charentes, p. 40
Шартр / Chartres 136, 140₃, 140 (Шартрская епархия)
Шатийон-сюр-Сен / Châtillon-sur-Seine 175
Швейцария 39 (швейцарский кантон), 186, 214₁₆₇
- Швеция 113, 166, 214₁₆₇
Шельда, р. 53, 74, 134
Шербур / Cherbourg 157
Шилак / Chilhac 16
Шотландия 38, 138
- Эвиан 194
Эгейское море 27, 32, 41
Эг-Морт / Aigues-Mortes 148
Эгуаль / Aigual 155
Эзи / Euzies 24
Эйда / Aydat 82
Экс-ан-Прованс / Aix-en-Provence 170
Эльба, р. 68
Эльзас / Alsace 40к, 40, 50, 78, 153, 157, 158₂, 213₁₄₁
Эльзасская равнина / la plaine d'Alsace 19
Эн / Aisne, деп. 186
Эндр / l'Indre, p. 132к₂,
Эро / Hérault, деп. 27
Эсперу / Espérou 155
Этрурия 44
Эфиопия 131
- Южная Америка 186₂
Южная Италия 44, 49, 138
Южная Франция / France méridionale 27, 28₂
Юра / Jura 39, 40, 45, 101
Ютландия 45, 54
- Япония 214₁₆₇

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Алфавитный порядок — «буква за буквой», независимо от того, сколько слов в заголовке рубрики (фамилии лица). Пример: Леви, а за ним Ле Гле. При одинаковой фамилии у разных лиц порядок по алфавиту их имен. Имена королей, императоров и т. п., различающиеся номерами, расположены в порядке номеров.

Чтобы отделить фамилии от имен, все фамилии или имена, их заменяющие, выделены курсивом. Курсивом выделены и ссылки на страницы раздела «Примечания...»

Имена по возможности приводятся в развернутой форме, за исключением тех сравнительно немногих случаев, когда в оригинальном издании автор ограничился инициалом или привел фамилию вообще без инициала (инициалов), а по словарям и справочникам сведений о таких лицах найти не удалось. При этом если лицо упоминается в тексте без инициала (инициалов) и имя его не удалось установить, то в подзаголовке рубрики приводится характеристика его из текста — должность или занятие этого лица в период, к которому относится упоминание.

Если имя лица упоминается на странице основного текста несколько раз в разных строках, у ссылки на страницу ставится нижний индекс, указывающий число упоминаний; например, 150₄ означает, что имя лица упоминается на с. 150 четыре раза.

У ссылок на страницы раздела «Примечания...» цифровой индекс обозначает номер примечания или библиографического описания. Для случаев, когда на странице два одинаковых номера, к индексу присоединяется буква «в» (верхний) или «н» (нижний) из двух одинаковых номеров. Поскольку многие библиографические ссылки являются повторными, при их номере проставлен индекс «п».

Если имя лица употребляется для обозначения времени, эпохи, то к ссылке добавляется индекс «вр», если ссылка адресует к карте или ее подписи, к ссылке добавляется буква «к».

Имена редакторов из библиографических описаний раздела «Примечания...» в указатель не вошли.

Не дублируются по-французски имена мифологических героев, а также широко известных не французских деятелей культуры и литературы.

Принятые сокращения:

в — верхний номер
вр — время
герм. — германский
к — карта

н — нижний номер
п — повторная ссылка
примеч.— примечание
фр. — французский

- Абелане Жан* / Abelanet Jean 199²⁵,
26ⁿ
- Абель Вильгельм* / Abel Wilhelm
124, 132, 208²⁰, 23ⁿ, 209⁶¹ⁿ
- Абулькасси* / Aboulcassis 166
- Август* 69, 69^{вр}, 176^{вр}
- Авентинус* / Aventinus, баварский
гуманист 155
- Авзоний* 89
- Авраши Анри д'* / Avranches Henri
d' 136
- Аврелиан Луций Домиций* 79
- Агаш Роже* / Agache Roger 80,
203¹⁵⁵, 157, 208³⁶
- Альба*, герцог 145
- Амар* / Amar, алжирец 195
- Амман Г.* / Ammann H. 135к
- Амон Лео* / Hamon Léo 196, 217²³⁸
- Англад Жан* / Anglade Jean 216²²⁸
- Анжсу Ги д'* / Anjou Gui d' 120
- Анри Луи* / Henry Louis 174,
215¹⁸⁹
- Антоний Марк* (82—30 до н. э.) 69
- Антоний святой* 89
- Арбелло Ги* / Arbellot Gui 173,
214¹⁸⁰
- Ардре Робер* / Ardrey Robert 27,
199⁴⁰
- Арезки Мишель* / Avezki Michel
217²³², 233ⁿ
- Ариовист* 64, 68
- Аристотель* 136
- Арман Жак* / Harmand Jacques 48,
49, 200⁷³, 78ⁿ—80ⁿ, 201⁸⁷ⁿ, 90ⁿ, 91ⁿ
- Арманго Андре* / Armengaud An-
dré 201¹¹³, 115ⁿ, 205²⁰⁰ⁿ, 212¹³¹,
135ⁿ, 136ⁿ, 213¹⁴⁹ⁿ, 150, 151ⁿ, 152ⁿ,
215²⁰⁸ⁿ
- Армель Клод* / Harmelle Claude
212¹²⁴
- Арон Рэмон* / Aron Raymond 190,
191
- Артур* / Arthur, король 198⁵,
202¹³⁷ⁿ
- Арьес Филипп* / Ariès Philippe 176
- Аттила* 86
- Азций Флавий* 92
- Бадре Луи* / Badré Louis 208³⁰
- Базен Тома* / Basin Thomas 144,
211⁹⁴
- Баратье Эдуард* / Baratier Edouard
207³
- Барбара Огюстен* / Barbara Augus-
tin 190, 216²¹³
- Барде Жан-Пьер* / Bardet Jean-
Pierre 174, 176, 214¹⁷⁹, 185ⁿ, 186ⁿ,
215¹⁹²ⁿ
- Барраль Л.* / Barral L. 198¹⁸, 199²¹ⁿ
- Бегин Менахем* 216²²¹
- Белотт Мишель* / Belotte Michel
210⁸⁰, 211¹⁰⁵ⁿ, 212¹²²ⁿ, 123ⁿ
- Белох Карл Юлиус* / Beloch Karl
Julius 61, 74, 76, 111, 159, 202¹⁴¹,
143, 207²⁵⁰, 213¹⁴⁸
- Белькасем* / Velkacem 197
- Бенедикт святой* 82
- Бен Желлун Тахар* / Ben Jelloun
Tahar 193, 216²²⁶
- Берг Элен* / Bergues Hélène 215²⁰²
- Бернар Жан* / Bernard Jean 167²,
201¹¹⁷, 213¹⁶⁰, 162
- Бернар Клод* / Bernard Claude
167⁴, 168
- Берош Поль* / Bairoch Paul 213¹⁵⁶
- Бехтель Гейнрих* / Bechtel Hein-
rich 202¹⁴⁵
- Бирабен Жан-Ноэль* / Biraben
Jean-Noël 142, 210⁸⁷, 89ⁿ, 211⁹²ⁿ
- Биша Мари-Франсуа-Ксавье* /
Bichat Marie-François-Xavier
167
- Блок Марк* / Bloch Marc 92, 125,
204¹⁹⁴, 205²¹², 208²⁷, 29ⁿ
- Блонпейн Майкл, он же Корнуби*
Мишель де / Blaunpauyn Michel,
ou Cornubie Michel de 136, 210⁷¹

- Блох** Гюстав / Bloch Gustave 61, 68, 70, 200₈₅, 201_{94п}, 98п—100п, 202_{119п}, 123, 124п
- Бонифаций** святой / saint Boniface 106
- Боннасье** Пьер / Bonnassié Pierre 105, 204₁₉₈, 205_{223п}
- Бонно** Пьер / Bonnaud Pierre 56—57, 201₁₀₃, 202₁₃₆, 209_{57п}
- Бордо** М. / Bordeaux M. 201₁₁₇
- Борециус** А. / Boretius A. 206₂₄₁
- Бортолотти** Ландо / Bortolotti Lando 210₇₂
- Боссюэ** Жак Бенинь / Bossuet Jacques Bénigne 177
- Ботье** Робер-Анри / Bautier Robert-Henri 134, 210₆₅
- Брантом** Пьер де / Brantôme Pierre 155, 177, 178, 181, 212₁₂₅, 215₁₉₈, 199п, 200п
- Бродель** Фернан / Braudel Fernand 202₁₄₆, 205₂₁₇, 206_{229п}, 207_{252п}, 208_{18п}, 19п, 32п, 209_{43п}, 44п, 210_{64п}, 211_{107п}, 109п—111п, 114, 212_{127п}, 128п, 130п, 137п, 213_{140п}, 152, 216_{212п}
- Брока** Пьер Поль / Broca Pierre Paul 20
- Брунгильда** 99
- Брюгьер** Мари-Бернадет / Bruguière Marie-Bernadette 90, 203₁₆₆, 204_{173п}, 192п
- Бруне** Пьер / Brunet Pierre 126, 208₃₃, 38п
- Буа** Ги / Bois Gui 8, 116, 127, 129, 140, 141, 156, 198_{2п}, 207_{2п—4п}, 209₄₀, 46п, 210_{76п}, 77п, 83п—86п, 212_{129п} и примеч., 130п и примеч.
- Буассьер** Филипп де ла / Boissière Philippe de la 144
- Буве** / Bouvier, епископ 179
- Буве-Ажсам** Морис / Bouvier-Ajam Maurice 202₁₃₂
- Бурдые** Франк / Bourdier Franck 25, 198₁₉, 199_{29п}, 30п, 33п, 37п, 38п
- Буркело** Феликс / Bourquelot Félix 134, 210₆₅, 211_{104п}
- Буше де Перт** Жак / Boucher de Perthes Jacques 133, 14
- Бэрош** Поль / Bairoch Paul 163
- Бюиссон** Фердинанд / Buisson Ferdinand 180, 215₂₀₅
- Бюр** Мишел / Bur Michel 210₆₆
- Валенсианский** архиепископ 185
- Вальран** Жорж / Valran Georges 214₁₆₈
- Валуа**, династия / Valois 146
- Вар** Публий Квинт 68
- Варрон** Марк Теренций 82
- Васко да Гама** см. Гама
- Ватинель** Жан-Луи / Vatinel Jean-Louis 203₁₄₉, 204₁₈₆
- Вейль** Натаниэль / Weyl Nathaniel 187—188₂, 216₂₁₇
- Венетт** Жан де / Venette Jean de 144, 211₉₁
- Вернер** Карл Фердинанд / Werner Karl Ferdinand 61, 201₈₈, 109п, 116п, 202_{127п}, 205_{200п}, 201п, 207_{5п—8п}, 8 примеч., 208_{16п}, 209_{47п—49п}
- Верцингеториг** 56, 64
- Веспасиан** 70, 71
- Вилландрандо** / Villandrando 146
- Вималь де Сен-Паль** Виталь-Флери / Vimal de Saint-Pal Vital-Fleury 201₈₆
- Вольтер** / Voltaire 180
- Ври** Жан де / Vries Jean de 200₈₃
- Вюитри** Адольф / Vuitry Adolphe 210₈₆
- Гаксот** Пьер / Gaxotte Pierre 24, 199₃₅
- Галуа** Эварист / Galois Evariste 167
- Гама** Васко да 154
- Гансхоф** Франсуа-Луи / Ganshof François-Louis 92, 204₁₉₆
- Ганьер** С. / Gagnière S. 198₁₈, 199_{21п}

- Ганьяж Жан / Ganiage Jean 215₁₈₇
 Гаскон Ришар / Gascon Richard
 155, 213₁₅₅
 Гаттари Феликс / Guattari Félix
 198₆
 Гашон Люсьен / Gachon Lucien
 203₁₆₃, 206_{232n}
 Генрих II фр. / Henri II 156_{вр}
 Генрих IV фр. / Henri IV 152
 Гизо Франсуа / Guizot François
 87, 161
 Гийом де Нанжси / Guillaume de
 Nangis 211₉₁
 Гийу Андре / Guillou André 204₁₈₄,
 205_{201n}
 Гилен Жан / Guilain Jean 28, 34,
 35к, 40к, 41, 42к, 198₁₆, 199₂₃,
 41н, 42н, 44н, 45н, 47н, 200_{49н}—
 51н, 53н, 54н, 56н—59н, 61н—64н,
 66н—70н, 72н
 Гиллерм Ален / Guillerm Alain
 53, 56₂, 66, 68, 201₉₃, 102н,
 202_{120н}, 128н
 Гимилькон / Himilcon 53
 Гонтран, король Бургундский и
 Орлеанский (VI в.) 98
 Гиппократ 166_{вр}
 Гренье Альбер / Grenier Albert 56,
 60, 201₁₀₁
 Грессар / Gressart, кондотьер на
 службе Валуа (XIV—XV вв.)
 146
 Губер Пьер / Goubert Pierre 153,
 157, 159, 212₁₁₇, 133, 213_{145н}, 150
 Гуго Капет / Hugues Capet 104,
 106, 122_{вр}
 Гудар Анж / Goudar Ange 12₂,
 171—172, 198₄, 214_{170н}, 172н
 Гуэсс Жан-Мари / Gouesse Jean-
 Marie 214₁₇₇, 181н, 182н, 215_{190н},
 195н, 196н
 Гюго Виктор / Hugo Victor вклад-
 ка, № 5
 Дагобер 83_{вр}, 93_{вр}, 97₂, 101
 Дарвин Чарлз 13, 14, 167
 Дей Джон / Day John 211₁₀₃
 Делёз Жиль / Deleuze Gilles 198₆
 Делиль Леопольд / Delisle Léopold
 210₆₃
 Дельбрюк Ганс / Delbrück Hans 86,
 204₁₇₆
 Дельпорт Анри / Delporte Henri
 198₁₇
 Дениель Рэмон / Deniel Raymond
 215₁₈₉
 Дерби Х. К. / Darby H. C. 132
 Дешан Эсташ / Deschamps Eustache
 145
 Джамель / Djamel, алжирец, вер-
 нувшийся на родину 195
 Диоклетиан 84_{вр}, 92, 104
 Докес Пьер / Dockès Pierre 85₂,
 203₁₅₃, 168н, 169н, 204_{174н}, 180н
 Доллинже Филипп / Dollinger
 Philippe 210₆₇
 Домициан 70
 Дондт Ян / Dhondt Jean 104, 105,
 109, 110, 112, 114, 116, 205₂₁₇,
 218н, 225н, 206_{229н}—231н, 242н—245н,
 207_{254н}, 255н, 1н, 208_{16н}, 17н,
 209_{41н}
 Дофен Сесиль / Dauphin Cécile
 215₁₈₈
 Дрюмон Эдуард / Drumont Edou-
 ard 189
 Духар Рене / Doehaerd Renée
 205₂₀₃, 204н, 210н, 206₂₄₀, 246н,
 211₁₀₆
 Дюби Жорж / Duby Georges 100к,
 128, 208₁₇, 21, 24н, 25н, 211_{93н},
 96н, 101н
 Дюбле Анри / Dubled Henri 203₁₆₁
 Дюваль Поль-Мари / Duval Paul-
 Marie 56
 Дю Геклен Бертран / Du Guesclin
 Bertrand 146
 Дюкеси Жак / Duquesne Jacques
 214₁₆₆

- Дюпакье Жак** / Dupâquier Jacques
201¹¹³, 115ⁿ, 205²⁰⁰ⁿ, 212¹³⁵ⁿ, 136,
213¹⁴⁹ⁿ, 151ⁿ, 214¹⁸⁴, 215²⁰⁸ⁿ,
216²¹⁵, 223, 224, 217²³⁷, 239ⁿ, 240
- Дюрвен Пьер** / Durvin Pierre
203¹⁵⁹, 162ⁿ
- Дюрозель Ж.-Б.** / Duroselle J.-B.
216²²³
- Дюфурне Поль** / Dufournet Paul
87, 204¹⁸³
- Жан-Эд, святой** / Saint-Jean-Eudes
172, 215¹⁹⁵
- Женико Леопольд** / Genicot Léopold
99, 205²⁰⁸, 209ⁿ
- Жискара д'Эстен Валери** / Giscard
d'Estaing Valéry 191
- Жорж Франсуа** / George François
202¹³⁴
- Жюйяр Этьенн** / Juillard Etienne
158, 213¹⁴¹
- Жюлиан Камилл** / Jullian Gamille
60, 68, 202¹²², 126ⁿ
- Жюльен-Лабрюйер Франсуа** / Juli-
en-Labruyère François 127, 208³⁹,
211⁹⁵ⁿ
- Зомбарт Вернер** / Sombart Werner
129
- Ибн Хальдун** 93
- Инхениос Диего** / Ingenios Diego
211¹⁰⁸
- Иоанн Добрый** / Jean le Bon 145^{вр}
- Ионеско Эжен** 183
- Исаак Жюль** / Isaac Jules 182
- Йорга Никола** / Iorga Nicolas 105²,
205²²²
- Кавеньяк Эжен** / Cavaignac Eugène
61, 75, 201¹¹⁵
- Каликен В.** / Culican W. 200⁷⁷
- Кальвин Жан** / Calvin Jean 180
- Кампобассо** / Campobasso, кондо-
тьер 146
- Кан Габриель** / Camps Gabriel 15,
198¹², 13ⁿ—15ⁿ, 199²⁷ⁿ—30ⁿ, 32 ⁿ, 34ⁿ,
36ⁿ, 37ⁿ, 39ⁿ, 201¹¹¹ⁿ
- Кангилхэм Джордж** / Canguilhem
Georges 166
- Канлифф Барри** / Cunliffe Barry
46, 200⁷⁶, 201⁸⁷ⁿ
- Капетинги** / Capetians 104, 108,
120к, 129^{вр}
- Каркопино Жером** / Carcopino Jé-
rôme 202¹²²
- Карл Великий** / Charlemagne 90^{вр},
91, 102², 104⁴, 105³, 106, 107²,
108, 111^{вр2}, 145^{вр}, 206²²⁷, 236
- Карл Лысый** / Charles le Chauve
104
- Карл Мартелл** 102, 107²,
- Карл V фр.** / Charles V 210⁶⁸
- Карл VII фр.** / Charles VII 139,
144, 145
- Карл VIII фр.** / Charles VIII 150
- Каролинги** / Carolingiens 102—107,
85^{вр2}, 93, 113, 114^{вр}, 118^{вр},
128^{вр2}, 129^{вр}, 206^{228вр}
- Кинэ Эдгар** / Quinet Edgar 181,
215²⁰⁷
- Клавдий** 69³, 70²,
- Клавель Моника** / Clavel Monique
203¹⁵⁸
- Клаверен Якоб ван** / Klaveren Ja-
cob van 109, 141, 206²³⁵
- Клеопатра** 69
- Климент VI, папа римский** 142
- Коко Удар** / Coquault Oudard
212¹³²
- Колиньи Гаспар де Шатийон** /
Coligny Gaspard de Châtillon 152
- Коллеони Бартоломео** / Colleoni
Bartolomeo 146
- Коломбан святой** / saint Colomban
99

- Колумелла* Луций Юний Модерат 82
- Кольбер* Жан Батист / Colbert Jean Baptiste 150
- Коммод* 72—78^{вр}, 83^{вр}
- Кондратьев* Н. Д. 161
- Константин I* 92
- Корнуби* Мишель, он же Блонпейн Майкл / Cornubie Michel de, ou Vlaunpauyn Michel 136, 210⁷¹
- Кортес* Эрнан / Cortés Hernan 192
- Костер* Серж / Koster Serge 190, 216²²¹
- Краузе* В. / Krause V. 206²⁴¹
- Кремье* Адольф / Crémieux Adolphe 183
- Круа* Ален / Croix Alain 212¹³⁹
- Крута* Венцеслав 54², 56², 200⁷⁴, 75^н, 201^{95н—97н}
- Кула* Витольд / Kula Witold 159, 213¹⁴⁶
- Куле* Ноэль / Coulet Noël 211^{91, 93н, 96н—99н, 101н}
- Курциус* Эрнст Робер / Curtius Ernst Robert 104, 205²²¹, 210^{70н, 71н}
- Кюри* Пьер / Curie Pierre 183
- Лабрусс* Анри / Labrousse Henri 204¹⁸⁹, 213^{152, 153}
- Лависс* Эрнест / Lavisse Ernest 68
- Лакомб* / Lacombe вкладка, № 1
- Лампридий* 203¹⁶⁶
- Ланс* Пьер / Lance Pierre 72, 202^{132, 135н}
- Лапейр* Анри / Lapeyre Henri 152
- Лашиве* Марсель / Lachiver Marcel 214¹⁸⁴
- Левассер* Эмиль / Lévassieur Emile 204¹⁸⁷, 211^{100н, 212^{118н}}
- Леви* Мишель Луи / Levy Michel Louis 198³, 215^{209, 210н, 216^{211н}}
- Ле Гле* Марсель / Le Glay Marcel 202¹³¹
- Леклерк-Кутель* Ж. / Leclerc-Cou-tel G. 216²²⁷
- Лемаринье* Жан-Франсуа / Lemaignier Jean-François 205²⁰⁶
- Ленен* братья / Le Nain, les frères вкладка, № 2
- Ленен* Матье / Le Nain Mathieu вкладка, № 2
- Леридон* Анри / Leridon Henri 198³
- Леруа-Гуран* Андре / Leroi-Gou-rhan André 198^{15, 199³⁴}
- Леруа Ладюри* Эмманюэль / Le Roy Ladurie Emmanuel 157, 212^{119, 120н, 121н}
- Лефевр* Жак / Lefevre Jacques 205^{211, 206^{238н, 239н, 211¹⁰⁵}}
- Липп* / Lipp 190
- Литтре* Эмиль / Littré Emile 167, 213¹⁶¹
- Ломбар* Морис / Lombard Maurice 109, 128, 206²³⁶
- Ломбар-Журдан* Анн / Lombard-Jourdan Anne 109, 206²³⁴
- Лот* Фердинанд / Lot Ferdinand 58, 60, 68, 74, 78, 138, 198⁷, 201¹⁰⁷, 202^{125, 140н, 203^{147н, 204¹⁷⁹}}
- Лотарь I* герм. / Lothaire I 207⁹
- Луи-Наполеон* / Louis-Napoléon см. Наполеон III
- Луццато* Джино / Luzzatto Gino 123
- Лэт* Зигфрид Ян ван 69, 202^{129, 130н, 138н}
- Людовик Добродушный* / Louis le Débonnaire 102, 107^{вр}
- Людовик VIII* / Louis VIII 120к—121к
- Людовик IX Святой* / Louis IX ou Saint 102, 121к, 140^{вр}
- Людовик XIV Великий* / Louis XIV le Grand 150, 151, 153, 159^{вр}, 176^{вр}, 212¹³³

- Людовик XV* / Louis XV 161^{вр}, 172^{вр}, 176^{вр}
- Люмле Анри де* / Lumley Henri de 198¹⁸, 199^{21п, 23п}
- Люмле Мария-Антуанетта де* / Lumley Marie-Antoinette 199²⁴
- Люс М.* / Luce M. вкладка, № 9
- Лютер Мартин* 180
- Лютфи Баркан Омер* / Lütfi Barkan Omer 212¹²⁷
- Магомет* 91, 206²³⁶
- Мадоль Жак* / Madaule Jacques 104, 205²¹⁹
- Магсанди Франсуа* / Magendie François 167⁴, 168
- Макиавелли Никола* 213¹⁵⁵
- Максимиан* 84²
- Мале Альбер* / Malet Albert 182
- Мальтус Томас Роберт* 11, 157 (мальтузианский ритм жизни), 175² («мальтузианская революция»; мальтузианские нравы)
- Мантран Робер* / Mantran Robert 208^{21, 24п, 25п}
- Марк Аврелий* 72, 74, 75^{вр}
- Маркаль Жан* / Marcale Jean 13, 198⁵, 202^{137п}
- Маркс Карл* 188⁴, 216²¹⁷
- Мартен Жан-Батист* / Martin Jean-Baptiste вкладка, № 6
- Мартон Эмманюэль де* / Martonne Emmanuel de 57, 201¹⁰⁴
- Марьежоль Жан-Ипполит* / Mariéjol Jean-Hippolite 212¹¹⁶
- Матерн* / Maternus, предводитель жакерии в Галлии (186—188 гг.) 84
- Мауэр* / Mauër 20 (челюсть Мауэра)
- Мендель Иоганн* 167
- Меровинги* / Mérovingiens 97, 97к, 99², 101, 102 (меровингский эпизод), 105^{вр}, 106^{вр2}, 106, 107, 109, 110^{вр}, 111^{вр}, 204¹⁷⁹
- Мессанс М.* / Messance M., автор «Новых разысканий о населении Франции» (1788) 173, 214¹⁷⁸
- Милле Жан-Франсуа* / Millet Jean-François вкладка, № 3
- Миро Эмиль* / Mireaux Emile 208³⁷
- Мисковски Ж.-К.* / Miskovsky J.-C. 199²³
- Мишле Жюль* / Michelet Jules 50, 67, 72, 102, 200^{81, 82п}, 202^{121п, 134}
- Модильяни Амедео* 183
- Молс Роже отец* / Mols Roger le père 152, 211¹¹⁵
- Монантей* / Monanteuil вкладка, № 4
- Монжибо Жан-Франсуа* / Mongibeau Jean-François 216²³⁰
- Монтень Мишель де* / Montaigne Michel de 176, 177, 179, 180, 215^{193, 197п, 203п}
- Моо М.* / Moheau M., автор «Изысканий и рассуждений о населении Франции» (1778) 172, 214¹⁷⁶
- Морель Э.* / Morel E. 208³¹
- Морино Мишель* / Morineau Michel 158—159, 213¹⁴⁴
- Моро де Жоннес Александр* / Moreau de Jonnès Alexandre 60
- Мосс Марсель* / Mauss Marcel 190
- Мэнь Жак* / Maigne Jacques 217^{231, 234п—236п}
- Мюссе Люсьен* / Musset Lucien 97к, 203¹⁵⁰, 204¹⁸⁴, 205^{201п, 202}
- Наполеон I* / Napoléon Ier 151
- Наполеон III* / Napoléon III^{er} 161
- Неджаи Мохаммед* / Nedjaï Mohammed 186
- Нейсбит Джон* / Naisbitt John 169, 214¹⁶⁶
- Неккер Жак* / Necker Jacques 173
- Нерон* 71^{вр}

- Николс Джон** / Nickolls John, псевдоним Плюмара де Данжёля (Plumard de Dangeul) 173—174, 214¹⁸³
- Ницше Фридрих** 13
- Нови де Кавейрак Жан** / Novi de Caveirac Jean 172, 214¹⁷³
- Ноде Тома** / Naudet Tomas вкладка, № 7
- Нолис Роберт** / Knowles Robert 146
- Норберт святой** / saint Norbert 127
- Нужье Луи-Рене** / Nougier Louis-René 18к, 21к, 24 к, 58к, 60, 61, 201¹¹⁰
- Ньютон Исаак** 14, 198₉
- Одоакр** 90
- Омейяды**, династия 113
- Онан** 172, 176, 178
- Отт Энрике** / Otte Enrique 211¹⁰⁸
- Оттон I Великий** 104, 108
- Оффре Жан** / Auffray Jean 214¹⁷¹
- Пайу Поль-Анри** / Paillou Paul-Henri 201⁸⁹
- Панзак Даниель** / Panzac Daniel 211⁹⁰
- Паре Амбруаз** / Paré Ambroise 166₂
- Паскаль Р.** / Pascal R. 198¹⁸, 199²¹ⁿ
- Пастер Луи** / Pasteur Louis 167
- Пенк Альбрехт** / Penck Albrecht 17
- Перну Режин** / Pernoud Régine 203¹⁶⁷, 210⁶⁹
- Перруа Эдуард** / Perroy Edouard 207¹⁰, 14ⁿ, 210⁶⁸ⁿ
- Петилий Цереалис Квинт** 71
- Петрарка Франческо** 145
- Пиатье Андре** / Piatier André 8
- Пиганьоль Андре** / Piganiol André 79, 202¹³³, 203¹⁵¹
- Пикассо Пабло** 183
- Пиньон** / Pignon вкладка, № 10
- Пипиниды** / Pippinides 101
- Пипин Короткий** / Pépin le Bref 102, 107
- Пиренн Анри** / Pirenne Henri 86, 91₂, 92₂, 93, 101₂, 113, 128, 204¹⁷⁷, 205²¹³, 207²⁵³
- Плиний Старший** 52
- Плюмар де Данжель** / Plumard de Dangeul *см.* Николс Джон
- Помпиду Жорж** / Pompidou Georges 186
- Постум Марк Кассиан Латинский** 79₂
- Пуссеро Л. М.** / Poussereau L. M. 213¹⁵⁷
- Путас Шарль-Анри** / Pouthas Charles-Henri 213¹⁵⁰
- Пфизенмайер Э. В.** / Pfizenmayer E.W. 199²²
- Пфистер Шарль** / Pfister Charles 207¹³
- Радагайс** 79, 86
- Рассел Джозайа (Джон) Кокс** / Russel Josiah (John) Cox 76, 95, 111, 123, 207²⁴⁹, 208²⁰, 22ⁿ, 209⁵⁸
- Раше Ж.** / Racht G. 200⁶⁵
- Регаццола Тома** / Regazzola Thomas 205¹¹¹, 206²³⁸ⁿ, 239ⁿ
- Рейнар Марсель** / Reinhard Marcel 180, 181, 201¹¹³, 115ⁿ, 205²⁰⁰ⁿ, 207²⁴⁹ⁿ, 212¹³⁵ⁿ, 136ⁿ, 213¹⁴⁹ⁿ, 151ⁿ, 215²⁰⁸ⁿ
- Ремигий святой** / saint Remi 95
- Ремон Андре** / Rémond André 161₂
- Рено-Мисковски Ж.** / Renault-Miskovsky J. 199²³
- Ренфрю Колин** / Renfrew Colin 15, 57, 58, 198₈, 9ⁿ—11ⁿ, 201¹⁰⁵ⁿ, 108ⁿ
- Рике Рэмон** / Riquet Raymond 28, 36, 58, 199⁴³, 46ⁿ, 200⁵²ⁿ, 201¹⁰⁶ⁿ, 112ⁿ
- Рише Пьер** / Riché Pierre 101, 205²⁰², 207ⁿ, 214ⁿ, 215ⁿ

- Роберт II Благочестивый* / Robert le Pieux 207₁₃
- Роберт Сильный* / Robert le Fort 108
- Робинсон Джоан* / Robinson Joan 7, 198_{1a}
- Роблен Мишель* / Roblin Michel 63, 202₁₁₈
- Роллан Поль* / Rolland Paul 108—109, 206₂₃₃
- Ромул Августул* 90
- Ромье Люсьен* / Romier Lucien 86, 204₁₇₈
- Ростов В. В.* 133
- Руш Мишель* / Rouche Michel 109, 203₁₅₂, 154_n, 164_n, 165_n, 205_{205n}, 206₂₃₇, 207_{251n}
- Рюстов Александер* / Rüstow Alexander 89, 204₁₉₀
- Рюфье Жак* / Ruffié Jacques 201₁₁₇
- Сабб Этьенн* / Sabbe Etienne 92, 204₁₉₅
- Сабин* / Sabinus 176
- Сальвиан* 84, 203₁₇₁
- Сапори Армандо* / Sapori Armando 123
- Севинье Мари де Рабутен-Шанталь, маркиза де* (госпожа де) / Sévigné Marie de Rabutin-Chantal, marquise de (madame de) 176, 215₁₉₁
- Сей Жан-Батист* / Say Jean-Baptiste 182
- Сеймаль Юдит* / Saymal Judith 216₂₂₅
- Серволь Арно де* / Cervolle Arnaud de 146
- Серволь, шевалье де* / Cerfvol, chevalier de 172, 214₁₇₅
- Серра Э.* / Serra E. 216₂₂₃
- Сиэзрий* 95
- Сиго Франсуа* / Sigaut François 94, 122, 123, 207₁₅
- Сидоний Аполлинарий* 82, 203₁₆₀, 166
- Симиан Франсуа* / Simiand François 139₂, 210₇₄
- Скловдовская-Кюри Мария* / Sklodowska-Curie Marie 183
- Слихер Ван Бат Б. Х.* / Slicher Van Bath B. H. 162, 213₁₅₄
- Сови Альфред* / Sauvy Alfred 11, 168, 169, 171, 179, 180₂, 198_{1n}, 214₁₆₃, 164, 165, 169, 215₂₀₄
- Спеклен Робер* / Specklin Robert 98
- Спунер Фрэнк* / Spooner Frank 152, 159, 211₁₁₃, 213_{147n}
- Стази Бернар* / Stasi Bernard 190, 216₂₂₀
- Стилихон Флавий* 92
- Страбон* 64, 67, 68₂
- Сугерий* / Suger, настоятель аббатства Сен-Дени 125
- Сурдель Доминик* / Sourdel Dominique 204₁₈₄, 205_{201n}
- Сурниа Жан-Шарль* / Sournia Jean-Charles 166, 167, 213₁₅₈, 159_n, 161_n, 162_n
- Сутин Хаим* / Soutine Chaïm 183
- Сфорца Франческо* 146
- Сюффер Жорж* / Suffert Georges 210₆₉, 211₁₁₂
- Таламас Амедей* / Thalamas Amédée 208₂₆, 28_n
- Тацит Корнелий* 88_{вр}
- Тетрик Пий Эсувий* 79
- Тибальд II* / Thibaud II 134
- Тиберий* 69, 70
- Тир Слиман* / Tir Slimane 197
- Тойнби Арнольд* / Toynbee Arnold 186
- Тьерри Огюстен* / Thierry Augustin 88
- Турмо де Ла Морандьер Дени Лориан* / Turmeau de La Morandière Denis-Laurian 172, 214₁₇₄

- Уайт Линн** / White Lynn 128
- Фавье Жан** / Favier Jean 128, 143к, 207₁₂, 209_{42, 45п}
- Фальстаф Джон** 146
- Фарабеф** / Farabeuf, врач сер. XIX в. 166
- Фарнезе Алессандро** / Farnèse Alexandre 152
- Феврие Поль-Альбер** / Février Paul-Albert 204₁₈₈
- Фелин, отец** / Féline, père 172, 178, 214₁₇₇
- Феодосий Флавий** 122_{вр}
- Филипп-Август** / Philippe-Auguste 120к—121к, 135
- Филипп III Храбрый** / Philippe III le Hardi 120к—121к
- Филипп IV Красивый** / Philippe IV le Bel 120к—121к
- Филипп VI де Валуа** / Philippe VI de Valois 139, 140
- Филипп Робер** / Philippe Robert 132, 140, 209_{51, 55, 56, 60п}, 210_{63п, 82п}
- Фландрен Жан-Луи** / Flandrin Jean-Louis 176, 215_{189, 194п, 198, 199, 200п, 201}
- Флеминг Александр** / Fleming Alexander 166
- Флоренн Ив** / Florenne Yves 202₁₃₆
- Фове Гийом** / Fovet Guillaume 203₁₅₆
- Фольз Робер** / Folz Robert 204_{184, 205, 201п}
- Фосье Робер** / Fossier Robert 63, 76, 87, 105, 139₂, 140, 202_{118, 144п, 203, 148, 151}, 204_{172п, 182п, 185п, 205, 216п, 224п}, 210_{73п, 75п, 79п, 81п, 211, 102п}
- Франциск I** / François I 168_{вр}
- Фредегунда** 99
- Фрезуль Эдмон** / Frezouls Edmond 204₁₉₁
- Фруассар Жан** / Froissart Jean 145, 211₉₇
- Фурастье Жан** / Fourastié Jean 212₁₃₄
- Фуркен Ги** / Fourquin Gui 128, 207₃
- Фьерро Альфред** / Fierro Alfred 207₃
- Фюстель де Куланжс Нума Дени** / Fustel de Coulanges Numa Denis 90, 204₁₉₃
- Хассан, алжирец** 195
- Хиллейнер Карл** / Helleiner Karl 212₁₂₆
- Хлодвиг** 93_{вр}, 95₃, 97к_{вр}, 122_{вр}
- Хоуквуд Джон** / Hawkwood John 146
- Хэмилтон Джефферсон** / Hamilton Jefferson 156, 158, 213₁₄₂
- Цезарь Гай Юлий** 49, 50, 51, 53₃, 56₂, 61₂, 64, 65_{вр}, 66₄, 67₂, 68₂, 69, 70, 72, 74, 74_{вр}, 76_{вр}, 202₁₂₂
- Цивилис Гай Юлий** 71₄
- Цирцел** 83
- Цицерон Марк Туллий** 56
- Чандос Джон** / Chandos Jean 146
- Шабан-Дельмас Жак** / Chaban-Delmas Jacques 186
- Шагал Марк** 183
- Шампанские графы** / comtes de Champagne 134₂
- Шаму Ангуанетта** / Chamoux Antoinette 215₁₈₈
- Шедевиль Андре** / Chédeville André 140, 209_{52, 53п, 210, 78п}
- Шолиак Ги де** / Chauliac Gui de 142
- Шоню Пьер** / Chaunu Pierre 22, 132—133, 151, 156, 158, 170, 198_{2п}, 209_{50, 62п, 211, 112, 213, 143}
- Шоню Югетта** / Chaunu Huguette 158, 213₁₄₃

Эд / Eudes, король франков 108

Эльд Жан-Франсис / Held Jean-Francis 197, 217₂₄₁

Эль Язами Дрисс / El Yazami Driss 196

Эштор Элиас / Ashtor Elyas 93, 204₁₉₇

Юбер Анри / Hubert Henri 50, 60, 200₈₄, 203₁₇₀

Юлиан 89

Юппер Жорж / Huppert George 180, 215₂₀₆

Юстиниан 68_{вр}

ОГЛАВЛЕНИЕ

КНИГА ВТОРАЯ ЛЮДИ И ВЕЩИ

5

Предисловие

7

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЧИСЛЕННОСТЬ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ И ЕЕ КОЛЕБАНИЯ НА ПРОТЯЖЕНИИ ВЕКОВ

9

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Население Франции от доисторического периода до 1000 года

11

- I. К вопросу о населении в доисторический период 13.**
Чрезмерная временная протяженность 15.— Тела и орудия 19.
— От каменного века к земледелию: великие перемены 26.
— Гетерогенность, разнообразие 28.— Металлический век 37.
— Кельты, или галлы: очерк не столько истории, сколько цивилизации 45.— Численность народонаселения возрастает 57.
- II. От Галлии независимой к Галлии Каролингской 63.**
Как — если это возможно — объяснить завоевание Галлии римлянами 64.— Расцвет Римской Галлии в правление Коммода 72.— Римская Галлия перед лицом внутренних беспорядков и вторжений варваров 78.— Незатухающая жакерия 80.
— И все же не следует забывать о нашествиях варваров 86.
— Рим как мир-экономика 90.— Меровингская Галлия 95.

- Империя Каролингов — а была ли она? 102.—
Зарождение Европы; зарождение и становление феодализма 105.
— Последние нашествия варваров 108.— Экономика и население 109.— Инверсия циклов 115.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Население с X века до наших дней

116

- I. Многовековой, почти замкнутый цикл, или Первый этап нового времени во Франции и в Европе (950—1450) 118.
X век, или Конец Рима 118.— Взлет новосозданной Европы 123.— Удача Франции: ярмарки в Шампани и Бри 133.— Географическая экспансия: крестовые походы 138.— Нисходящая кривая (1350—1450) 139.— Чума и Столетняя война 142.— Возвращение к миру-экономике 145.— Европа и судьба Франции 150.
- II. 1450—1950: восходящая кривая, да еще какая крутая! 151.
Последовательные фазы 153.— Какой причиной или причинами объясняются демографические процессы, совершившиеся до 1850 года? 161.
- III. Проблемы последнего времени: успехи медицины, падение рождаемости, иностранная иммиграция 164.
Медицина и здравоохранение 165.— Падение рождаемости 170.— Позиция Церкви 176.— Французский случай 179.— Новая проблема: иностранная иммиграция 182.— Экономические проблемы 185.— Проблема расизма 187.— Проблема культуры 190.
- Примечания и ссылки на источники 198
Справочный аппарат 218
- Список-указатель карт 218.
Список цветных репродукций на вкладке 219
Указатель географических названий 220
Указатель имен 232

Бродель Фернан
ЧТО ТАКОЕ ФРАНЦИЯ?

Книга вторая

ЛЮДИ И ВЕЩИ

Часть первая

**ЧИСЛЕННОСТЬ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ
И ЕЕ КОЛЕБАНИЯ НА ПРОТЯЖЕНИИ ВЕКОВ**

Художественный редактор

Е. Воронцова

Технические редакторы

Н. Аврутин, З. Теплякова

Корректор

Б. Тумян

Лицензия № 060446 от 3.12.91.

Сдано в набор 04.02.94. Подписано к печати 20.04.95.

Формат 60 × 90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Гарнитура Бодони. Усл. печ. л. 16,25. Уч.-изд. л. 16,27.

Тираж 15 000 экз. (1 завод) Заказ 4373.

Издательство имени Сабашниковых

119146 Москва, 2-я Фрунзенская, 7

Полиграфическая фирма «Красный пролетарий»

103473 Москва, Краснопролетарская, 16

Фернан Бродель

Б88 Что такое Франция? Книга вторая: Люди и вещи, ч. 1.— Пер. с фр. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1995.— 244 с., 6 л. цв. ил.: ил.

ISBN 5-8242-0017-3

В первой части второй книги своего труда историк Фернан Бродель исследует изменения, которые претерпевало на протяжении веков население его родной страны.

Б 0503030000-002 Без объявл.
Б94(03)-95

ББК 63.3 (4Фр.)

«Ес.1п... взі'.1ян\ть на Францию в ее самых общих хронологических рамках, то она предстанет целой чередой Франции, последовательно сменяющих друг друга, разных и похожих. попеременно то тесных, то широких. то единых. то раздробленных, то благополучных, то страждущих, то удачливых, то неудачливых. <...> Приливы и отливы этих циклов, чередуясь, приводили в движение живые массивы нашей истории, подобно тому как приливы и отливы без устали волнуют воды морей. <...> Мы привыкли рассматривать каждую из сменяющих друг друга Франций саму по себе: у нас есть специалисты по доисторической эпохе, специалисты по независимой Галлии или галло-романской античности, есть медиевисты, исследователи новой истории и т. д. И без этого никак нельзя обойтись. Однако все эти Франции нужно сблизить между собой. Нелишне упомянуть, что история каждой из них неумолимо циклична. Они рождаются, достигают расцвета, клонятся к упадку. Они приходят на смену одна другой, но разрыва между ними нет».

фа-ірн / н іі'0,-'іі-і.'ь

В первой части второй книги своего труда «Что такое Франция?» выдающийся французский историк Фернан Бродель исследует изменения, которые претерпевало на протяжении веков население его родной страны. Вторая часть второй книги, посвященная крестьянской экономике в прошлом и настоящем, составит отдельный том.